

АРТ

СОДЕРЖАНИЕ

КОМИ КЫВЛОН ВО

- А. Ельцова. В.Т. Чисталёв: жизнь и творчество 5
Тима Вень – вуджёдчысь. *Публикация Л. Суриной* 14
М. Горький. Мам (главы из романа в пер. В.Т. Чисталёва) ... 15
В.Т. Чисталёв. «Сердце прячет грусть...».

Стихи в переводе Вл.Шахова 34

- В. Лимерова. Диалектика традиционного и индивидуального:
к вопросу о писательской самобытности В.Т. Чисталёва . 37
А. Панюков. Необходима газета на зырянском языке 44
Г. Бутырева. Пас туй. *Вуджёдіс финн кыв выlö Р.Бартенс* . 46
Р.Бартенс. Нэмъяскостса коми кывъя лирика выlö
видзёдлас (статьясы юкён – «Галина Бутырева») 50

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- А. Попов. «И черен хлеб мой, да не пресен...». Стихи 52
В. Шахов. Заметки о реке и времени 56
П. Шахов. Синий патефон. Повесть. Перевод В.Шахова 66
А. Ельцова: «У каждого живущего на этой земле есть своя
звезда». Интервью с А.Поповым 83
Г. Юшков. «Радайтан ёльлань ме восьлала бара...». Кывбуръяс 90
П. Лимеров. Опыт самоуничтожения: трагедийность бытия
коми народа в романах Г.А. Юшкова 92

СЛОВО О СЛОВАРЕ

- А. Туркин. Русско-зырянский словарь Н.П. Попова 101
Письма составителей первого русско-коми словаря
академику А.Шёгрену. *Публикация Марии Лейненен* 109

КАЛЕВАЛА. 160 ЛЕТ

- А. Мишин. Элиас Лённрот – врач и поэт 128
Э. Лённрот. Калевала. I и II песни. Перевод с финского
А.Мишина 131
Ю. Орлицкий. Стих «Калеваль» в русской поэзии и прозе ... 136
Е. Сойни. «Калевала» и мастера аналитического искусства 148

АРТ-ФАКТ

С. Громова. Калевальские сюжеты Владимира Фомина 160

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

Новости 183

Приложение к журналу CD-диск «Галина Бутырева. Кывбуръяс»

Сыктывкар
2009

Издания, вошедшие в Золотой фонд прессы, рекомендуются российским библиотекам для комплектования своих фондов.

Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал

Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической, художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 24.08.09. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 5192. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа Владимира Фомина «За Сампо в Сариолу». 1996 г. Руна 39. Холст, масло, 110×75.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижöдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найös оз мёддöп. Редакция оз век во öти кывйö авторъяскöд.

КОМИ КЫВЛЁН ВО

ГОД КОМИ ЯЗЫКА

1939 вося октябр 13-ёд лун Тима Венъ паметылы сиёма

Тима Венъ (Съёлём) (1890–1939) — XX нэмын коми литератураён медтöдчана гижысьяс пöвстysьёти. Унатор сiёо удитлiс аслас дженыыд нэмён: гижис съёлёмтö вóрзьёдан кывбуръяс да пыдi мёвпа, лирика нога проза, вуджöдлiс роучыс да ачыс лёссыёдлiс пьесаяс, велöдiс челядьёс, чукörtiс коми фольклор да зiлис-корсис коми поэзиялlyсь выль сёвман туйяс. Съёлёмсяяныс, мича, сёстёр да озыр кывйён сiёо кужис серпасавны войывив вör-ва, восьтны мортлыс пытшкёсса олём, пасайыны гижёдас революция да война кад. Став олёмнас да аслас творчествоён Тима Венъ-Съёлём петкёдлiс чужан му, вör-ва да морт дiнё помасьлытём ыджыыд муслун.

Алёна Ельцова

Ельцова Елена Власовна родилась в 1979 году в с. Усть-Кулом Республики Коми. Окончила Усть-куломскую среднюю школу, Гимназию искусств при Главе Республики Коми в г. Сыктывкаре, затем в 2001 году финно-угорский факультет Сыктывкарского государственного университета. С 2001 по 2003 год училась на Высших литературных курсах при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. С 2005 года работает в Институте языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН в должности научного сотрудника. Живёт в Сыктывкаре.

В.Т. Чисталёв: жизнь и творчество

Вениамин Тимофеевич Чисталёв (Тима Веня, Съёлём (Сердце) – один из самых выдающихся коми лириков, прозаик, автор и переводчик драматических произведений, критик, учитель и просветитель, ставший одним из основоположников коми советской литературы. Лиризм, эмоциональность его творчества, обращённого к исследованию глубин внутреннего мира человека, его чувств и переживаний, богатство и образность языка сделали его произведения одними из самых любимых у коми народа, а активное участие в просветительской и общественной жизни родного края, его трагическая судьба стали воплощением времени, в которое жил писатель.

В.Т. Чисталёв родился (8) 20 октября 1890 года в селе Помоздино Усть-Сысолского уезда Вологодской губернии. Его отец – крестьянин, волостной писарь – дал сыну образование: после учёбы в Помоздинской начальной школе он продолжил учёбу во второклассной школе села Деревянск. Там он полюбил книги, там же, по собственным воспоминаниям, стал и сам пробовать писать: «Лыдди ме школа библиотекасыыс унджык книгасё... Медся ёна вёлі радейта лыддыны крестьянин удж йылысь да ывла выв йылысь гижём книгаяс. Куті нин ачым гижыштавны мыйсюрё...» (Прочитал я большинство книг из школьной библиотеки... Больше всего любил я читать о крестьянской работе и о природе. Стал и сам писать кое-что...)

После окончания Деревянской школы В.Т. Чисталёв осуществил свою заветную мечту стать учителем: после сдачи экзамена на звание народного учителя он

* Статья публикуется в рамках выполнения интеграционного проекта фундаментальных исследований УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начало XX вв.)».

получил место в своей первой Пожегодской церковно-приходской школе в 1908 году. Здесь, во время работы в школе, в 1909 году, он написал книги для учащихся младших классов на коми языке – «Быдманторъяс (вёр-пу) йылысь» (О растениях) и «Роча-комиа букварь» (Русско-коми букварь), существовавшие только в рукописном варианте.

В эти же годы В. Чисталёвым были написаны его первые известные поэтические произведения: «Шойданник» (Абулён сыланкыв) (Песня оборванца, 1908) и «Некор оз петав шонді рытывсянь» (Никогда не восходит солнце с запада, 1909) по мотивам стихотворений русских поэтов И.С. Никитина «Песня бобыля» и А.В. Кольцова «Песня старика».

С 1910 года В.Т. Чисталёв стал работать уже в школе родного села Помоздино, всей душой радел и переживал о том, чтобы появилась возможность учить коми детей на родном языке. С этим вопросом он выступал на II Усть-Сысольском уездном учительском съезде, проходившем в августе 1911 года. В эти же годы (1911–1912) В.Т. Чисталёв стал участником краеведческой организации – Архангельского общества изучения Русского Севера (АОИРС), которое возглавлял А.А. Цембер. Как активист, В.Чисталёв искал и собирал старинные предметы культуры и быта коми народа, его фольклор. В 1913–1914 годах работал помоздинским волостным писарем.

В сентябре 1915 года, во время первой мировой войны, В.Т. Чисталёв был мобилизован в армию, попал на Украинский фронт, был на учёбе в Киевском военном училище. Киевский период для жизни В.Чисталёва стал тяжёлым, но вместе с тем значимым для развития его творчества. Тоска по родине, ненависть к бессмысленной войне и страх перед ней, чувство одиночества, воспоминания о прежней, довоенной жизни, и в то же время – красота южной природы не только разбудили, всколыхнули сердце поэта, но и подтолкнули его к созданию первых лирических произведений на родном языке: в Украине В.Чисталёвым, уже занимавшимся литературными переводами, было написано стихотворение «Вемёсон колана вёт» (Кёнкё, веж турун пёвст) (Сон, который хочется увидеть наяву) (Где-то там, средь зелёных трав... 1917). В воспоминаниях 1927 года он написал об этом времени: «Киевын олігён 17-öд во тулысо ме первой збылььсь тыр сьёлёмён заводиті гижны ас кывйён. Вёлисти менам инасис сьёлёмой, вёлисти ме ассым шуд-таланös аддзи... Восси. Садьми. Ордём вируля дойой письті... Мича, муса Украиналён ывлла вылыс менё садьмёдіс поэзия олёмө... (В Киеве весной 17-го года я впервые по-настоящему от всего сердца начал писать на родном языке. Моё сердце, наконец, нашло себя, наконец, я нашёл своё счастье-талант... Раскрылся. Проснулся. Кровавая боль моя вырвалась наружу... Природа красивой, милой Украины пробудила меня к поэтической жизни...)».

Украина, её культура, фольклор, литература, действительно, оставили заметный след в творчестве коми писателя: украинские мотивы прослеживаются в произведениях В.Чисталёва «Гута-номъя» (Теш. Украинаса сыланкыв серти) (Муха и комар (Шутка. По мотивам украинской песни, 1917), «Лёк тёлён мубдз» (Злым ветром до земли, 1922), являющимся переводом первых строк поэмы Т.Г. Шевченко «Порченая», прозаическом произведении «Ылі йöz мусянь ас чужан му йылысь» (С далёкой чужбиной – о родной земле, 1923). В 1922–23 годах В.Чисталёвым была переведена на коми язык «Ночь перед Рождеством» (Рёштво

вой) Н.В. Гоголя, инсценированная специально для показа на сцене, а в 1923 году – его «Майская ночь» (Украинаса вой). Многие строки путевых заметок «Кört туй пёлён» (Вдоль железной дороги, 1926) В.Чисталёва посвящены описанию украинской природы.

Теме первой мировой войны В.Т. Чисталёв хотел посвятить большое произведение «Шойна» (Кладбище). Частью задуманной повести должен был стать рассказ «Оти... дас қуим миллион лыдысь» (Один... из тринадцати миллионов, 1933).

После Февральской революции, летом 1917 года, В.Т. Чисталёв вернулся на родину и окунулся в общественную жизнь: осенью он был избран членом Волостного исполкома, а с января 1918 года продолжил работу в Помоздинской школе. Вместе с тем В.Чисталёв стал принимать активное участие в литературной и культурной жизни Коми края. Он был участником созданной в 1918 году организации «Коми автономист чукёр» (Группа коми автономистов). Вместе с В.Т. Чисталёвым в состав этой группы входили его родной брат И.Т. Чисталёв, А.А. Маегов, Н.А. Шахов, Ф.В. Попов. Задуманная как политическая партия, впоследствии группа стала заниматься культурно-просветительными делами: её участники решали вопрос о преподавании в младших классах школы на коми языке, ставили переводные и оригинальные спектакли. В.Т. Чисталёв уже в феврале 1918 года для постановки на сцене перевёл на коми язык произведение З.Б. Осетрова «Лёк энька» (Злая свекровь), в апреле того же года – «Порсь видзысьёс гётралёны» (Свинья виновата).

В период гражданской войны В.Т. Чисталёв стал участником военных событий, произошедших в Помоздине: в 1919 году он был бойцом в караульной роте красноармейцев, вместе с ротой, когда в село вошли белогвардейцы, ушёл из Помоздино, ходил с театральной труппой В.А. Савина по коми сёлам, играл в его спектакле. В марте 1920 года, после ухода из его родного села отряда белых, В.Чисталёв вернулся обратно домой.

В 1921–1922 годах В.Чисталёв был редактором в недавно открывшемся издательстве: он работал в издательском подотделе Зыряновдела Наркомнаца, участвовал в составлении и был автором многих текстов книг для чтения «Шонді югёр» (Луч солнца, 1921), «Выль туйёд» (По новому пути, 1923).

Всё это время В.Т. Чисталёв занимался творчеством – создавал свои произведения: лирические стихи, поэмы, прозу. Свои лучшие художественные произведения он создавал в 1920-е годы: это стихотворения «Югыд вой, кёдзыд вой» (Светлая ночь, морозная ночь, 1918), «Тувсов вой» (Весенняя ночь, 1920), «Öввö» (Баю-бай, 1920), «Дорччысьяс» (Кузнецы, 1921), «Ок, эсьkö» (Ох, если бы, 1921), «Аръявыв» (Перед осенью, 1921), «Менам кывъясой» (Мои слова, 1922), «Съёлёмой бёрдö и сыылö» (Сердце моё плачет и поёт, 1922), «Ывла выв» (Природа, 1923), «Поэзия артмём» (Руна лоём йылысь) (Рождение поэзии (О происхождении руны, 1923). Все они вошли в его первые рукописные сборники «Съёлём» (Сердце, 1921) и «Съёлём дойяс» (Боли сердца, 1923). Чуть позднее, чем поэзией, начал заниматься В.Чисталёв созданием прозаических произведений, и стал одним из создателей коми прозы. Это его маленькие зарисовки о природе и человеке: «Во гётёр кытшвётём» (Круглый год, 1919), «Поводяя веж-сигён» (Когда меняется погода, 1920), «Тулыс воём» (Приход весны, 1921), «Арся лунё» (Осенним днём, 1923), «Вартысь Егор» (Молотильщик Егор, 1926),

«Көрт туй пёлён» (Вдоль железной дороги, 1926). В конце 1920-х годов В.Т. Чисталёв взялся за написание больших лиро-эпических произведений – поэм «Му вежандыр» (Время обновления земли, 1927) и «Ленин гу дорын» (У мавзолея Ленина, 1927) и обратился к созданию более крупных форм прозы: среди них начатые, но незавершённые произведения «Ыджыд висьт» (Большая повесть) и «Шойна» (Кладбище). В.Чисталёв успел создать лишь отдельные части, которые должны были войти в состав этих произведений: среди них «Тшиг воё» (В голодный год, 1929), «Трипан Вась» (1929), «Шог асыв» (Горестное утро, 1929), «Сартаса биён» (Огнём лучины, 1929) и рассказ «Оти... дас куим миллион лыдьсь» (Один... из тринадцати миллионов, 1933).

Творчество В.Чисталёва было известно и популярно среди его современников, оно вызывало большой резонанс. Об этом свидетельствует множество критических работ и отзывов о его произведениях в периодической печати того времени.

Первые критические работы, посвящённые творчеству писателя, появились ещё в 1920–1930 годы. Множество статей, рецензий, отзывов, заметок и даже стихотворений о жизни, творчестве и общественной деятельности В.Т. Чисталёва в это время писали в периодической печати (журнал «Ордым» (Тропа), литературно-художественный альманах «Парма ёль» (Лесной ручей), журналы «Коми му» (Земля коми) и «Ударник», газеты «Социалистический Север», «Вёрлэдзысь» (Лесоруб), «За новый Север», «Звезда Севера», «Коми комсомолец») его современники: поэты, прозаики и критики, составлявшие в те годы основной костяк авторов, активно пишущих на коми языке. Это А.С. Сидоров, М.П. Минин, А.П. Тимушев (Пармазон), А.С. Забоев (Сан Антус), В.А. Савин (Нёбдинса Виттор), В.И. Лыткин (Илля Вась), М.Н. Лебедев (Юсь), И.И. Пыстин (Иливапыс), А.А. Попов (Ёльёк Ондрей), П.А. Шеболкин (Выль Паш), И.И. Оботуров (В.Лузин), И.А. Осипов (Вокан), М.П. Доронин (Шыладорса Миш), И.В. Изьюров (Изьюор Иван). Оценка творчества В.Чисталёва в них разнообразна и неоднозначна: на страницах первых коми журналов и газет критики и писатели публиковали не только статьи о художественных особенностях поэтических и прозаических произведений писателя, о значении его творчества в молодой советской коми литературе, но и часто решали вопросы идеологической и политической состоятельности его произведений.

К одной группе критических работ о творчестве В.Т. Чисталёва относятся статьи, представляющие творческий портрет коми писателя: в них рассматриваются художественные особенности его творчества, поэтика его произведений, их образность, а также делается попытка определить значение поэзии, прозы и драматических произведений В. Чисталёва в развитии молодой коми литературы. В основном это первые, самые ранние статьи, рецензии и заметки В.Лыткина «Коми поэзия артмём» (Появление коми поэзии, 1923), М.Минина «Чисталёв Тима Венълон гижёдъяс» (Произведения Чисталёва Тима Веня, 1928), А.Чеусова «Тима Веня» (1923), а также частично статьи Н.Попова «Ми мунам водзё» (Мы идём вперёд, 1929) и И. Лучева «Мый колё тёдны кывбур тэчигён» (Что нужно знать при сложении стихов, 1930).

Авторы этих критических работ подчёркивают красоту и богатство языка произведений В.Чисталёва, стремление писателя к точному описанию родной природы, изображению и раскрытию мыслей, чувств, каждого дня тяжёлого

труда коми крестьянина. Критики в своих статьях отмечают высокое художественное мастерство писателя, устоявшуюся технику его работы, качественную работу автора над произведениями. Часто роль и значение творчества В.Чисталёва в развитии коми литературы в этот период оцениваются критиками в сравнении с творчеством других писателей и литератур, в частности, с русской классической поэзией и прозой. Например, по мнению В.Лыткина, своими описаниями родной природы В.Чисталёв близок творческой манере И.Тургенева. По аналогии с тургеневскими автор статьи называет прозаические миниатюры писателя «стихотворениями в прозе» (Ордым, 1923. № 1(2). М.Минин в рецензии на сборник «Чисталёв Тима Венълён гижёдъяс» (Произведения Чисталёва Тима Веня) 1928 года истоки поэзии В.Чисталёва также видит во влиянии поэзии русской, особенно на первоначальном этапе её формирования. Автор статьи выделяет как особенно значимый факт то, что В.Чисталёв в своём творчестве обратился к описанию внутренней жизни человека: его мыслей, чувств, «желаний сердца». Исследователь определяет и особенности письма В.Чисталёва, сравнивая его творчество с поэтом-современником В.Савиным. По его мнению, творчество В. Савина затрагивает сердца читателей разговорным простым языком своих произведений, юмористичностью, оптимизмом и жизненностью образов. Истоки же безысходной грусти в лирике В.Чисталёва он видит в его «индивидуализме» во влиянии русской поэзии декадентства (Ордым, 1928. № 11–12). А. Попов в статье «Шуйгавы вульгаризаторстволы паныд» (В противовес левому вульгаризаторству), написанной уже в 1932 году в защиту творчества В.Чисталёва, оценил его значение как равное А.Пушкину в русской литературе. По его мнению, роль Чисталёва в развитии коми литературы так же важна, как была у Пушкина в своё время: они оба стали создателями языка художественной литературы.

В этот же период в печати появился ряд дискуссионных статей, в которых В.Чисталёв стал одним из авторов, непосредственных участников и героев. Это работы из цикла статей о формах поэзии коми. Одной из их особенностей стало то, что оформлены они были авторами в основном в виде писем и составили своего рода дискуссию о взглядах писателей-современников на пути развития молодой советской коми литературы. Основными её участниками и стали В.Т. Чисталёв со статьёй «Коми поэзия формаяс йылысь» (О формах коми поэзии, 1929), В.А. Савин, написавший Чисталёву статью-ответ «Коми кывбур формаяс йылысь» (О формах коми стихотворений, 1930), поэт и критик Б.С. Ярасов, выразивший свою точку зрения на вопрос о поисках новых литературных форм в статье «Колё коми гижёд бурмёдны» (Надо улучшать коми литературу), а также М.Н. Лебедев, написавший письмо-ответ «Воча кыв Тима Венълы, либё – кыдзи оз ков критикуйтны» (Ответное слово Тима Веню, или – как не надо критиковать, 1930). В этот же ряд входит и стихотворение М.Лебедева «Маяковский моз...» (Подражая Маяковскому...), опубликованное в 1928 году в журнале «Ордым». Творчество и личность В.Т. Чисталёва в этих работах представлены в контексте живого литературного процесса, происходящего и творимого в данный момент. Фигура коми поэта, его взгляды на литературу и творчество в них обсуждаются его современниками-писателями, которые одновременно с ним занимаются созданием коми советской литературы, и вместе с ним пытаются найти верный путь её развития.

Однако уже к концу 1920-х – началу 1930-х годов в периодической печати появляется группа статей, в которых творчество В. Чисталёва рассматривается больше не с точки зрения его художественных и стилистических особенностей, а с позиции их идеологической и политической состоятельности. Статьи эти предельно политизированы, с этих позиций рассматривается в них и творчество В.Т. Чисталёва.

В основном это статьи, написанные в конце 1920 – начале 1930 годов, их характер определяется уже названиями: «Ми мунам водзё» (Мы идём дальше, 1929) Н.Попова (Жугыль), «Нёбдинса Витторлён юбилей да коми культуралён могъясыс» (Юбилей Виктора Савина и задачи коми культуры, 1928), «КАПП-лён боевой мог» (Боевые задачи КАПП, 1930) И.Оботурова, «Трипан Вась» (1929), «Кытчо синё Тима Вень» (Куда клонит Тима Вень, 1931) А.Тимушева, «Пармазон «Трипан Васьёс» пасьтёдö» (Пармазон одевает «Трипан Вася», 1929) А.Забоева, «Нёшта «Трипан Вась» йылысь» (Ещё раз о «Трипан Васе», 1929), «Лебедев гижёд вылё вочакыв» (Ответ на статью Лебедева, 1931) В.Савина, «Художество гижёдён кыпёдам уджалысь войтырёс социализм стройтан уджё» (Художественным произведением вдохновим рабочих людей на строительство социализма, 1930) И.Сажина, «Мыйсянь заводитны» (С чего начать, 1931) И.Изъюрова, «Большевизируетчан туй вылын» (На пути большевизации, 1931) М.Доронина.

Началом этого цикла статей о В.Чисталёве послужили полемические статьи А.Тимушева, И.Оботурова, А.Забоева, В.Савина, опубликованные журналом «Ордым» в 1929 году. Основное содержание и критика этих статей были направлены на обсуждение героя рассказа В.Чисталёва «Трипан Вась», который был опубликован писателем в журнале в том же году. Общей особенностью этих статей является то, что в них продолжилась и усилилась лишь начинавшаяся в первых критических статьях о В.Чисталёве линия идеологической и политической критики. В статьях о рассказе «Трипан Вась» авторами оговаривались художественные достоинства рассказа: А. Забоев выделял как положительные такие качества В. Чисталёва-писателя, как высокое мастерство художника, психолога, знатока коми жизни (Ордым, 1929. № 12). В. Савин также отмечал художественную ценность рассказа и его психологизм. Однако основное внимание критиков, начиная со статьи А.Тимушева «Трипан Вась», при анализе рассказа было направлено на образ его главного героя – крестьянина Трипан Вася. А.Тимушев обвинил писателя в идеализации и пропаганде образа крестьянина-единоличника, индивидуалиста с его частнособственнической психологией и нежеланием работать в коллективе. В.Савин и А.Забоев, заявившие в обсуждении рассказа более мягкую позицию, всё же упрекали его автора в излишней натуралистичности, фотографичности инейтральности, аполитичности изображённой в произведении действительности. По мнению А. Забоева, написавшего большую статью «Пармазон одевает «Трипан Вася» о целях и задачах пролетарской литературы, литература – это сама политика. Её главной задачей он считал воздействие через образы на чувства, воображение и мысли читателя, помочь народу в строительстве новой жизни. С этой целью литература должна показать неприглядность прошлого, вызвать в читателе отвращение к его проявлениям, что, по мнению критика, и сделал в своём рассказе Тима Вень. Главным же недостатком произ-

ведения автор посчитал отсутствие в нём «широких социальных проблем» (Ордым, 1929. № 11).

Вместе с А.Забоевым на защиту творчества В.Чисталёва в 1929 году попытался встать В.Лыткин, написавший в своей статье «Коми-пермяк литературы выльторъяс» (Новинки в коми-пермяцкой литературе) о том, что современники недостаточно хорошо понимают и оценивают таких писателей (в том числе и В.Чисталёва), которые исследуют и знакомят читателей с психологией коми народа и отдельно взятого человека. В это же время Н.Попов в статье «Мы идём дальше», посвящённой оценке результатов трёхлетней работы КАПП (Коми ассоциации пролетарских писателей), оценивает творчество В.Чисталёва (его поэму «Му вежандыр») как хорошее, зрелое, политически и идеологически состоявшееся произведение.

Однако эти немногочисленные попытки оградить творчество писателя от необоснованной идеологической критики не сыграли большой роли, всё больше писателей и критиков выражали недовольство его творчеством, и в результате в периодической печати 1930-х годов началась настоящая травля В.Чисталёва, что привело к оценке всего его творчества сначала как творчества писателя с крестьянской идеологией, не способного создавать настоящие пролетарские произведения (И.Оботуров), а затем как творчества мелкобуржуазного национал-шовинистического писателя-художника. Политической, идеологической оценке в этот момент подверглись уже не только рассказ «Трипан Вась», но и все произведения В.Чисталёва. Одним из самых яростных обвинителей коми писателя стал критик А.Тимушев, написавший статью «Трипан Вась». Вслед за И.Изьюровым, написавшим в статье «С чего начать» о стихотворении В.Чисталёва «Олём ёд» (Темп жизни), А.Тимушев также обратился к этому стихотворению, расценив его как продолжение буржуазной идеологии рассказа «Трипан Вась» и неверие писателя в успешное строительство новой жизни.

С однообразными формулировками (мелкобуржуазный, национал-шовинистический писатель), повторяющимися из статьи в статью, В.Т. Чисталёв был объявлен классовым врагом (И.Сажин, И.Изьюров, А.Тимушев) и по постановлению Комиссии по чистке среди членов КАПП в 1930 г. исключён из Коми писательской организации.

Однако в защиту В.Чисталёва и его творчества встали российские журналы и газеты «Социалистический Север» (Архангельск), «На литературном посту» (Москва) и «Литературная газета» (Москва). Журнал «Социалистический Север» в 1931 году опубликовал его рассказ «Трипан Вась» в переводе на русский Н.Шахова, а также статью О.Синяковой «О Тима Вень». В ответ на обвинения критиков автор статьи приводит свои доводы в защиту рассказа и его героя, однако, в том же политико-идеологическом ключе, почти не касаясь вопросов художественной стороны произведения. О.Синякова считает недоработками писателя показ в его произведении идеализированного образа середняка-единоличника без обнажения ограниченности и узости его крестьянского мировоззрения. Но заслуга О.Синяковой в том, что она указала на необоснованность, беспринципность обвинения этого произведения коми критикой – А.Тимушевым и И.Оботуровым.

После вмешательства российских критиков в защиту В.Чисталёва изменила к нему отношение и коми критика.

В 1932 году журналом «Ударник» (№ 11–12) была опубликована статья А.Попова «Против левого вульгаризаторства». В ней автор встал на защиту имени и творчества В.Чисталёва, обвинив самих критиков в беспринципности, необъективности, непонимании и вульгаризаторстве творчества В.Чисталёва, выбросивших талантливого художника из литературного движения. А.Попов делает обзор всего творчества писателя, выявляя революционные условия формирования его литературного таланта, общественной деятельности, что явилось основой создания им революционных произведений вроде поэм «Ленин гу дорын» (У могилы Ленина), «Му вежандыр» (Время обновления земли). При анализе пейзажных зарисовок и лирических стихотворений В.Чисталёва А.Поповым выделяются их краткость, ёмкость, психологизм.

В результате В.Чисталёв был восстановлен в Коми писательской организации, а в 1933 году состоялось празднование 25-летия его творческой деятельности. Празднование юбилея В.Чисталёва проходило одновременно с празднованием 15-летия творческой деятельности В. Савина. 9–12 номер журнала «Ударник» 1933 года был посвящён этому событию: в его «юбилейном» номере были опубликованы произведения и биографии писателей (о В.Чисталёве – «Тима Венъ олём-уджаломысь» (дженъыдик биография пасйöдъяс) (Из жизни и творчества В.Чисталёва (краткая биографическая справка), анализу его творчества посвящена статья И.Обутурова «Пролетариат ыджыд идеяяслань туйяс вылын» (На путях к великим идеям пролетариата). В ней творчество писателя рассматривается как развитие личности поэта от индивидуалиста-романтика к поэту-общественному. Индивидуализм, романтизм, упадочничество, созерцательность, уходящие, по мнению критика, корнями в творчество К.Ф. Жакова, который оказал большое влияние на дореволюционного Чисталёва, постепенно уступают место в его творчестве революционным мотивам, что критиком оценивается более положительно. В 1934 году в качестве делегата В.Т. Чисталёв участвовал в работе I Всесоюзного съезда советских писателей в Москве.

В 1934 году «Ударник» опубликовал статьи В.Савина «Поэзия – социализм стройтёмы отсасьём вылёт» (Поэзия – в помощь строительству социализма) и И.Изьюрова «Тима Венъ гижёдъяс йылысь» (О произведениях В.Чисталёва). В своём докладе, прочитанном на I областной конференции Коми советских писателей в 1934 году, опубликованном затем в «Ударнике», В.Савин уделяет внимание и новым литературным формам, пишет об особенностях формы в творчестве В.Чисталёва, в частности, о его «белом» стихе и о метризованной прозе. Наблюдения Савина ценные тем, что в них он определил двойственную природу произведений В.Чисталёва, когда, благодаря построению ритма с помощью стихотворного размера и лирической насыщенности произведения, прозаически оформленный текст по сути своей становится поэтическим. В статье И.Изьюрова указываются как важнейшие особенности произведений В.Чисталёва их лиричность, обращение к внутреннему миру человека, его чувствам и переживаниям.

Одним из последних отзывов на творчество В.Чисталёва в этот период стало предисловие М.Доронина ко второму тому его произведений «Олём вояс. Бöрёйтöръяс гижёд чукёрысь» (Прожитые годы. Избранное, 1936). В предисловии критик сделал обзор творчества писателя периода 1926–1933 гг., представленного в книге, а также дал жанровую и тематическую характеристику многих

прозаических произведений, основным свойством которых он назвал фрагментарность, незавершённость. В предисловии они названы либо неоконченными набросками, либо деталями-заготовками для большого произведения «Ыңжыд висьт» (Большой рассказ), эскизами для него.

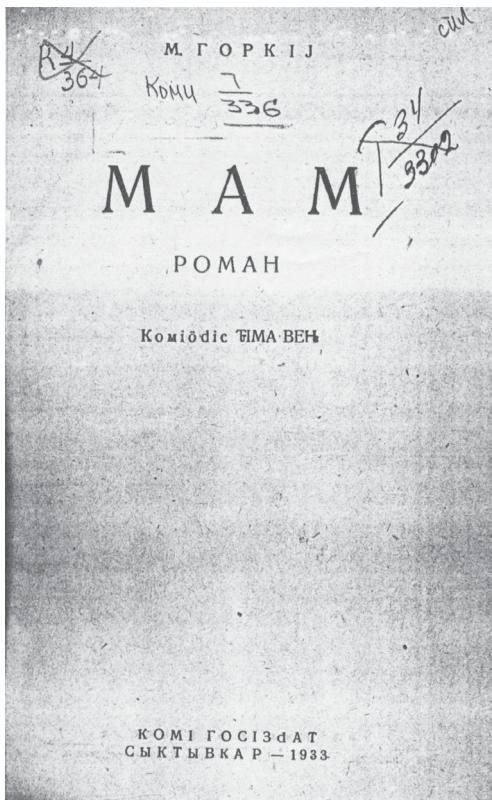
Сборник произведений «Олём вояс» стал последним прижизненным изданием В.Т. Чисталёва: в чёрном 1937 году писатель был объявлен врагом народа, 27 ноября арестован по обвинению в буржуазном национализме и контрреволюционной деятельности. Обвинению подверглась не только его общественная деятельность, но и литературное творчество: после ареста писателя большинство его рукописей, личная библиотека, переписка были уничтожены. Умер В.Чисталёв в тюремной больнице 13 октября 1939 года. После выхода последней книги и смерти писателя на протяжении двадцати лет всё его творчество находилось под запретом. Только в 1956 году Секретариатом правления Союза советских писателей СССР по представлению Союза писателей Коми АССР была создана комиссия по литературному наследству В.Т. Чисталёва, реабилитировавшая творчество писателя.

Произведения В.Т. Чисталёва были изданы в прижизненных книгах и сборниках «Изкар» (1926), «Чисталёв Тима Венълон гижёдъяс. Воддза нига. Муртёса да муртёстом лыддьёгъяс» (Произведения Чисталёва Тима Веня. Книга первая. Стихотворные и прозаические произведения, 1928), «Ыңжыд висьт» гижёдьыс серпасторъяс» (Зарисовки из произведения «Большая повесть», 1929), «Олём вояс. Бёйёнтторъяс гижёд чукёрысь. Мёд том» (Годы жизни. Избранное из произведений. Том второй, 1936), а также в сборниках, опубликованных уже после смерти писателя: «Олём вояс. Бёйёнт гижёдъяс» (Годы жизни. Избранные произведения, 1957), «Во гёгёр кытшвотём» (Круглый год, 1959 и 1978), «Менам гора тулыс» (Моя звонкая весна, 1980), «Эжва йывса колип» (Соловей с верховьев Вычегды, 2000).

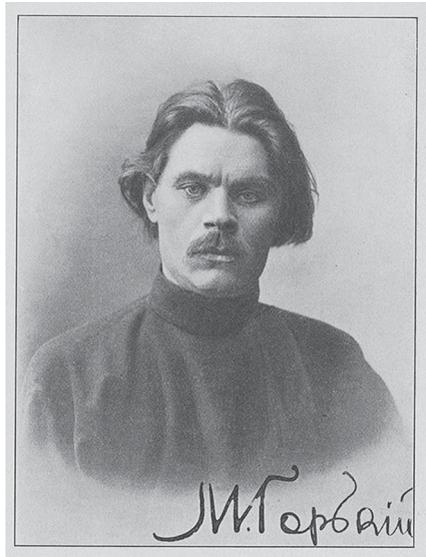
Тима Вень – вуджёдчысь

1920–1930-öд воясö коми литература сёвмёдан туйясысь ётиён вёлі вуджёдчом. Ыджыд пай тайё уджас пуктис В.Т. Чисталёв. Сыён вуджёдом гижёдъяс костын А.Пушкинлён, А.Дельвиглён, Н.Языковлён, Т.Шевченколён, А.Кольцовлён, А.Плещеевлён, Н.Огарёвлён, К.Бальмонтлён кывбуръяс, А.Гастевлён «Мездлун дорём» («Башня») поэма, Д.Фонвизинлён, Л.Толстойлён, Н.Гогольлён, Диилён пьесаяс да мукёд. Но медъёна Тима Венёös кыскёма ас дорас А.М. Горький. Тыдалё, мый коми гижысыльы матысён вёлёмайтось Горькийлён геройясыс, романтизмён ииджтысыом гижанногыс. «Тёвийыв варыш» (Песня о Соколе), «Водзмёстчысь Данко» (Старуха Изергиль), «Кыздзи чужис морт» (Рождение человека), «Мам» (Мать) – Горькийлён тайё, водзмёстчысь гижёдъясон 1920–1930-öд воясö коми ѹёз тёдмасылсны буретш Тима Вень вуджёдомъяс серти.

Öнія коми морт бура лыддысыё рочон, да и судзёднысö А.М. Горькийлысь роч оригиналсö сылы кокнидзык Тима Венёён комиöдёмъяс дорысь. Шуам, «Мам» роман (медвоздз петавліс английской кыв вылын 1906–1907 воясö, рочон – 1907 воын) комиён ѹёзёдома сёмын отчыдысь – 1933 воын. Та выlö видзёдтöг, Тима Вень вуджёдомъяслён тёдчанлуныс зэв ыджыд. Коми гижёт кыпöдан кадё найё восытисны коми лыддысысыльы чужан кывлысь вынсö, позянлунъяссö, сетисны сылы художествоа Ѻёб. А талун найё вермасны лоны вуджёдчысыльы аслыспёлөс велёдёмён, образецён – сэтшом бура, ас ногён комиöдлöма Горькийös миян Тима Вень¹.

* Публикация подготовлена Л.Е. Суриной в рамках выполнения интеграционного проекта фундаментальных исследований УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начало XX вв.)».

Максим Горький

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков, 1868–1936) – роچ гижысь, драматург. СССР-са гижысь котырён медвөддээ веськёдлысь.

Мам

*Роман
Комиöдис Тима Венъ
(юкёнъяс)*

I

Быд лун асывводз, тышна фабрика слёбода весьтын, лэчыда риксіс гудок. Горзіс-тіраліс астья рём сынёдын, пальёдіс рабочой слёбодай. Зумыш чужёма, чуксалан шыас важысянъ велалём йёз, тэрыйба, котёрён-сорён, ловзьём тёрёканъяс моз, петалісны посныыдик керкаясысь да кыссисны чуксалом шыё... Мунісны... Кок улын пальсьяліс сьёд сыла няйт. Кылісны чирём шыа унзіль сёрнияс, улич сынёдсö юклöдліс ёрчом да мать...

Сізд мунісны удж вылё. А паныдён налы фабрика корпус пытшсыс кывтісны сынёддö машинаяслён сьёкыда листкыласьом шыяс да парлён чорыда корсъялём. Пемыд гурана синъясон видзöдісны фабрика ѡшинъяс. Стрёга чурвидзисны слёбода керкаяс выйті кузя сьёд трубаяс...

А рытнас, шонді лэччан горув, кодыр медбörъя югörъясыс сылён мудзпырысь, жугыля лёсталісны ѡшинъясын – фабрика бёр быликталіс йёзсö аслас из крепосыт гырк пытшкёссыс ывла вылё, кыдз тай көрт сывдан пач сьёлалё ортсö шыблассö ассыс. И бара, сьёд тышнасьюм чужёма, машина мавтас лякось пасъкома йёз разöдчисны-мунісны уличъяс кузя тышыг пинъясон зяткöдчигтирий. Гортъясо мунісны варовöсъджык, кылісны сёрнияс – од талун кежлö помасис катёрга удж, гортын виччысьо, көть кутшомкё да, – ужын, көть и недырся да, – шойччög.

Бара на и ёти лун ныныштіс фабрика, машинаяс пётмённыс босътісны әббесö мортлыс. Бара на ёти лун вуштыссис морт олан нэм вылыс, нёшта ёти воськолён матысемис гу дорас морт, а водзö – кёть мый...

Праздник лунъясо узъёны волі час дасодз; гётыраяс да тшапджык йоз, мый эм бурджык пасъком пасъталасны да, ветласны вичкоö, муніг-локтіганыс пырвойпасны да видасны том йозөс вичкоö ветлытöмыс. Вичкоыс локмысът юасны-сёясны да бара узыны – рытöдз.

Сізд коллялісны уджавтöм лунъяс. Уна воён чёжсъём мудз понда оз волі наён сёйсы, и медым эськоö сёйсисджык, уна волі юоны, öзйöдёны сы вылö гырк пытшкёссо вина ёсь сотомён.

Рытъясын дышпрырыс ветлöдлісны-гуляйтісны слобода уличъяс кузя; и кодлон волі колоши – новліс, зэр кёть кос, зонтик кё – бара жо новлöдліс сїйös аскöдыс, кёть шондіа лун.

Гуляйтігмоз сёрнитісны фабрика йылыс, машинаяс йылыс, видісны ассыныс гырысъеджыкъяссö, мастерöвояйсöс, – сёрнитісны и думайтісны сомын мый волі ас гёгёрныс, асланыс удж йылыс. Мукöдтор йылыс, кёть и волас юръясоюгöр моз мёвп, – водзö öзйитöг бёр чусалö-кусö.

Быд праздник мужикъяс нойтлісны гётыръясаныс да пинялісны. Том йоз рytъяссö колльöдіс трактиръясын либо вочалісны войпукъяс мёда-мёд орданыс. Войпукъяс вылын гудёкасисны, ѹектісны, сылісны пеж сыланкывъяс, понъасисны, матыкисны да юисны. Мудз йоз этшаш оидö коддзисны винасыс; коддзасны и дурмасны, – кутасны инасътом шогнысö песны öта-мёд вылын, быд нином абусыс воасны зыкё, – пансяс тыш; быд кось помасыліс ыджыд дойясон, вирён, корсюр и морт виомёдз лолас...

Лёксъём, виччысъём-полём мёда-мёдыс сьокыд вужана висъём моз ветліс йоз костас, и сїйö волі сэтшöм жо важысянъ пуксъёмтор, кызд и некорсö кикоклон мудз веськавлытöм дой; чужисны, олісны и кулісны сїйö висъёмнас – батьсяянъ пилы вужжаліс вирнас сїйö висъомыс.

Том йоз праздник лунъясö гортаныс волісны войнас сёрён, косялом пасъкомён, няйт-бусон тырёмён, вирөс чужём-рожаён, ошысигтырии – коді кодёс нойтöма, коді кодёс вермёма, а кодлы сюрома аслыс – лёкыс матькигтыр либо бөрдігтыр – код, зывёк, конъёр кодь... Мукöддырииыс том йозөс гортаныс вайёдасны мамъясаныс, батьясаныс. Корсясны кытысъеко потшёс бокыс, канавасыс либо кабакыс на сусаны садтöм кодон да нойтігтыр, видігтыр вайёдасны гортаныс. Гортын öдйёджык водтöдасны, мед паляласны асыв кежлас, кодыр гудок скöрыс кутас чуксавны удж вылö.

Кёть волі и нойтасны-видасны бать-мам том йозөс, но юём да тышкасъём эз кажитчыв налы пёллөсон, дивоён – сізд векъясон нин пуксъома: кор ассыныс воліны томося, сізд жо найо юлісны-тышкасылісны, найо сізд жо нойтлісны бать-мамныс. Да и оломуыс сэтшöм волі – отмоза, ньожийоник визувтіс гудыр ва моз вовоис воё, велаломаось волі мёвпавны и керны öтикоёс нином вörзьёдлытöг, и не-кодлон эз вёв сёлёмас кёсийм сэтшöм олёмсö вежыштны, бергёдны мёд ног.

Мукöддыр слободао волывлісны кысянъко бокёвой йоз. Рабочойас на вылö видзöдісны кызд тёдтöм йоз вылö, интересуетчисны-юасисны сомын ортсысянъыс кокныдика, юасылісны мукöд оланнъяс йылыс, кёні уджавлісны найо войдор, сэссея вочасон на діно велавлісны, да регыдён найо веськодьось волі лоёны. Найо

висъставлёмъяс серти вёлі тыдалё сёмын, мый рабочойяслён олёмыс сэтшом жо сёкыд, кызд и тані. Сідзкё, оз сулав и сёрнитныс сы йылысь.

Но вёліны кодсюрё и сэтшомъяс, кодъяс сёрнитлісны слободын некорсö кывлытёмторъяс йылысь. Накод эз вензыны, но кывзісны кыдзкё эскытёмпрысы пёлөс сёрнияссö налысь. Эз откодя и имитны кывъясыс слободаса йозлы: кодъясос кё сёмын ёндыхика дозмёдіс, мукодыслы кыпёдіс сьёлёмас полом, а мукодсö тревожитіс-гудрёдліс мыйкё вылø ичотик надея... Сэтшомъясыс, медым вунёдны торкыс тревогасö пытшкёссыс – ёндыхика нöшта босътчасны юны, пöдтыны винаён ковтём, торкалысь поломсö.

Поліг-видзчысигтыр видзöдісны сэтшом сёрниа волысь мортъяс вылø слободаса йоз. Найо вёлі чайтёны, мый сэтшом мортыс торкас налысь, кёть сёкыд да, но лонь олёмнысö. Сідз нин морт велалёма – мед эсько олёмыс личкис став йозсö откодя и нином эз виччысны бурджыктор вывті сёкыдыслы, а чайтісны, мый вежсъомыс нöшта ёндыхика сёктöдны вермас.

Сійон, выльтор висъталысьясыс слободаса кидмёдчинсны-отдоргчинсны, и найо либо мұнасаны вёлі мёд фабрика вылø, либо кольчасны кё вёлі сэтчö – олёны торйон, оз кё вермыны миригчыны слободаса пемызд-гудыр олёмкёд...

Сэтшом сяма вёлі олём рабочойяслён тайо фабрика слободын. Сэтшом олёмнас овлісны мортъяс ар ветымын гёгрёдз и сы борын кувлісны, кузьджык нэм сёкыд-пемызд олёмла зэв шочлон вёвлі.

II

Татшом олёмён жо овліс Микайлö Власов. Власов вёлі векнүйдик син потаса, сёйд зумыш чужёма морт; тшёкыд гёна синкым увсыс видзöдісны сылён ёсь шыла кодь синъяс. Фабрика вылын Власов вёлі лыддыссыб медбур слесарён, а слободын нималіс медъён мортён; фабрикаса начальствокöд асьсо кутіс повтöг, грубоя, сы понда нажётка сылён вёлі пыр ешё усъё. Быд праздник Власов кодоскё да кодоскё нöйтö, и некод сійос эз радейт, но быдён полісны. Кодыр казялас вёлі Власов, мый сы вылø кёсйоны зырёдны, кватитас пёв, из, либо көрттор, – мый весъкалö ки улас, сэсся тажъясяс пасъкыд кок вожъяснас да кутас виччысны. Повзяны сы вылø воясъяс, кор видзöдласны чужём вылас да багатыр туша вылас.

– Разöдчой, сволочьяс!.. – горёдас сувтны кёсийсъяс вылø. Вомсö восьтылігён тош пöвсттіыс тыдовтчыласны гырысь виж пинъяс.

– Сволочьяс... – дженүйдика шуыштас борвылас. Лёкыс сералігтырии дзирдыштасны синъясыс. Сэсся эльтчигтырии кутас корны:

– Но, – кодлы смерть колё?

Дерт, некодлы оз ков смертъыд.

Этша сёрнитліс Власов. Сёмын «сволоч» кыв тшёкыда петавліс сійо вомысь. Сійо кывнас видліс Власов фабрикаса начальствоїс и, полицияїс и, сійо кывйон жо горёдчыліс и гётырёдзыс.

– Тэ, сволоч, он аддзы – гачой косяссыома!

Отчыд Власовлён киыс луддзис писё, Павелсö, юрсиёдыс нетшкыштны. (Павеллы вёлі сәки дас нёль арёс). Но Павел кватитіс сёкыд мёлёт да косясъ строга шуис:

– Эн лысът вёрзьёдны!..

– Мы-ый?! – чуймигтырий горёдіс бать да күтіс локны пемыд кымёр моз кельдёдём чужёма, вөснышыдик тушаа пыыс вылёр.

– Тырмас! – шуис Павел.– Водзё сэсся ме тәнүд ог сетчы... – шуис и ләптіс юр весътас мәлötсö.

Бать видзёдліс пи вылас, дзебис кузь съёд ловгёна кияссö мышку саяс да пинь пырыс шуис:

– Ладнö...

Сэсся съёкыда лолыштіс да содтіс:

– Ок, тә, сволоч...

Сы бёрын недыр мысът Власов гётырыслы шуис:

– Менсъым сэсся деньга эн кор, тэнö Пашёйд кутас вердны...

– А тә ассыд ставнас кутан юны? – полігтырий юаліс гётырыс.

– Тәнүд мый могыс сэтчöдз, сволочлы! Ме пöдруга кута видзны...

Но пöдруга эз лёсъёд, а сы бёрын күвтöдзыс, кык во чёж эз шыасълы пиыкёд.

Вöлі Власовлён пон, ас кодыс жö ыджыд да гёна. Понийс быд асыв колльёдіс көзянисö фабрика дорёдз, а рытнас паныд волас да виччысяс ѡграда ѡдзёс дорас. Праздник лунъясö Власов ветлöдліс кабакысь кабакö. Кыв ни джын, некодкёд сёрниттöг ветлöдліс-юис да видзёдаліс морт чужомъяссö аслас ёсь синъяснас. Понийс лунтыр бёжсö ёшёдёмён вётлысис бёрсянныс. Гортас воём мысът, ужнайтiгён понсö вердас аслас тасъттыс. Понсö Власов оз вöлі нойт ни вид. Ужнайтöм бёрын, оз кё удит гётырыс идравны тасътi-пань, – шыблалас джоджö. Сэсся сувтöдас пызан вылёр бутылка вина, пыксяс мышкунас стен бердö да мёдд час съывны; кывъяссö он гёёрво, мый йылыс съылёр, а горшыс съыланкывыйслён шуштöм, – сізд омлявлö тшыг кёин войын. Сэтчöдз съылас, кытчöдз бутылкасъыс оз быр винаыс, сэсся бёк вылас пöрöдчас лабиçö либö пызан вылас юрсö пуктас да сізд и узяс асъя гудок чукостчытöдз. Понийс сэтöн жö пызан улас куйлас. И сізд – быд праздник, быд юём бёрын...

Куліс Власов грыжа висъомыс. Лун вит кымын пессис-шыблаласис вольпашын, съёд сім чужёма, куньса синъясöн, пинъяссö мутш курччомён мурзiс. Кор-сюрø шуыштлас гётырыслы:

– Вай сулема да пагёд нин регыиджык...

Воліс доктор да тшöктіс пуктавны банкаяс, медым кыскöдас, но шуис – ковмас пö операция вöчны, и талун жö нуны больничаö.

– Мун чörтуад!.. Ме ачым кула... Сволоч! – горёдіс Власов доктор вылёр.

Доктор муном бёрын гётырыс күтіс бордомён кевмысъны, мед сёгласитчас мунны больничаас операция вöчны. Но Власов только кулаксö сылы петкёдліс, грözиттіс:

– Бурда кё, смотри, – аслыд жö лёкыс!

Кулі Власов асылын, сiё здукъясö, кор гудок вöлі буретш чуксалё-корё удж вылёр. Гортъяс куйліс восьса вомён, но синкымъясыс вöлі скöрыс чукыртчöмäсö.

Дзебисны-колльёдісны Власовöс: гётырыс, пыыс, понийс да фабрика вылыс вётлöм морт, Данил Весовщиков, нэмчёжся пьяник да гусясысь. Вöліны ешö морт-мёд слöбодаса корысъяс. Сэсся и – ставыс.

Гöтырыс надзёникон бöрдис, Павелыслён – синва эз пет. Слöбодасаяс гортъякд паныдасигöн сувтыштавлিসны да пернапас чöталигтырии шуалисны мёдамёдыслы:

- Пелагеялы, кёнкё, нимкодь, мыні мужиксыыс да...
- Кувсьома жё, медбörти...
- Эз кув, а прöпадитис... – содтасны мукöд.

Горт лэдзисны гүö, тыртисны муён. Колльöдиссыяс разöдчалисны. Кольччис сёмын гу дорö кулысылён поныйис; сiйö дыр исалис гу вывсыыс мусö, сэсся бёр кок вылас пукалём коли. Мёд луннас кодкё лыйёма сiйöс гу вывсыыс...

III

Бать кулём бöрас, кык вежон мысти, вöскресенньё лунё, Павел локтис гортас кодён. Шатласигтырии пырис пызан сайё да пуксис ен ув пельёсö. Батыс моз камыштис Павел кулакнас пызан пöйёб, да горöдис мамыслы:

- Ужнайтны!

Мам матьстчис сы дiнё, пуксис орчён, дзигёдис писё да топöдис морёс бердас. Павел оз сетчи – пыксыё кияснас мамыслы пельпомас да горзö:

- Ма-ам, – öдйö!..
- Йöюк, тэ, юй!.. – шогпырысь мелiа шуалис сылы мам.
- Да-да – юи... Куритчыны кута и!.. Вай меным батьёлысь каллянсо... – кывыйис оз бертлась, борётчыны кутис Павел.

Павел юис медводдзыясь на, сыöдз эз на тöдлы виналысь кöрсö. Винаыс лигёдыштис тушасö, но вежёрсö оз вошты, и юрас Павеллон бергалис:

- Мый нё ме, – код öмой? Код?

Павеллы яндзим лои мам шогалёмсыыс, кёсийдис бöрдöдны ассысö, горш гёёррас кылiс аслас ырёсыс, но эз сетчи и, медым не бöрддзыны ёндыхыка, код улö лэччис.

А мамыслён кияссыс шыльёдисны да веськёдлiсны сылысь посялом дзуг юрсисö, а вомыс шога вашкёдис:

- Эз эськё, пиё, тадз ков, э-эз...

Павелос кутис восöдны. Мыйён öлыштис восьис, мамыс водтöдис вольпасьё да юр вылас пуктис кötöдöм кузьчышъян. Павел неуна сайкалис, но син водзас пыр каститчис-шобрöдлiс, – путкылясис керка йиркыс, джоджыс, стенъясыс, сьёктисны син лапъясыс, а вомсыс кылiс лёк курыд куйёд кёр... Павел видзёдлiс кунтырыса синлыссыяс пырыс мамыс чужём выlö да шобралис-мёвпалис:

– Водз на, тыдалё, меным юнысö. Мукöд со юёны и быттьё нинём, а менё восöдö... .

- Кысянько быттьё ылышянь кылiс мамыслён сёрниыс:

- Кутшöм нё вердышсы-удысь тэ меным лоан, кутан кё юны.
- Код нё ютöмыс эм?... Быдсон тай юёны... – син лапъяссö топöдöмён шуис сiйö.

Нинём сэтчö мам эз куж шуны, сёмын сьёкыда ышловзис. «Да, сiйö збыль – быдён юёны. Юёны сiйён, мый некутшöм долыдлун некыттысь оз аддзыв кабакыссы отдор», – мёвпыштис мам, но содтис пыыслы:

— А тэ — эн ю! Батыыд ас весътыс и тэ весът тшётш юліс... Менё мый эз мучитлы!.. Көтү эсъкө тэ нин жалитыштін мамтö...

Лёня кывзіс Павел мамыслысь кывъяссö. Кывзіс и казытыліс думнас, кутшом вölі лёк мамыс вылö батыыс, кутшом съокыд вölі сійö ловъя дырии сылы овны, кызд сійö вölі пыр полö нойтöмьыс.

Бörъя кадъясас, батыыс күвтöдз, Павел этша овліс гортас, медым батыыскöд не паныдасылыны, сізднас и мамсыыс тшётш кидмыліс-кöдзавлі. Оні со видзöдö мамыс вылö и быттьö выльыс тöдмалö.

Сійö вölі ыджыд тушаа, незэв гёрбыля ань; съокыд уджсыыс да помся мужик нойтöмьыс став лысъомыс сылён вölі доя, сы понда ветлöдліс сійö кыдзкö дорышонмоз, быттьöкö пыр поліс мыйкö инмöдчомыс... Нывдырся, кодыркö вöвлöм гöгрöс чужёмбансö юклöдлісны-визьйöдлісны водз пöрысь чукиръяс; съод синъясыс пыді гуранысь моз видзöдісны поліг-шога. Веськыдладор синкым дорас мамлён тöдчис дой вурыс — мужикъяслон кодъюрся пас. Дой туйыс пöлöстö чужёмсö öтарвыв, сійöн вölі и веськыд пельыс тшётш кажитчö вылындыхык быттьö. Тшöкыд, съод юрси пöвстас эзысьöн югъялісны дзор сіяс. Ставнас сійö вölі сэтшом шог, жугыль, рам-мелі ань...

Чужёмбан кузяыс мамлён визувтіс синва.

— Эн бöрд! — лёня шуыштіс пыыс.— Вай мем юыштны ва.

— Ме тэнүйд, пиö, кöдзöда да вая... — котörtігмозыс шуис мам.

Кор пырис ва тырён, Павел удитöма нин унмовсъны. Мам сулыштіс минутмöд пыыс дінын, киыс дзöрис, йи торъясыс дзольёдчисны кöш дорышас нöйжöйник. Сэсся пуктіс кöшшö пызан вылö да лёня пидзöсчанясис ен ув пельбöс...

Ывлалын кыліс кодалём зык. Арся няйт пемыдас лёк ногён кытёнкö нязгис гудёк шы, кодікö кылö гораа сыліс, кодікö чорыда пеж кывйöн ёрччис, косталігас кылышталісны шога-поліга öлöдан ныvbaba гöлöсъяс...

[...]

XXVI

Пöра коли. Лунъяс öдйö лэбзисны öта-мöд бörсянныс. Мам эз и удитлы мёв-пыштлыныс Первой май лун йылысь уджъяс пырсаыс. Войясын сомын, кодыр кузъ лун котралём-ноксыём бöрын, мудз водас вольпасьö, усьлö тöд вылас да нюкыртчас съолöмьыс:

— Көтү мед регыддыхык нин...

Югдомён тшётш ойзас-чуксалас фабрикаса гудок, Павел да Ондрей тэрмасиг-тырий сейыштасны-юыштасны тшай, колясны мамлы дас пöлöс удж да мог, сетасны кесийöдлөмъяс сэтчö да мöдлаö ветлыны.

Лунтыр котралас-ноксяс ур моз: пуас-пöжалас обöд, гудралас да пуас краска да клей прокламацияяс печатайтын, воласны кутшомкö йöз, колясны записка, либо тшöктасны висъставны кывйöн Павеллы ли Ондрейлы.

Первой май празднүйтöм йылысь гижöдъяс быд вой кутісны разавны заборъясо, керка стенъясо ляскаломён, весиг полиция канцелярия öдзöсын öшалісны. А асыннас полицейскойяс видчиг-ёрчигтүрий ветлöдлöны — нетшкёны да вушталöны гижöдъяссö, но обöд кад бара кытыськö чужёны, киыссы киö ветлöны листовкаяс, ывла вылын кок улын туплясъёны. Карыссы ыстісны сыпчикъяссо,

найё суалісны пельөсъясын да быд рабочойёс синмалісны-тöдмалісны, а рабочойяс öбöд кад и рыт-асыв визывось, варовось ветлöдлісны на дінті да вомгоруласы гусьбоник сералісны-эльччисны. Быдён воліны нимкодьось, мый полиция нином оз вермы керсыны, весиг олома пöрысь рабочойяс нимкодя шензисны прокломация разöдьсъяс выlö.

– Видзöд, мый кутісны вöчны-а? – шуалісны мöда-мöдныслы.

Быдлаын тыдалісны йöz чукöр, пося, сьölöмыс сёрниталіс чукöстчом йылысь. Олём пуис, и тайё тулыс быдöнлы волі интересджык овны, быдöнлы вайис мыйкó выльтор, кодлыкó – лёгавны, скöравны да видны революционеръясöс, мукöдлы – надея, виччысянтор, а коймöд пöлöслы – сэтшöмъясыс волі этшаджык, – ыджыд нимкодь, кыпыда кылём, мый на кузя лои тайё, мый найё мырсыёмён паллялö, кыпалö йözыс.

Бörъя кадö Ондрей да Павел пошти эз узълыны войяссö, локтывлісны гортö асъявойнас (гудок водзвылын), кыкнанныс мудзöсь, чирём гöлöсаöсъ, кельыдöсь. Мам тöдö волі, мый найё вöчалöны гуся собраньёяс вöрын нюр сайын, сідзжö волі тöдö, мый войясын слöбода гöгöр кытшлалöны вöла стражникъяс, кыйöдчоны сыщикъяс, кватълалöны-куталöны öтка рабочойясöс, разöдалöны, унаöс кöötлались аддзöны, а пöраясь пöраоб арестуйталöны öти-мöдöс. Мам гöгöрвоö волі, мый и писö сылысь Ондрейкöд вермасны арестуйтын кутшöмкö войö, но эз пов.

Исай Горбовөс вийöм йылысь делöыс кыдзкó зэв регыдöн кусi. Кык лун сэтчöс полиция корліс морт дасöс, юасис налысь, сэсся нином эз воссы да, эновтчис.

Марья Корсунова мамкöд сы йылысь сёрнитiгён шуис:

– Код нö вермас тöдны, кодi корсяс мýж вöчыссыö? Сiйö асылас пö, гашкö, сё морт аддзылöма Исайёс да, и на пытшкыс öкмисдасыс вермис котшкины, сымындалён сы выlö чöжсъёма сизим во чёжён...

Ондрей тöдчымён вежис. Чужöмыс ёсъмис, синъясыс син гуранас войины. Вöснидик чукыр нырбордъяссяныс вомкötшланыыс визънитiс. Этшаджык кутіс сёрнитны бörъя кадö мыйсюрö йывсыыс, варовыс быри, но тшöкыдджыка öзийвыны пондiс кыпыд кывъяса сёрниён водзö олём йылысь – югыд, долыд праздник кодь свободаа олём йылысь...

...Дыр виччысян лун, Май первой лун, медбörти воис.

Асыв. Гудок фабрика вылын быд лунся моз жö горöдiс ыджыдалан шыён. Мам эз унмовсылы сiйö войнас. Мыйён кылiс гудок, чепöсийис вольпась вывсыыс, тэрмасигтыр сувтöдiс самöвар, кöсийис мукöд лунся моз жö таркнитны öдзöс, чукöстны Павелёс да Ондрейёс, но думыштiс да сöмын кинас шеныштiс. Пуксис öшинь дорö да гырддзазыв лäччысис.

Кельидлöзов енэжтi тэрьба тöвзисны-кывтiсны чукöрён-чукöрён посныдик югыд кымёръяс, быттьö борда пöткаяс лёкгорша шытöлён гудок горöдöм шылыс повзьöм...

Мам видзöдiс кымёръяс выlö да кывзысис ас пытшкöссыыс. Юрыс волі сьöкыд, синъяс узътöмла орöссыёма. Но лöссыда кылiс ассыö, сьölöмыс ёпкис, думайтчысис кокныдтор йылысь...

– Водз на сувтöдсёома самöварöс, пакталас весь! – мёвпыштiс асlyс. Мед на узыштасны талун дырджык. Бурджыка шойччасны. Мудзисны нин öд вой-войтö пессигён...

Öшиньöд гажаа мыччасис шондi югöр да ворсiс керка пытшкöссын. Öти югöр

уси мамлы кикар вылас да небыда шонтыштіс пöрысь кучиксо; мам мöд кинас шылъкнитіс шоныдінсö да нюмъяліс аслыс. Сэсся чеччис, ньюжайоник, мед оз грымöдчы, босытіс самöвар вылысь струбасо, мыссис да сувтіс юрбитны...

Мöд гудок горёдіс ньюжайоник, надеятöм пырысыджык, кирган кыз шытöлён улиса нюжöйтіс. Мамлы талун кажитчис мукöд лунся дорысь дырджык горзöмыс.

Вежöс сайын кыліс сöдз, гора гёлöсис Ондрайлён:

– Павел! Кылан?

Кодныслёнкö кылö шлопнитіс вольпассянь джоджö кöмтöм кокыс, кодныскö чöсқыда очöстіс...

– Самöвар пузис нин! – горёдіс налы мам.

– Чеччам! – гажаа шыасис Павел.

– Кыпöдчö шондi! – шуис долыда Ондрай.– И кымёръяс пышайоны!.. Мед!

Найö оз ковны талун, кымёръясыс сöстöм енäжын...

Петіс күкняö.

– Бур асыв, мамö! Күтшöма узин?

Мам матыстчис сы дiнö да надзöник шуис:

– Тэ бара, Оndрюш, орччон Павелыдкöд мун!

– Дерт нö, кыдз нö? – вашнитіс Ондрай.– Кытчöд ми öтикливынöс, пыр орччон кутам мунны, мöда-мöдьись ог янсöдчой, сiдз и тöд.

– Мый тi сэн вашкöдчаныд? – кыліс Павел да юаліс вежöс сайсянь.

– Нинöм, Пашук...

– Мам тай шуö, мичаджыка по мыссыы, нывъяс по талун кутасны тiян выло видzöдны, – шутитіс Ондрай да петіс посводзö мыссыны.

– «Вставай, поднимайся, рабочий народ!..» – вомгорулас сыыліс Павел пасьтасигмозыс.

Енäж вочасöн воссис, гажа лун кöсийдіс сетны, медбörъя кымёръяссö вётліс-нöбöдіс тöв. Мам пызан дорын лöсъöдліс чашкаяс, лайкйöдліс юрнас да мёвпаліс: öд, кутшöмöсъ со, öнi сералöны, шутитöны, быттьö нинöм, а код тöдас, мыйяс лоö бöрти, луннас? Мыйöн помасяс? Тадз мёвпаліс, и аслыс тшötш лöсъыд сёлём вылас – лöнъ, долыд...

Тшай юисны дыр, наропшö нюжöдісны, медым регыдджык виччысыны петан кадсö. Павел тэрмасытöг, дыр, паньён гудраліс стöкансыыс сакарсö, сiдз жö тэрмасытöг кыза солаліс нянь шöрөмсö вылыстыыс. Ондрай кокъяснас пызан улын гыжöдчис-ноксис (сiйö некор эз вермыв кокъяссö инавны) да видzöдіс йиркö, кыдз шондi кöчьяс ворсöдчöны. Сэсся висытавны кутіс:

– Дzöлядзырии, кор ме вöлi ар даса кымын, öтчыд мем окота лои татшöм шондi кöчсö кутны. Ме босыті стöкан да клоп стенö, кöсий йёршины шондiсö стöкан пытшкас. Кучкöмыс чорыда лои менам да, стöканыс жугалi, киös вирöдз дойдi. Сысыс менö нöйтiсны. Сэсся ывлao петi, да ва гöптын бара шондi ворсö, ме дöзми да кутi талявны кокöн, дzonьён няйтчи. Сысыс менö бара нöйтiсны. Мый мем керны? Ме чатörtчи шондi вылас да пондi горзыны да нерны сiйöс. Шуала: рыхöй чöрт, мися, тэ вöсна нöйтiсны, но мем веськодь, эз доймы, сэсся кывиöс силы нюжöдлi – н-на! – шуи. И быттьö сьölöмöй бурасис... – серавны кутіс ас вылас Ондрай.

Сiдз сёрнитiсны мыйсюрö йылысь. Мам эз вермы кутчысыны да шуис:

– Вай тölкуйтыштöй, кыдз тi талун мунаныд!

— Мый сійё сёрнитан! Миян шүома нин, кыдз вöчны,— небыда шыасис Оңдрай, мед мам оз дöзмы.— А вот мый, мам, тэныд колö шуны миян: арестуйтасны кö миянös, локтас татчö Микулай Иванович да велöдас, кыдз-мый вöчны. Гöгрөвонин?

— Ладнö! — ышловзис да шуис мам.

— Ывла вылас эсько петавлыны да! — окотаись шуис Павел.

— Энлы, гортад на пукышт! — олöдис Оңдрай.— Мыйла весь водза-водз полициялышы синсö вежныыс, эштам на! Тэнö да менö од найö бура нин тöдöны!

Котёрён локтis Педёр Мазин, югъялö, нимкодыыс вомас оз тöр. Тিralомён висытало:

— Заводитчис нин! Кыпалис жö медбörти, йöзыд! Шызис. Быдён ывлАО петöны. Фабрика ворота дорын асывсяныыс нин сулалöны Весовщиков, Гусев, Саймолов да висыталöны речъяс. Зэв нин унаён бергöдчинсны бöр, эз сувтны удж вылö! Вай мунамой, кад нин. Дасöд час нин од!..

Ставныыс шызисны.

— Ме пета сэсся! — эз терпит Павел.

— Вот аддзанныд, öбöд бöрын став фабрикаыс кыпöдчас! — шуис Педёр да котёрён мунис.

— Ок, Педёр, Педёр! Быттьёкö вöснидик сись тöв йылын ломтысöй! — шуис мам Педёр бöрвывтi да кутiс пасьтасыны.

— Тэ кытчö, мам? — юалис Оңдрай.

— Тiянкöд!

Оңдрай видзöдлiс Павел вылö. Павел тэрыба шылькнитiс ассыыс юрсö да петiс күкняö.

— Ме тэныд, мам, нинём ог шу... И тэ ачыд меным нинём жö он! Ладнö сiдз!

— Ладнö, ладнö, ен тiянкöд! — муртса вермис шуыштны мам.

XXVII

Кор петiс мам ывла вылö да кылiс, кыдз гыён-гыён ветлiс сынöдас уна гёлöс шы праздник виччысысь йöзлön; кор аддзис, кыдз быд öшиньсянъ видзöдiсны, öшинь увъясын йöз чукöръяс сёрнитiгтыр колльöдiсны сылысь писо да Оңдрайös, син водзыс руалiс мамлöн, вежласыны-пöртмасыны кутiс да вижён-кельидён ветленины...

Сыкёд здоровайтисны, кылö; мелi, бур гёлöсъяс кылiсны, но чужёмъяссö эз аддзы уна йöз пырсыыс, ни ачыс эз корсысы. Пельыс кызвiс сёмын öтка шуёмъяс да сёрнияс пыыс йылысъ да Оңдрай йылысъ:

— Со тай воеводаясыс миян...

— Ми ог тöдöй, кодi воеводаалö, гашкö, тi да...

— Да ме од ог лёк вылö шу...

Мöдлаын кодкö öграда пытшсяныыс горалiс скöра:

— Куталас полиция, вот и на, эн водзмöстчöй!..

— Куталасны нин тай эсько сiйё да, уна-ö босытлiс-а? — воча уличсянъ видзисны сылы.

Ойзан нывбаба гёлöс, полiга верöссыслы öшиньсянъ ывлАО лöдис:

– Мый нö тэ? Йёймин али мый, пöрысь выжыв!? Мый нö, челядь али мый тэ? Бергöдчы!..

Кор мунисны коктём Зосимов керка дортi, кодлы фабрикасиянь мынтоны вöлi быд тöльсъ пособийö доймöмсъыс, сiёö ёшинысянь юрсö сюйис да горöдiс:

– Пашко! Сылдзиртö песовтасны тэнсъыд, подлецлысь, тайö уджсъыд, вот аддзылан!

Мам дрёгмуни тайö кывъяссыс да сувтовкерлiс керка весьтас. Тайö горöдчöмыс друг кыпöдiс сьёлёмас шуысыс выlö онöдз вöвлытöм лёг, да видзöдлiс веськыда былькмöм кыз чужёмас Зосимовлы. Зосимов видчиг-ёрччигтыр бöр дзебис чужёмсö керкаас. Мам öddzöдiс воськовсö да сүöдiс писö.

А Павел да Ондрей нинöм эз кывны, некодöс эз аддзыны, мунисны тэрмасытöг, повтöг водзö. Со сувтiс найöс паныдасысь Миронов, олöма морт, кодöс быдöн вöлi уважайтöны рам, сöстöма да садя олöм кузяыс.

– Данил Ивановичыс талун оз жö, тыдалö, уджав? – юалiс сылысь Павел.

– Менам гöтырой челядя да... да и луныс со кутшöм талун! – висьталiс Миронов кыкнанысö видзöдалiгтыри, сэсся нёйжöник юалiс:

– Йöзыс сёрнитöны, тi пö скандал кёсъянныд вöчлiны директорлы талун, ёшиныяс жуглыны... Збыль сiёö?

– Мый нö тэ? Садьтöм кодöс али мый ми? – чуймис Павел.– Огö!

– Ми прöстö мунам улич кузя плагъясон сылгiгтыри, – содтiс Ондрей.– Кывзышт вот миянлысь сылёмсö, сэнi миян вераным!

– Веранытö ме тiянлысь тöда! – думайтан чужёмöн лёня шуис Миронов.– Лыддявлi гижöдъяснытö тiянлысь.

Сэсся син вылас уси мам да нимкодя горöдiс:

– А, Ниловна! И тэ «бунтуйтчины» тшötш мёдöдчин?

– Кыдз жö? Колö жö од куттöдз öтчыд правдаыскöд орчён ветлыштны!

– Вот тэ кутшöм! Сiдз кё, збыль жö шуёмис вёлёма, мый фабрика вылас запрета книгаяссö ваялан, вёлём, тэ!

– Кодi сiёö сёрнитö? – юалiс Павел.

– Сёрнитöны нин! Н-но, мунöй нö, ветлöй, да бурджыка кутöй асънытö! – прöщайтчигмозыс бурысь шуис Миронов.

Мамлы нимкодь лоис, мый сiдзи сёрнитöны си йылысь.

Павел серёктiс да шуис:

– Тшötш лоан, мам, тэ тюрмайын.

...Шондi вылöджык и вылöджык кыпöдчис, разöдiс пасытала югöрсö, шонтiс да сетiс кыпыдлун тувсовъя лунлы. Кымёрьяс шочаммисны, кизьёрмисны и нёйжöник шлывгисны енэжтi, вуджörъяс лоины югыдöсъджык, сöдзöсь; небыда киссисны найö уличьяс кузя, керка вевтъяс вывтi, весалiсны-чышкисны быттьёkö няйтсö да буссö слёбода уличьяс вылысь, малалiсны керка стенъяс, öйтiсны морт чужёмъяс вылысь быдлунся гажтöм тёжд думсö.

Пыр гажаджык и гажаджык вочасöн лои, гёлöсъяс гормисны, вевттисны фабрика пытшкёссянь кылём машинаяслысь бергалöм зыксо.

Улича пельös сайын, дзескыд переулок кулигайын чукöртчома морт сё кымын. Сэтöнi висьталö Весовщиков речь:

– Миянлысь пычкёны вирнимöс, кыдз пычкёны турипувыйсь васö! – сьёкыда усялiсны Микулайлён кывъясыс йöз чукöр юр выlö.

– Сідз, сідз! – кыліс уна гёлөс сійё кывъяс вылёр.

– Старайтчо детинаңың! – шуис Ӯндрей, мыйён матыстчисны йöz дінö.

– А ноко, отсыштам сылы!..

Ӯндрей песовтчис, гартыштчис кыдзкө тешкодя аслас кузь нюдз тушанас да пирнёв моз пырис тшем йöz чукёрө. Павел эз удит весиг кутнысö. Йöz чукёр кытш пиын кыліс нин нюркйöдлан гёлөссыс Ӯндрейлон:

– Төварышъя! Шуоны, му вылын по олённы уна сикаса йöz: евреечъяс, неме-чъяс, англичана, тотара... А ме ог верит! Эм сёмын кык сикас йöz, кык сикас – кык рöд: озыръяс да голья! Йöz пасытасьёны разнёя и уна ног сёрнитёны, а видзöдлой, кыдз озыр франсуэзъяс, немечъяс, англичана уджалысь йözкөд обра-щайтчёны, сэки аддзаның, мый найо асланыс йозыслы сэтшом жё бусурманъяс – ...мед налы горшаныс тасасяс лы!

Йöz чукёрлын кодкө гажаа серёктіс.

– А мёд боксянъ кө видзöдлам, аддзам, мый франсуэз-рабочой, либо тотарин-рабочой, ли турок сэтшом жё пон кодь олёмён олённы, кыдз и роч рабочой йöz!

Водзысянъ йöz пыр локталісны и локталісны, йöz чукёр соді и соді дзеескыд кулига пельёссын. Ӯндрей пыр висыталіс и вочасон кыпöдіс гёлөссö:

– Заграницаса рабочойяс гёгёрвоисны нин тайос и талун, гажа Май первой лунё...

– Полиция! – друг кодкө горёдіс висыталігкостыс.

Уличасянъ переулок, веськыда йöz вылас, нагайкаясон ёвтчигтырии локтіс-ны нёль верзьома вола полицейской да горзісны:

– Разöдчой!

Йöz буқышасисны да дышпырысь кежалісны волаяс туй вылысь. Мукöд кат-тысисны заборъяс вылёр да сэсянъ видзöдісны.

– Пуксьöдомаёссь порсъясöс вёвъяс вылёр да руксоны, ми тшотш воеводаяс! – эльтіс, гораа юргис кодлонкө гёлөс йöz чукёрсянъ.

Ӯндрей öтнас суалан коли переулок шёрын, сы вылёр локтісны юрсо пыркё-дігтүрии кык вола. Ӯндрей шыбитчыштіс бокө. Сәк кадо мам кватитіс киöдыс сійос да кыскис, нүöдіс бокө увигтүрии:

– Ачыс кёсйисис тшотш Павелкөд öтлаын мунны, а сюйсö кытчёкө, водза-водз сюйсö.

– Виноват! – шуис Ӯндрей нюмвидзöмён.

Мамлы лои друг лöссыдтöм сёйлём вылас, гёгёр быттьё мудзис, юрыс бергöд-чыны кутіс, нимкодысыкёд тшотш сорасис кутшöмкө шог. «Мед эськө регыд-джык нин чукостчис обöд вылас гудокыс», – мёвпаліс аслыс.

Переулоксыс петісны вичко дор площадь вылёр. Сэні гёгёр – ортсысас и öгра-да пытшкас пукалісны да суалісны, унджыкыс томулов, ныв-зон да челядь, сё вит кымын морт. Быдён мыйкө виччысисны – чатрасисны, видзöдалісны гёгёр. Тöдчис быдторыын кутшöмкө кыпидлун, вёвлытöмтор кыліс быд морт чужём. Кодъяскө шойёвошöмён видзöдісны, мукöдъяс – збоя, ошийсöмён асънысö ку-тісны. Ньёжийоник кылісны кёнсюрө полан ныvbaba гёлөсъяс, налы воча му-жикъяс шуом пыдди чужомъяснысö мёдарö бергöдалісны.

– Митюш! – кыліс ньёжийоник нывлён гёлөс. – Жалитышт асътö!..

– Дугды нин! – воча тронъкнитіс сылы зон.

Кыліс пöресь Сизовлён сёрнивс:

– Оз, оз позь том йözös не кывзыны! Найö умнöйöсъджык миян дорысь, смелджыка олöны! Коді нö нюр косытан делö кузяыд миянлысь грöшъяснымös дорийис? Найö! Сийöс оз ков вунöдны. Найöс сысысь тюромаясад кыскаласны, а код понда? Миян вöсна, ставным вöсна!..

Чарöстic гудок, вевттылïс здук кежлö аслас сьöд шуштöм горшнас йöзысысь варова зыксö. Дрёгмуни йöz. Пукалысьяс сувтïсны, минут кежлö кынмылïс ставыс, ёссысисны кывзысыны, уна чужём кельдöдлïс кыпыйд кылёмла...

Сийö кыпыйда лöньялïгас том ыджыд вынйöрön кылïс гораа ёнтан музыка шыён Павеллён чукöстchan кыв:

– Тöварышъя!

Сотыштïс мамлëссысь морöссö, визмунï туша кузяыс, öдöб шедi ки-кохыслы друг, öти здукён лои пиыс дïнас да сувтïс орччон. Быдён бергöдïсны чужёмнысö Павел вылö, минутён гёгörtïсны ыджыд сьöд кытш пытшкö, кызд магнит кыс-кыштö кöрт торъяс ас бердас.

Мам видзöдис пиыс чужём вылö и аддзис сёмын синъяссö, повтöм, öзтана, гордöй синъяссö.

– Тöварышъя! Ми кöсийисим повтöг, явö шуны, кодъяс ми эмöсь и талун ми кыпöдам ассыным знамянымös – разумлысь, правдалысь, свободалысь знамясö!

Кызд шыльыд зïб вуджöртïс юр весытын, вундыштïс сынöдсö, ганëвтчылïс öтар помысь муртса йöz пöвстö и минут бöрын качöдчис-лэбзис гёрдьюгыд пöткаён пасыкыд ота дöра – уджалысь йöзлён знамяыс.

Павел лэптïс кисö – зïбайыс вörзыштлïс, – сæk уна ки чургöдчис да кутчысис зïб воропас, на пöвстын вöлi тшöтш мамлён киыс.

– Мед видза олас уджалысь йöz! – горöдис Павел.

Уна сё гёлös гора йöлögäön вочавидзис – «О-о-а-а!..» гым моз разалi.

– Мед видза олас социал-демократия, рабочой партия, миян партияным, тöва-рышъяс, миянös öтувтysь рöдина!

Йöz пuис, шы ötarö содi, чургöдчалïсны юр весытын лэптöм кияс, вылö кач-лïсны шапкаяс. Кыссисны знамя дïнö, кодъяс гёгöрвоисны сылысь колёмсö. Павелкöд орччон лоины Мазин, Самойлов, Гусев кык вок, öдбötöмён локтïс, сюй-сис йöz пöвстtи вешталигтырий Микулай. И кодъяскö нöшта унаён на, мамлы тöдтöмъяс, кыпыйд пытшкös биён öзъян синъяса том йöz...

– Мед видза оласны став мувывса рабочойяс! – чардби моз шыблалïс Павел океан моз ызгысь йöz чукöрö дон пось öзтана кывъяс. Ыджыд нимкодя зык пыр ötarö содi да гормис, и быд чоломалан кыв вылö сурс морта йöz чукöрсянь гора шы тölöн кылïс сьöлёмöдз ииджана йöлögä гым.

Мам кватитïс Микулайлысь кисö öтик кинас, а мöдьис, эз тöд ачыс, код киö веськалi, тыри-доршасис синъясыс синваён, но эз бöрд и тíралигтырий вом доръ-яснас шöпкöдис:

– Сьöлёмшöръяс, сьöлёмшöръяс...

Микулайлон серöссы чужёмбан пасытас түвсов шондï моз разалïс ыджыд ним-кодыс, кисö чургöдöмён видзöдис знамя вылö да мыйкö ымзис, сэсся сийö кинас жö сывыйштïс мамös сылi гёгöрыс, окиштïс да долыда серöктиc.

– Тöварышъя! – кылïс Ондрейлон нюркйöдлана лайкыд гёлöсис. – Ми кыпöд-чим öнi мунны туйö, выль енлы эскüm вылö, кодi шусьö – разумён, правдаён, бурён! Ылын, кузь миян туй помыс сийö, лежнöг дойясыс нö – вывтi матын. Кодi

оз верит правдалы, кодлён абу повтёмлуныс кувмёныс сулавны сы вёсна, коді оз верит аслыс да полё съёкыдторъясы – вешый миян дінысь бокö! Ми чуксалам ас бёрсянъым сэтшомъясоц, коді веритö миян победаö; найö, кодъяслы оз тыдав миян туй помыс – бурджык, оз кё мунны миянкёд, сэтшомъяссö виччысöй сёмын шог. Водзö, тёварышъя! Мед видза олас талунъя праздникис мезлунъя йöзлён! Мед олас Май Первой лун!

Топыддыхыка жмитчини йöз. Павел шеныштис знамянас, сiйö плавгысис сиңöдас юғыдгорд лэбачон да шлывгыны мёддочис водзö вылiтi юръяс весьт – шондiыс дöраас пöртмасис-ворсiс. Вöрзис йöз чукёр сы бёрся.

– «Отречёмся от старого мира» – троньётис гораа сöдз гёлöсис Педёр Мазинлён, и уна гёлöс ыджыд шы тёла гыён моз нетшыштис да кылодiс-нуöдис водзö: «Отряхнём его прах с наших ног!..»

Мам восьса юғыд чужёмён мунис Мазин бёрвывтi да синсö чёттлытöг чатортчомён видзöдис знамя вылö. Гёгөр вуджрасисны нимкодь чужомъяс, синъяс, а медводзын мунисны пиыс да Ондрей. Кылiс мам янсалан небыд гёлöссо Ондрейллсыс и пиыслыс кызиник бассö:

– «Вставай, подымайся, рабочий народ,
Вставай, на борьбу, люд голодный...»

Содтöд локтысь йöз котёрён матыстчини гöрд знамялы паныд, горзiсны мыйкё нимкодя да öтлаö пузöдчини мунысыас чукёрö. А сылём пыр öтарö гораммис, ёнмис. Керкаын коркё сывлiсны тайö қыпый сывланкывсö полиг-видзчысигтырий, онi сiйö ывлалын кылiс гора гым моз, ыджыд вынийорён. Кöрт кодь чорыд повтёмлун, ыджыд кёйысöм кылiс сiйö шыясас да чуксалiс-корис ас бёрсяыс ылi туйö, водзö олём дiнö, веськыда пöръясстöг висьталiс ачыс песняыс сiйö съёкыд туй йавысы...

Кодкё повзьём, но нимкодь чужёма олёма ань восьлалiс орчён мамкёд да тিralан гёлöсён шуалiс:

– Митя-а-а! Кытчö тэ?

Мам мунiгмоз шуалiс сылы:

– Мед мунас, тэ эн тёждысы! Ме сiдз жё волi ёна пола, а онi... – кинас шеныштис кытчöкё мам да ээ помав.– Менам пиöй то нö медводзынас, знамясö тай нүö, сiйö.

– Рöзбойникъяс! Кытчö тi? Салдатъяс сэнёсö! – горзiс кодкё бокысянъ.

Орчён мунысыс ань кватитис мамёс киöдыс да восьлалiгтырий съёлёмсыыс шуалiс:

– Мусай, тэ... Кутшом лёссыда сывлёны! Мися, миян тшötш сывлö и...

А мам сылы воча:

– Тэ эн пов! Тайö святой делö, правдаыс тан.

Орчён сыйкёд тшötш лои Сизов. Сiйö шапкасö пöрччомён övtчис сывлём шы бёрсыыс.

– Öд, явö кутiсны, мам, а? Сывланкыв лёсёдöмäöс сэтчö лёсяланайс и! Кызвы, кутшом кывъясыс? – шуалiс Сизов.

– «Царю нужны для войска солдаты, отдавайте ему сыновей...»

– Ниномыссыз оз повны! А менам пиöй гуын... – шага содтис Сизов.

Мамлы съёкыд лои, лолыс тыри, съёлёмыс кутiс чеччины. Вочасён воддза радъяссыыс коли и коли бёрё. Сэсся дзиkодз бокё зырисны забор бердö, а йöз мунис пыр водзö, ордйöдисны унаён...

«Вставай, подымайся, рабочий народ!..» – ылын нин кылö сылисны мамсаныя.

Кажитчис, быттьёкё кылö зэв ыджыд гораа юргысян ыргён струба гымгöсүлө да пальёдöйёзсö, чуксалö кодоскё, ыштöдöбосытчöдö кось вылö, мукöдлескы кыпöдö нимкодьлун мыйкё выль вöвлытöмтор виччысыём вылö.

Быдён кыссисны, видзöдисны водзö, кöнi сынöдас тöв йылын шпорöдчис чим гёрд знамя.

– О-о! Мöдöдчисны тай! – горзiс ыджыд нимкодьён кодлёнкё гёлöс. Горзыс морт эз куж, тыдалö, ниномён петкöдлыны ассыыс ыджыд нимкодьё да чорыда ёрччöйтис.

– Еретникъяс! – кулакнас грёзитiг ёшиньсяныс горзiс орём гёлöсён кодкё.

Мöд гёлöс кодлёнкё дзуртан гаг моз писькöдчис-пырис мамлы пеляс: «Государ императорлы прötив?! Его величество сарлы паныд?! Бунтуйтыны?!»

Мам син водзтi вуджрасисны шемёса чужёмъяс, чеччалiг-панласигтыр котёртисны мужикъяс, нывбабаяс, сарижд гы моз гыалiс-ызгис йöз да сылём шы бörся кыссис. А песняыс водзвылас мунiс быттьё, ордымалiс туй визьсö, пöрлöдлiс водзвывсыс мешайтчысь пуюссö, лöпсö...

Мам дзик нин бöжас лои, сэтшöм йöз пöвстын, кодъяс мунiсны тэрмасьтöг веськодь чужёмöн, кöдзыд видзöдисьясöн, кодъяслы водзвыв известнö, мыйён вермас помасыны тайё радлöмыс. Мунiсны ньёжийоник сёрнитiгтырии, тöдöмпырысь.

– Отi ротаыс сулалö школа дорын, а мёдыс – фабрика дорын...

– Губернатор воöма...

– Збыль?

– Дерт, збыль, ачым аддзылi локтöмсö.

Кодкё нимкодя ёрччöктis да шуис:

– Кöть мый, а повны кутiсны ми вокыс! Войска и, губернатор и!..

– Рöдимöйяс!.. – пессис мамлон сьёлöмыс, но си гёгöр мукöд гёлöсъяс и сьёлöмъяс вöлiны кынöс, кулöмöс. Мам öддзöдис воськовсö, медым регыдджык мынны татшöм йöз пöвстись да кокныда ордйöдис налышь дыш-ньёж восьласысö.

Но друг йöз чукёрлон нырыс быттьё мыйёкё чорыдториё люкасис, кузь нюдз тушаыс пружина моз зэвтчыштis, но эз сувт. Сылём шы сiдз жö черёбсис, но бöр öдбötis тэрыба, гораджыка... И бара сёрияс, сылём шы надзмис, уськöдчис бöрлань, кусiны-усины кодсюрё гёлöсъяс, мукöдьыс си пыдди öддзисны, тойыштыны вылöджык, водзöджык кöсийисны:

– «Вставай, подымайся, рабочий народ!

Иди на врага, люд голодный!..»

Но эз нин вöв сэнi тыр-бур кыпидлуныс, кылiс-чеччалiс тревога шы.

Мый лои водзвылас, тöдтöм, аддзыттöм синъясöн мам уськöдчис водзлань, а сылы паныдöн бöрынътчалисны нин кодсюрё юръяс öшöдöмён, зумыштчöмён... Мам шога видзöдчалис чужёмъясö, корис-кевмысис синъяснас, сьёлöмыс вир синваён пессис...

– Тöварыштъяс! – кылiс Павеллён гораа гёлöс.– Салдатъяс сэтшöм жö йöз, кутшöм и ми. Найö оз пондыны миянöс нöйтны. Да и мыйысь нöйтныыс? Сысыс öмёй, мый ми нуам правдасö, быдёнлы колана правдасö? Öд сiёö и налыш тшöтш

колё. Оні асыныс найё оз на гёгёрвоны сійёс, но матын нин кадыс, кодыр найё сувтасны миянкод орчён... И медым регыдджык найё гёгёрвоисны сійёс, миянлы коло мунны водзё. Водзё, тёварышъя! Пыр водзё!

Павеллон гёлөсис чорыда кыліс, кывъясыс тронькылісны гораа, сөдза, но йоз чукёр пазавны мёдіс, чуктавны-торъявны пондісны öти, мёд туй бокё, за-боръяс бердö кольччавны. Йоз чукёр лои куим пельёса ёсь ныра тув кодь, тув нырас ёсь шпиль йылын моз Павел – вир югыд öзъялан знамя...

XXVIII

Улича помын руд стенаён сулалісны чужомтём йоз, ставныс öткодьёс, сюръя кодь кынёс. Быдёнлон налён пельпом весътас тыдалісны кёдзыд ёсь йыла штыкъя. Тайё стенасянныс рабочойас вылø öвтім ловтём кёдзыдён, пуксис мам моросё, съёлёмдзыс ииджис кёдзыд лов шыыс...

Сувтовкерис йоз чукёр.

– Тёварышъя! – бара горёдіс Павел.– Күйтёдз пыр сувтлытёг водзё! Мёд туй сэссе миянлы абу!

И лои лёнь, шемёс. Знамя бара кыпöдчис юръяс весът, довкуні, плавгысис и водзё мёдіс. Мам дрёгмуні, куныштліс синъяссö да съокыда окнитіс: Павел, Ондрей, Самойлов да Мазин, сомын нёль, нёль морт восъковтісны-чуктісны ыджыд йоз чукорысь.

Сындын надзмёса сыркъявны кутіс югыд сөдз гёлөсис Педёр Мазинлон:

– «Вы жертвою пали...» – сывны босытіс Педёр.

– «В борьбе... роковой...» – кык съокыд ышлолон шыасисны улис шытёла басъяс ёртъясыслён. Борзывсаяс тшётш, нылі костён, вörзисны знамя нуысьяс бёрся да нетшыштісны песнясö уна гёлөсөн; и пасъыда, пасъыда пазалі водзё...

– «Вы отдали всё, что могли за него...» – босыталіс Педёр сыланкывсö и юыдгöрд лентаён нюгләсис-ләбаліс сындын сылён кыпыйд шогён гёлөсис.

– А-а! – лёк радлан горшён горёдіс кодкё бокысянь.– Паникода босытчисны сывны сукин сынъясыд!..

Мам күтчысис моросас, видзёдліс гёгёр и аддзис, кызд вочасён сылёт-чинё ыджыд йоз чукёр улица вылысь. Знамя нуысьяс бёрся сомын морт комын-нелямын нылі костён мунісны, но и на пöвстясь быд восъков борын кольччалісны, шыбитчалісны бокё – то öти, то мёд, быттьё туй шёрыс доналёма дон көрт моз да кок пыдёсъясныс сотö.

– «Падёт произвол...» – туналіс, тёдіс водзвыв песняс Педёр кывъясон.

– «И восстанет народ!» – съокыд көрт нöшкён кучкалісны кывъяссö ён гёлөсъяс. Но сылігмозыс кылісны нин сылысьяс пöвстсянь вашкодчомъяс:

– Команда сетёны... Вот лыясны...

– На ру-ку! – ләчыд кос горёдом кыліс мёдарладорсаяныс.

Отпырайон лайковтчисны штыкъя, ганётчылісны и тшёкыд ёсь тшётш моз знамялы паныдён жергöдчисны.

– Марш! – бара кыліс каманда.

Синё лапниттёг видзёдіс мам, кызд руд стена öтпрыйон вörзис, пасъкёдчис улица пасьтасыс да чургöдом штыкъясон мёдёдчис локны паныдён. Іджыда

воськовтіс мам да матёджык сувтіс пыыс дінö. Ондрей сідз жö воськовтіс и лои Павел водзвылын да сайöдіс аслас кузь тушанас Павелöс.

– Орччён мун, тöварыш! – косысь шуис Павел Ондрейлыш.

Ондрей муніс и сыліс кияссö мышку саяс кутомён, юрсо вылö чатортомён. Павел инмёдчис сылы пельпомас да бара горёдіс:

– Орччён! Он имеет права знамя водзвылын!

– Раз-зöд-чой! – вöсни гёлөсөн горзіс ичöтик тушаа офицер еджыд сабляён шенасигтырий. Вылö кокъяссö лэпталомён петук моз восьланаліс да каблукнас татшкёдіс. Мамлы син вылас усылі сылён югыда волялан сапögыс.

А бокын, неуна бöрвывынджык сьёкыда восьланаліс ыджыд кузь тушаа дзор юрсия кузь, руд, гöрд увтыса шинеля морт да зывöка видзöдіс знамяён локтысь- яс вылö.

Пыр матёджык и матёджык вочаасисны гöрд знамя йöз да топыд чепйён локтысь войска. Кöдзыда водзвыланыс нуисны чурвидзан штыкъяссö и инмёд- чытöдзыс на чуктöдлісны ёсь йывнаныс то öтиöс, то мёдöс йöз чукöрысь, пыр öтарö чинтісны сылысь лыдöс.

Мам кыліс бöрвывыссыс пышайысьяслыс кок шынысö, шемёс-повзём гёлөсъяс горзісны:

– Разöдчамой, тöварышъя...

– Пышайы, Власов!..

– Бергöдчы, Павел...

– Шыбит знамятö, Павел! – зумыша горёдіс Весовщиков.– Вайлыш ме дзеба! – да кватитіс-күтчысис зібъяс, знамя гановтчыс бöрвыв.

– Эн вöрöд! – горёдіс сылы Павел. Микулай бöр нетшыштіс кисö, быттьёкö сотыштіс чуньяссö пуыс.

Сылём кусі, лёнис. Шемёс сувтісны тöварышъяс да топыда сувталісны Павел гёгöр, но сiйö сюйсис да бара петіс знамянас водзвылö. Сы гёгöр колины морт кызы-комын, но найö сулалісны повтöма, чорыда, бöрынътчыны кöсийтöг. Мамёс кыскис сьёлёмымыс тайö ичöтик китыръя чукöрас, тёждысис-пыдзрасис сьёлёмымыс сылён на вöсна, мыйкö кöсийсис висъставны унатор...

– Босътöй, порутчик, эсiйö налысъ! – прикажитіс ыджыд тушаа камандир офицерлы да индіс знамя вылö.

Павел дiнö зырёдіс ичöтик тушаа офицер, күтчысис знамя зiбö да чилёстiс:

– Шыбит!

– Эн инмёдчы пеж кинад! – гора шуис сылы Павел.

Знамя гöрд вирён күтіс дзёрны сынöдын, то öтарö ганълас, то мёдарö нёрлö, сеся бöр веськыда сувтіс.

Мам син водзын вуджöртіс, кызд кык ки вермасигас брунöйтіс öдöбön знамя дiнö кулакъяссö шöдзыртмён Микулай, да кызд сы бöрын мач моз летитіс знамя дорысь офицер да тутіс мүö.

– Арестовать! – равöстiс сæk ыджыд тушаа камандир да тапнитіс кокнас.

Кымынкö салдат усъкёдчысны водзö. Öтик ырыштчыс прикладнас – знамя дрёгмунi, нёриньтчыс и воши салдатъяс пöвстö.

– Ок! – кысянъкö кыліс сæk шога горёдчом шы.

И мам горёдіс, ойöстiс сир курыд шог лёкгорша гёлөсөн. Но воча сылы салдатъяс чукöрсянъ нин кыліс сöдза гёлөсис Павеллён:

– Видза овны тэд, мам! До свиданньё!..
 – Ловъя на! Тёд вылас уси ме! – кык кывъя шыёдчом писяныс кучкис морёсас мамлы.

– Аддзысыльтёдз, бур аньёй! – кыліс тшотиш Ёндрейлён сэсянъ жё.

Кокчунясыёмён зилис видзёдлыны мам медбörъясы ассыс донаторъяссö, но топыд салдат кытш пиын ээ нин тыдал Павеллён тушаыс, сöмын Ёндрейлён вылын кутана юрыс тыдаліс салдатъяс юр вывті да нюмъяліс сылён гёгрös чу-жöмыс – сiё копрасис да нюмъяліс мамлы.

– Сыёломшöръясöй менам... Ёндрей... Паша... – горзiс-пессис мам.

– До свиданньё, тёварышъяс! – нöшта кыліс салдатъяс кытш пиыс.

И воча сiё шыёдчом вылö кыліс уна вевся ёйлögä шы. Кыліс сiё кысянъкö вылысянъ – öшинассиянъ, керка вывъясиянъ.

XXIX

Мамöс тойыштiсны морёсас. Руалöм синъясоn аддзыліс мам чужöмсö офицер-лыс – лöзовгöрд вöлi сылён чужöмыс лёкысла.

– Убирайтчы, баба! – горёдiс мам вылö сiё.

Мам видзёдліс сы вылö и аддзис офицер кок улысъ знамя зiбсö – кык пельö чегём торъя, öтик джынъяс кольыштöма ичöтика гёрд дöраторыйс знамялён. Мам копыртчыліс да лэптiс öти джынсö. Офицер нетшыштiс бедьсö сiё киысъ, шыбитiс бокö да джымайтöмён кутiс горзыны:

– Убирайтчы, шуёны!..

Салдатъяс пöвстын сæk ызöптiс-öзийис песня да ыджыд, пасъкыд ю моз визувтны мёдiс:

– «Вставай, подымайся, рабочий народ!..» – сылісны салдатъяс кытш пытшын мунысьяс.

Гёгöр путкылясис-бергалiс, шызис. Сынöдас суалiс-буvgис сук зык, джу-джыд вöр пу йыв тöла дырся ылi гым кодь. Офицер чеччавны-транзыны кутiс чирzигтырий:

– Дугдöй сылёмссыс! Фельдфебель, ланьтöй! Тупкöй горшнысö!..

Сылём шы дзугсис, ори, кусi...

Мам шатлалiгтырий мунiс да кыпöдiс бöр знамя зiб торсö. Кодкö босътiс пельпомöдys сiёс, бергöдiс мёдарö да тойлалiгтырий шуалiс:

– Мун, мун...

– Весавны уличасö, – горзiс офицер.

Мам аддзис, кызд водзвылын неылын бара чукöрмис вель ыджыд йöз чукöр. Найö горзiсны, увгисны, шутъялiсны ньёжйöник бöрынътчигтырий.

– Мун дявлö, шуёны тэд! – горёдiс веськыда пеляс мамлы томиник салдат да тойыштiс туй шöрссыс моски вылö.

Бедь вылас лэдчысыёмён мёдöдчис мам. Коkъясыс куснясисны, и медым озусь, мёд кинас кутчысялiс керка стенъясо да заборъяс бердö. Водзвылас бöрынътчисны, а орчён сыкöд да бöрвыттыс мунiсны салдатъяс шуалiгтырий:

– Мун, мун...

Салдатъяс ордйöдiсны сiёс, сiё сувтiс да гёгöр видзёдліс. Улича помын

сулалісны бара салдатъяс – тупкёмаёс туйсö площасть вылö, площасть волi күш нин. Мам кежис ёти лöнь переулокö. Сувтiс, съёкыда лолыштiс, кызвысыны күтiс. Конкö водзын ызгис на йöз. Беддясигтырий мёддочис сылань, аслыс майкö шöпкёдчигтырий, юрас жöдзисны да чужисны кутшомкö кывъяс и окота волi висставны-шуны йöзыслы.

Переулок кежис шуйгавыв и дзескыдiнись мам аддзис вель ыджыд йöз чукёр. Сэнi сёрнитiсны-ызгисны. Кодлонкö голёс кылö шуалiс:

– Озорство понда штык йылö оз лöсъёдчывны!

А мёд:

– Кызд ёд повтöг, а? Локтоны на вылö штыкъясöн, а найö сулалёны, оз повны...

– Вот тэныд и Паша Власов! Молодеч...

– А хохолыс? Кияссö мышку саяс кутö, нюмъялö, быттьö веськодь...

– Бур йöзöй! – горёдiс мам налы да сюйсис йöз чукёрö. Сылы сетiсны туй и жаляддза видзёдiсны. Но кодкö серёктiс:

– Видзёдöй, плага! Киас плаг!

– Ланьт! – скёра горёдiс мёд голёс сылы.

Мам шелгёдiс шемёса кияссö...

– Кызвыштöй, бур йöз! Кызвыштлöй, ен могыссыон! Ставныд ёд тi... мусаяс... думыштлöй, май лои... Мунёны челядь... миян пиянным... правда корсёны... Став понда! Быдён вёсна... тiян ладенечьяс вёсна асынысö крест йылö сетёны... Корсёны бурджык, югыдджык лунъяс. Кёсёны лöсъёдны мёд олём – правдаа олём... Бур кёсёны йöзыслы вёчны!

Сёйлёмис чеччиc-поткёдchис мамлён, эз инаc морёсас, дзескёдiс, вомыс косьмис, посльои тушаислы. Пытшёсас кыптiсны-чужисны ыджыд смысла прёстой кывъяс, коньёр уджалысъ йöзöс радейтана кывъяс, да сотiсны вомсö...

Горш дiныс гордззасис, сёрниыс ори, довкунi тушаис – кёсёис усъны. Кодкö кватитiс киёдыс да кутiс усъёмссыис...

– Ен нога висьталö, бурёс. Кывзöй.

Кодкö жалитыштiс:

– Эк, кызд шогсёй-пессёй!

– Оз ас пондаис шогсыы, а миянöс, дуракъясöс, янёдö да велёдö! Гёгёрво! – горёдiсны шуиссылы кымынкö голёс.

– Православнöйяс! – кылiс сэк кыпьыд вёсни голёс Сизовлён.– Менам Митя – состём лов волi, май сiёй вёчис лёкçö?! Мунiс ёд тшётш со тёварыштяс бёрсяыс, эз кольччи... Веськыда шуё тайё – мыйла ми эновтiм ас кежаныс пияннымös? Мый лёкçö вёчёны?!

Мам дрёгмунi тайё кывъяссыыс да лöня бёрддзис.

– Мунам, Ниловна, гортад, мунам! Мун, мам. Мучитчин нин, эбёссыыд усин! – гораа шуис Сизов. Чужомыс сылён волi кельыд, тошкыс дзёрис.

– Машина виис менсым фабрика вылын пиёс, Матвейöс, тi ёд тёданныд сiёйс. Но ловъя кё онi волi, ме эг жалит, ыстi эськö сiёйс на бёрся, кодъяс мунiсны талун, да веськыда шуи эськö – мун, мися, тшётш тёварыштясыскöд.

Сизов лöнныштiс, ставныс видзёдлiсны сы вылö майкö выльтор гёгёрвоим синъясöн ыджыд уджысъ, кодi эз на повзьёд найöс страхён. Сизов кисё лэптiс:

– Старик висьталö, тi менё тёданныд! Комын öкмис во уджала ме танi фабри-

ка вылас, ветымын куим во ола му вылын... Племянникös менсыым, сöстöм, вежöра детинаöс, талун со бара босытисны. Сэні жö вöлi, медводзын мунис Владовкöд орччöн, знамя дорас...

Сизов шеныштис кинас, йöжгыльтчис, босытис мамлысь кисö аслас киö да шуис лёня:

– Тайö аныыс веськыда висыталис. Миян пиян выль ногён, разумён кöсйöны овны, а ми вот ог гёгöрвоой, эновтiм найöс, пышийим, да!.. Но, мунам, Ниловна...

– Рöдимöйяс, тi! – шыасис мам, бöрдöм синъясон гёгöртис ставнысо да.– Оломыс – миян челядьлы, налы и – став мусы!..

– Мунам, Ниловна, лок! На, бедьтö босыт да, – шуалис мамлы Сизов да сетис киас знамя зiб торсö.

Йöз шога, жальпырысь видзöдлисны мам вылö, вежавидзисны сiёш шог вылын, бур кывъясон, сиомъясон колльöдисны. Сизов кутис сiёш киöдыс да нуис гортас. Йöз ньёжийоник мёдöдчис на бörся тшötш. Кутшöмкö сила кыскис найöс мам бöрся.

Сiдз колльöдисны ньёжийоник сёрнитiгтырий гортöдзыс мамöс. Кор воисны öшины улас, мам бергöдчылiс, улöдз копыртчылiс налы да лёня шуис:

– Пасибö тiянлы, бур йöзöй!..

Шуис сiдзи, да бара тöд вылас уси аслас воддза мёвпыс, кытчö сьёлёмсö ассыыс йитис, мыйын вöлi аслас вера йылысь гёгöрвоомыс. Быттьö эз йöзлы, а аслыс – кыз думö вöйтчöмён артмис:

– Эз эсъкö вöв енмыс – Кристосыс, – эз кö кувлыны, пуктывны ловнысо сы вöсна, сiёш кыпöдöм кузя, му вылын йöзыс...

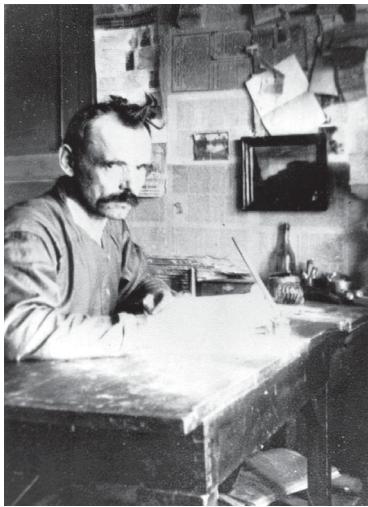
Йöз чёв видзöдис сы вылö.

Мам бара копыртчылiс налы да пырис аслас керкаö. Сы бörся юрсö öшöдöмён, дума чужёмён пырис тшötш Сизов.

Йöз сулалан колины öшины улас да мыйкö ас костаныс сёрнитан.

Разöдчисны ньёжийоник, тэрмасытöг.

**Тима Вень (Вениамин
Тимофеевич Чисталёв)**

1890–1939

«Сердце прячет грусть...»

* * *

.....

Вылісянь
лым вылō
дзоргисны
кодзувъяс –
дзирыдöсь,
кёдзыдöсь
зэв...

* * *

.....

Звёздное
кружево
снег
заворожило –
холод
мерцающих
свеч...

1924 год

2003 год

Рыт-асыв кылём

Долыд асылын
водзджык садьмыны...
Лösсыд лун сёёмс
зильны уджавны...
Чёскыд рытъясын
лёня шойччыны.
Садя вежёрыд
олё асылын.
Сёдза мёвпалö
юрыд лунъюгыд.

Ощущение дня

Утром радостно
встать в рассветный час...
В полдень весело
сладить дел запас...
Нежным вечером
тихо таять в ночь.
Трезвый разум твой
утром бодрствует.
Ясной мыслью той
день упорствует.

Ворсö нораа
съёлём рытъясын.

Сердце прячет грусть
в тень вечернюю.

(Асыв уджалö мортлон вежёрджык.
Рытын кывзалаö сылён съёлёмджык).

(Утро статься разумнее вечера.
Вечер чувствуется сердчнее).

1925 год

2003 год

Гожся лунö

Шондi ёна пёжё...
Нюкыртчома кор.
Ытшкём турун косьмё.
Дзикöдз ямё шор...
Гож сайясö челядь
Сайласьёны пыр,
Черияс моз гёптын
Сялькёдчоны дыр...
Вёр пу сайсянъ кымёр
Кыптö быттьё тшын.
Югнитчылiс чардби...
Кылё ылын гым.

1922 год

В знойный день

Солнце катит пекло...
Листьев суховей.
Травокосы блекнут.
Лижет дно ручей...
Прячутся от зноя
Дети часто в тень,
Словно рыбы в лужах,
Плещутся весь день...
Из-за леса туча
Будто дым клубит.
Молния сверкнула...
Дальний гром гремит.

2003 год

* * *

Кисьтö кельыд югёр
Эзысь тёлсысь джын.
Керка сайё вуджёр
Усьё быттьё тшын.
Тёлсысь улын вörзьё
Лозовъеджыд лым.
Быдсикаснас ворсö
Югыд зарни кинь.

1924 год

* * *

С бледной лунной чаши
Льётся серебро.
Тень за домом нашим –
Дымное тавро.
Впросинъ снег мерцает
Неба глубиной.
Как дитя играет
Сполох золотой.

2003 год

* * *

Кодёскö аддза кё ылысь, –
Томиник аньёс – шань нылёс,
Кыла кё нылуклысь сылём,
Вörзыштö менам сæk съёлём...

* * *

Вдруг вдалеке возникает
Девушки милой виденье,
Песни забытой рожденье, –
Сердце ума избегает...

Ола ме сёмын сы мусён,
Код сійё – ог висытав мёдлы,
Сыёлёмын видза пыр гусьён,
Мед весиг некод оз тёдлы...

1928 год

Аръявыв

Гудрасьё тай, кымрасьё
Мича енәжыс.
Дзебсясьё нин, сайласьё
Юғыд шондыс.
Лёньома тай, кушмома
Гажа расъясыс.
Бёрддёма тай, бёрддёма
Гёгёр ывлалыс...
Кольёма тай, тыдалё,
Шоныд гожёмыд!
Воёма тай, воёма
Арся лунъясыс:
Лун-лун зэрласьё,
Войяс пемыдёс.

1921 год

Менам кывъясоў

Менам кывъясоў тайё – вир тусяяс;
Менам гижёдъяс – менам синваяс;
Кыпыйд сьёлёма олан дыръясоў.
Менам ставыс сэн – гижёд-висытъясас.
Тайё кывъясас – войвыв дзоридзъяс,
Кыла ачымёс сійё шыяссыс:
Сьёлём дойясоў, мича муслунёс,
Небыд, нормана сьёлём вёрзьёдёс...
Сідзи морёсад ставыс чукёрмас,
Мыйён пасыйштан, вёлисът личмунас.
Кывзышт, лыддысьёй, чоскыд көръяссё:
Абу прёста сідз найёс лёдёма,
Сэтчо пунктёма мый медданаис.

1922 год

Снова живу только ею,
Кто она – ночь лишь ответит,
Грёза украдкой приветит,
Верю, не смею, немею...

2003 год

Под осень

Хмурится, туманится
Небо ясное.
Прячется, скрывается
Солнце красное.
Стихи обнажённые
Роци звонкие.
Исподволь заплакали
Дали дальние...
Знать, уже прошли твои
Зори летние!
Не были, да прибыли
Дни осенние:
Беспросветный дождь,
Ночи тёмные.

2003 год

Мои слова

Все слова мои – крови капельки;
Строки строгие – моих слёз следы;
Вдохновенные моей жизни дни.
Всё там собрано, что хотел сказать.
В этом сказанном – как в цветах лесных
Звуки прячутся, слышу в них себя:
Как болит душа, как любовь ясна,
Мягко грусть-струна сердце трогает...
Затеснит в груди, соберётся так,
Запою – тогда отпускает боль.
Ты, читатель мой, свежесть слов вдохни:
Неспроста они в строки сложены,
Исповедано сокровенное.

2003 год

Перевёл Вл.Б. Шахов.

Валентина Лимерова

Валентина Александровна Лимерова, литературовед, автор более 80 работ по истории коми литературы, теории и методике литературного образования. Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Диалектика традиционного и индивидуального: к вопросу о писательской самобытности В.Т. Чисталёва*

В истории коми литературы 1917–1930-е гг. определяются как время второго рождения письменного художественного слова у коми. В этот период создаются благоприятные условия для творчества на родном языке, появляются местные периодические издания, в которых регулярно печатаются произведения коми писателей, на основе одного из диалектов оформляются нормы литературного коми языка. Активное содействие развитию литературного дела оказывают культурно-просветительские организации, видевшие своей задачей «мобилизацию литературных сил народа» и «обеспечение школы и населения литературой на родном языке»¹. В результате привлечения широких слоёв коми населения к литературному труду значительно увеличивается число авторов, пишущих на коми языке; вместо единичных писательских имён на местной литературной арене появляются целые литературные общества, ассоциации, кружки, комиссии. Коренным образом меняются представления о литературе и её роли в обществе, литературное дело всё чаще воспринимается как путь национального возрождения, эффективный способ объединения народа, обретения им чувства национального достоинства. Вместе с тем, массовое вхождение молодёжи в литературу вызвало резкую количественную диспропорцию между обладающими творческим опытом и

* Статья подготовлена к публикации в рамках выполнения интеграционного проекта фундаментальных исследований УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте (XVIII – начало XX вв.)».

¹ Илля Вась. Коми гижысьяслён медводдза ётуvtчомъяс // Ордын.– 1929, № 1.– С. 19.

начинающими авторами. Не могло быть и речи о полноценной литературной учёбе, вопросы писательского мастерства ставились, но часто решались лишь в плоскости идеальных принципов. Только что пришедшая в литературу молодёжь с энтузиазмом осваивала методы нового классового искусства, а ведущие писатели, продолжавшие писать «о коми парме, солнце и любви», уже в конце 1920-х годов были обвинены в «бытовизме и мелкотемье»¹.

Репутацию «мелкотемных» или идеально незрелых имела и часть произведений В.Т. Чисталёва, чьё творчество сегодня по праву считается эстетической вершиной коми литературы первой трети XX в. Октябрьская революция была принята писателем с надеждой на национальную свободу и лучшую жизнь. Будучи сельским учителем, он ратовал за скорейшую ликвидацию безграмотности среди населения, воспитание образованного читателя, с жаром включился в строительство новой коми литературы и создание учебников. В то же время, нажитый в первые послеоктябрьские годы эстетический опыт и художническое чутьё, не позволили писателю безоговорочно принять в качестве единственной возможной и прогрессивной ту форму развития национальной литературы, которая вела к упрочению в ней позиций соцреализма. Сложные социальные проблемы современности, в частности, возникшие на селе в связи с начавшейся коллективизацией, постигались В.Чисталёвым через призму народной традиции, народной этики, идеалов трудовой нравственности. Его героев трудно назвать сопротивленцами социалистического строя, но фундаментом их жизни является не классовая теория, а крестьянский разум, ценности родной крестьянской цивилизации. Именно эта сторона чисталёвских произведений, т.е. верность подлинной психологии человека, живущего на земле и землёй, и послужила причиной для обвинений писателя в пропаганде мелкобуржуазной идеологии.

Художественный смысл лучших произведений В.Чисталёва контрастен политическим идеям времени, а в общем тексте коми советской литературы уникален. Вместе с тем, писатель не открывал ничего нового, незнакомого читателю, не шёл по пути поиска необычного героя и, в отличие от своих товарищей по литературному делу, был равнодушен в своём творчестве к исключительным личностям и ситуациям. Вопреки эпохе революционных перемен, идеальными константами его произведений оставались неизменные, каждодневные, негероические ценности, вековечное свершение земной жизни, человеческой и природной. Особо рельефно мировоззренческая несовременность писателя проявилась в цикле произведений о только что пережитых народом войнах: I Мировой и Гражданской.

Тема Гражданской войны в коми прозе 1920-х гг. занимала одно из ведущих мест. Повышенное внимание писателей к военным событиям, конечно же, диктовалось реальным историческим моментом, но не только. Война как сфера изображения давала почву для утверждения новой соцреалистической этики и эстетики, опиравшейся на «идею насилия как самой естественной формы преобразования мира и самих основ мироздания»². Насилие, разрушение, руины старого мира присутствуют и в произведениях В.Т. Чисталёва, но без знака высшей

¹ КАПП мёд конференцияяс // Ордым. 1928, № 9. – С. 44; Небдинса Виттор. Гырысьдык темаясö кутчысыны // Ордым. – 1929, № 11. – С. 45-46.

² Голубков М.М. Русская литература XX в.: После раскола. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 141.

социальной необходимости. Не актуальны для него и большинство образно-смысловых клише, характерных для литературы того времени. Так, вместо нормативного ассоциативного ряда «война – мировой пожар, пламень, огненная стихия» мы находим у него уподобление войны (и революционной в том числе) мраку, холоду, тьме. При этом В. Чисталёв поразительно календарен, по-крестьянски привязывая события социальной жизни к круговороту природного времени.

Эта черта чисталёвского художественного мира отчётливо выражена в рассказе «Шог асыв» (Горестное утро, 1925). Толчком к его созданию послужило реальное событие, нашедшее отражение в целом ряде «военных» произведений В. Чисталёва. В ночь на 13 ноября 1919 года белыми частями, вышедшиими от Печоры к Эжве, была обстреляна из орудий безоружная деревня Вольдін, нескользкими днями позже – Важгорт и родное село писателя Помёсдин, жители которого, по мнению белого руководства, испытывали симпатии к противнику. «Словно ушкуйники ворвались в село, принялись искать и грабить, что получше и что понравится»¹, – пишет В. Чисталёв об этом действительно горестном для сельчан утре в документальном очерке «Коми сиктъясöд» (По коми сёлам). Текст рассказа с самого начала отсылает читателя к подлинному событию указанием места действия «П-н» (в таком сокращении встречается название села Помёсдин и в других произведениях В. Чисталёва). Точно соблюдены и временные параметры реального происшествия. В то же время смысловая многоплановость рассказа, вырастающая из повышенной метафоричности изображаемого, говорит о том, что и сама историческая ситуация, вооружённый штурм безоружных деревень, была воспринята писателем-очевидцем своей собирательной, универсально-бытийной стороной, а не конкретно-единичной, исключительной.

Авторское видение современной ему истории сквозь призму более широких категорий сказалось на персонажном уровне произведения. Если в документальных произведениях писателя вышеназванный эпизод Гражданской войны имеет своих героев, то в рассказе «Шог асыв» нет личных имён и судеб. Нет в нём и характерного для советской литературы 1920-х гг. героя-коллектива или героя-массы, действующего в едином порыве. За исключением нескольких фрагментов, персонажи – «человеческие единицы» в буквальном смысле остаются не увиденными читателем, т.к. в тексте заявлены своими действиями, но не субъектно. Поясним нашу мысль примером. Автор описывает, как под падающими «откуда-то с неба» снарядами высыпавшие из домов люди пытаются спасти самое ценное, спрятать детей, скотину и зерно. Однако действия п-нцев, направляемые в эти мгновения не столько здравым смыслом, сколько сверхъестественным ужасом (ноябрь – неподходящее время для грома; о существовании пушек, как и другого оружия, предназначенного для убийства людей, большинство из п-нцев и не подозревает; всё происходит в предрассветные часы, т.е. в темноте), кажутся со стороны абсолютноalogичными, лишёнными всякого смысла и порядка. Создаётся эффект неспособности повествователя упорядочить изображение, придать хаотично нагромождённым действиям направление и смысл. Взгляд его постоянно переходит от одной детали мира к другой, словно перестав воспринимать

¹ Чисталёв В.Т. Коми сиктъясöд (хроникаа-исторической пасйöдъяс) // Тима Венъ. Менам гора тулыс.– Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980. – С. 221.

предметы в их статических свойствах. Главным персонажем таких фрагментов становится само движение, действие, автономизируясь от субъекта, его производящего: «Путкыльтчисны ёти здукён куйёд тыра, пес тыра додьяс... Оръясьёны чер улын гезъяс. Лэдзасьёны, доддясьёны, гёнитёны... Черётбтисны вöвъяс – садьтогыс лэбалёны. Ёзийисны мортъяслён съёлёмъяс, пузисны виръяс... Чепёйисны пыдісянь синваяс... Йджыд лёга ёрсым кывъяс кылісны морёсъясы...» [120]¹. (Миг, и перевернулись сани, нагруженные навозом и дровами... Рвутся под топорами верёвки. Распрягают, снова запрягают, гонят... Встают на дыбы лошади, носятся словно безумные. Горят у людей сердца, закипает кровь... Рвётся изнутри плач... Просятся слова проклятья...).

Заметно, что в этой суматохе люди как бы лишены зрения, не видят, не замечают друг друга, каждый сам по себе, как может, спасает своё нехитрое добро. Окружённые темнотой, они живут «на слух»: «Ой-йой! – еджыдъяс локтоны!.. – ёти вомысь моз горёдисны быдён. – Пышёй-ё-ёй! – горёдис кодико. – Дзебсёй-ёй! – котортгтырий горзё кодико мёд... – Э-э-э! – О-о-о! – А-а-а!.. – ётарсянь, мёдарсянь кылё... А налы воча: Тра-та-та-та, тра-та-та-.... – Дзи-инь... – Швач! – орлавлытёг кутисны лэдзны» [120]. (Ой-ёй! – белые идут! – словно из одного вырвался крик у каждого. – Бегите! – кричит один. – Прячьтесь! – кричит, убегая, другой. – Э-э-э! – О-о-о! – А-а-а! – то отсюда, то оттуда слышится... А с противоположной стороны: – Тра-та-та-та, тра-та-та-.... – Дзи-инь... – Швач! – беспрестанно). Интересно, что звучащие отрывки построены автором в форме своеобразной перепалки людей и орудий, благодаря чему создаётся эффект полной беззащитности жителей деревни, ведущих в темноте неравный диалог с пушками и пулемётами.

У звуковой какафонии есть и другое назначение. Шум, производимый орудиями убийства, противопоставлен привычной утренней музыке орудий труда. Несмотря на то, что крестьяне проводят ночь в тревоге, в предчувствии чего-то неясного, но точно недоброго, рано утром, как обычно, принимаются за свои повседневные заботы: «Рёйтёны вёлаяс видз вылё, вёрё – турунла, песла; карта Ѳдзёсъяс гурыйв восьсаёс – петёны картасы медводдза куйёд доддяяс...» [120]. (Погоняют лошадей на луга, в лес – за сеном, дровами; распахиваются настежь ворота – выезжают первые сани с навозом...). Соответственны и звуки, волнами расходящиеся в утренней темноте по деревне: «Швач, швач, швач...», – няръян шы тэрыба. Мёдлын: «Чап, чап...» – вартан шы кын гумла под вылын гольско [120]. («Швач, швач, швач...», – стремителен звук льняной чесалки. В другом месте: «Чап, чап...», – цепь молотилки бьётся о мёрзлую подошву гумна). Повествователь, внимательный к приметам природного времени, отмечает, что деревня пробудилась ещё до того, как появилась в небе синева, проснулись воздух, ветер и деревья. Создаётся впечатление, что пушечные залпы вторгаются и нарушают не только человеком, но природой установленный порядок. Благодаря называнию множества подробностей («Жүёны, гудрасьёны вежён-вежён: мортъяс, вёвъяс, понъяс, пу додьяс, пищальяс, черъяс, вилаяс» [120]. (Всё смешалось: люди, кони, собаки, сани, охотничьи ружья-пищали, топоры, вилы...) время деформируется, перестаёт идти своим привычным ходом, растягивается.

¹ Текст рассказа цитируется по изд.: Чисталёв В.Т. Шог асыв // Тима Вень. Менам гора тулыс. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1980 – с указанием страниц в тексте статьи.

Кажется, что атака на П-н длится довольно долго, хотя объективно она не может быть продолжительной, так как взошедшее на небо солнце застаёт деревню уже разгромленным. Кроме того, текст рассказа буквально пестрит указаниями на противоестественность происходящего. Вместо утренней молитвы произносятся проклятья, не вовремя подняты с постелей дети, коровы и овцы выпущены в ноябре на улицу, в руках женщин – печные метлы и лопаты, но применяются они не по назначению: размахивая ими, хозяйки пытаются согнать скотину к лесу. В это время в печах горит хлеб. Предельная насыщенность текста всевозможными речевыми приёмами, особенно – оксюморонными выражениями, усиливает ощущение беспорядка, в который вынужденно погружены жители села.

Нужно сказать, что п-нцы – не единственные действующие лица в рассказе. Кто-то стреляет по ним из пушек, строчит из пулемётов (как говорит повествователь, «припас крестьянам гостицы»). Этот кто-то действует под покровом темноты и не видим для беззащитных перед ним п-нцев: «...Печора туй кузя, гусьён, кыйёдчигтырий локтисны-кыссисны» [119], «пырисны сиктö виж пасьёма, кörт кокбörляя йёз» [122] (...по Печорскому волоку, таясь, крадучись, приближались-сползались, заняли село люди в жёлтой одежде, с твёрдыми железными пятками). В определении повествователя, это «нанятые капиталом люди», и здесь автор снова отсылает нас к реальной истории: как известно, через Архангельский порт белому движению на севере поступала помощь от иностранных государств в виде продовольствия и обмундирования. Вместе с тем, как видно из приведённых примеров, при обрисовке белых автор явно стремится придать их образу условно-метафорическое, зооморфно-инфериальное значение.

Подведём итоги относительно свойств воссозданной в рассказе художественной реальности. Ключевое место среди них занимает расположение событий во времени: описания солнечного заката и восхода в начале и конце рассказа замыкают происходящее в пределы позднего зимнего вечера, ночи и раннего утра, т.е. в рамки бессолнечной, тёмной части суток. Непроницаемая для жителей П-на, эта тьма имеет своих обитателей, не по-человечески передвигающихся и странно, не по-человечески одетых. Ещё раз подчеркнём, что их внешний облик обрисовывается повествователем: невидимые во тьме, они и после восхода солнца остаются вне кругозора жителей деревни. Замещением невидимости является производимый ими сильный и, с точки зрения деревенских жителей, сверхъестественный шум. В результате действий этих персонажей нарушается установленный расположок крестьянской жизни, отклоняется от нормы течение времени, деформируется пространство. Характерна метафора, с которой, собственно, и начинается рассказ: «Кулі дженьыд тёвся лун. Паськыд пемыд бордъя пётка – вой ёвтыштіс бордъяснас да шлыгис-пуксис му вылё. Съёкті, личкысис му бердас улыник енәж» [118]. (Умер короткий зимний день. Ночь птицей взмахнула большими тёмными крыльями и медленно опустилась вниз. Потяжелело, вдавилось в землю низкое небо). Мир как бы изначально лишается своего нормального строения, а люди – места обитания, т.к. исчезает пространство между небом и землёй. Как видим, в рассказе с пунктуальной точностью научного знания мифологии воспроизведены основные, признаковые свойства хаоса: в первую очередь, его конкретизация в состояниях мрака, ночи, бесформенной пустоты, беспорядка; во-вторых, нарушение нормальной трихотомической структуры космоса, состоя-

щей из небесной, земной, подземной сфер; и, в-третьих, наличие хтонических демонов¹. Любопытно, что в народных представлениях о мифологических персонажах, так называемых остаточных демонах хаоса, наиболее частотным является признак «невидимый», компенсируемый звуковыми характеристиками (свистом, стуком, шумом и др.), а к следам его деятельности относятся беспорядок в хозяйстве, уничтожение урожая и другие бесчинства (они могут мучить, отвязывать и выпускать скот, рассыпать зерно из мешков, бить и портить домашнюю утварь, калечить детей, нарушать человеку планы, выманивать, выкликать из дома и морочить его)². Нельзя не отметить и наличие в коми фольклоре такого персонажа, как «человек в жёлтой одежде» («виж пасьёма морт»), – кровожадного и ненасытного лесного духа, являющегося по ночам в избушки промысловиков за пищей, в качестве которой вначале ему служат съестные припасы, собака и даже ружьё охотника, а затем дух-обжора покушается и на самого человека³. Сходство сюжетных моментов рассказа «Шог асыв» и фольклорных мифологических рассказов очевидно. Тем более, что, как и в народных текстах, противостоящей человеку в жёлтой одежде силой является утренний свет (в быличках его метонимией выступает пение петухов). Опрокинутые в хаос войны, крестьяне, герои чисталёвского рассказа, пытаются сохранить установленный порядок жизни, но их собственных сил для этого оказывается недостаточно. На помощь приходит солнце. Осветив улицы П-на, оно с удивлением обнаруживает, что тех, кто много веков подряд ежеутренне радовался его приходу, любовался «малиновыми брызгами его лучей», в селе нет. Есть другие – равнодушные, в жёлтых одеждах. Утро становится горестным и для солнца, что в корне меняет возможный финал происходящего. Сложно понять, от чьего имени, повествователя или солнца, сказаны последние строки произведения: «Локтісны лымкёд тшётш ёткадö, медым лымайыскёд жё тшётш бёр ас туйёдныс пышыйны-сывны лымайыс сылгмоз» [122]. (Явились в одно время со снегом, вместе со снегом и растают-уйдут восвояси... никому здесь не нужные, непрошенные гости). Ясно только одно, что война как социальное явление осмысливается писателем через феномены природно-календарные (темнота, холод, ночь, зима) и космогонические, отождествляясь со вселенным хаосом, опрокинутостью мира в бездну и пустоту.

Сюжетный параллелизм чисталёвского и народного рассказов о людях в жёлтом заставляет задуматься ещё над одним вопросом. Фольклорный лесной дух является к охотнику, нарушившему какое-либо установленное правило, чаще всего – забывшему перед ужином помолиться. Какой проступок совершён пинцами, персонажами чисталевского рассказа, и их прототипами, жителями реальных сёл и деревень Помёсдин, Важгорт, Вольдін и т.д.? Задавал ли автор этот вопрос себе? Осознавал ли он этот пласт смысла рассказа? Во всяком случае, для читателя, знакомого с фольклорным «человеком в жёлтом», он присутствует, и ответ на него абсолютно расходится с типовыми решениями образа Гражданской

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 206.

² Плотникова А.А. «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Призраковое пространство культуры / Отв. ред С.М. Толстая. – М.: «Индики», 2002. – С. 128-154. (Библиотека Института славяноведения РАН. 15).

³ Конаков Н.Д. Виж пасьёма морт / Человек в жёлтой одежде // Энциклопедия уральских мифологий. Т.1. Мифология коми. – М., Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999.– С. 107-108.

войны в коми литературе тех лет. Кстати, в «военном» цикле В. Чисталёва «Шог асыв» – единственное произведение, в котором боевые действия получили непосредственное изображение. Герои В. Чисталёва живут в военное время, но невойной, поэтому батальные эпизоды буквально не видимы их глазу.

Конечно, пределы одного рассказа слишком скромны, чтобы на основе его анализа делать заключения о ценностно-мировоззренческой системе писателя и характере его художественного мышления. Однако, некоторые выводы возможны. В произведениях В. Чисталёва наблюдается характерная для истинно художественной литературы содержательная многозначность, что является этапным моментом в развитии коми словесности 1920-х годов. Основным способом полисемантизации образа действительности при этом становится воспроизведение глубинно-архаических, мифологических представлений о мире; с последним связана космизация исторической действительности, подчинение социальных явлений природному, сугубо сезонному календарю. В результате, в произведениях В. Чисталёва о войне статус положительного и прогрессивного приобретает тот герой, который не принимает участия в исторических смутах как преходящих и бессмысленных (временно оставляет своё пространство «гостям» – рассказы «Шог асыв», «Сартаса биён» (При свете лучины); погибает сам, чтобы не участвовать в убийстве других людей – «Öтик... дас куим миллион лыдысь» (Один... из тринадцати миллионов); вопреки историческим катаклизмам, продолжает исполнять свою миссию земледельца – «Трипан Вась»). Такой герой выступает гарантом устоявшегося крестьянского миропорядка и в значительной степени противоположен герою советской литературы 1920–1930-х гг., утверждающему новые порядки вновь созданного мира.

Добавим, что подобного рода расхождения В. Чисталёва с массовой литературной практикой не воспринимались его современниками в качестве его писательской, художнической самобытности. Скорее, наоборот, отклонения от общепринятых образных решений действовали на собратьев по перу раздражающе и комментировались в критических выступлениях тех лет как непонимание задач и сущности революционного искусства, как индивидуализм, но не индивидуальность. Критика ругала Чисталёва за «бесплодное экспериментаторство», призывала взяться за более крупные темы, но на самом деле ясно понимала истинную причину «просчётов» писателя – его почвенную связь с мировоззрением отсталого класса – крестьянства. В последнем современники были правы: личность Тима Веня и его героев всецело определяется душевным складом родного народа, ценностными ориентирами, выработанными охотничье-крестьянской культурой. Писатель воспроизводил хорошо ему известные характеры окружающих людей, их простые и понятные заботы и был солидарен с народной традицией в оценке человека и человеческой жизни. Именно эта консервативность мышления автора, погружённость в традицию, включённость его героев в вековечное, стабильное природно-человеческое общежитие, т.е. отсутствие всяких претензий на оригинальность, обеспечили, в конечном итоге, ощущение яркой индивидуальности, особости Чисталёва и созданного им художественного мира в контексте коми литературы 1920–1930 годов.

Александр Панюков

Александр Александрович Панюков родился в 1936 году в селе Макаркерос Корткеросского района Коми АССР. Окончил историко-филологический факультет Кировского пединститута.

Историк-публицист, писатель, прозаик, журналист.

Необходима газета на зырянском языке¹

В 1908 и 1909 годах в Устьысольском уезде работала экспедиция Министерства государственных имуществ и земледелия, возглавляемая П.И. Соколовым, в целях выявления пригодных для земледелия земель для заселения колонистами из средней полосы России и Прибалтики. В 1908 г. обследованию подверглись Киберская, Воронцовская, Вотчинская, Визингская, Межадорская волости, в 1909 – Благовещенская, Вильгортская, Корткеросская и Мординская волости. В качестве статистика в составе экспедиции работал профессор СПБ-го Психоневрологического института К.Ф. Жаков. Параллельно с основной работой он занимался исследованиями зырянского эпоса, фольклора, языка, истории края. В населённых пунктах читал лекции на философско-лингвистические, историко-краеведческие темы. Общаясь с народом на родном их языке, познал их заботы и говорил, что колонизация приведёт к истреблению лесов, зверей и птиц в них, дичи, рыбы. В 1908 г. в уездное земское Собрание он внёс доклад «О возможности введения зырянского языка в школы», где подробно доказал важность сохранения родного языка и его воспитательное значение. В продолжение заявленной темы он же в 1909 г. августа 11 дня в уездное земское Собрание вносит доклад «Об издании газеты на зырянском языке».

В нём говорится (даём с сокращениями): «Зыряне, а их нынче до 200 тыс. чел., переживают тяжёлое время. Изменяется древний уклад жизни и миросозерцания. Эта перемена выражается в том, что народ переходит из патриархально-земледельческой стадии в период промышленно-земледельческий. Пермские заводы, рубка леса там вытеснили охотничьи промыслы, сплав строевого леса у себя дома отвлекает народ от земледелия. Система хозяйства меняется. Останавливаются подсеки, расширяется торговля, благодаря улучшению путей сообщения (пароходство по Вычегде, Котласская жел. дорога). Мы накануне

* Автор сохраняет правописание названий учреждений, учебных заведений, исполнительных органов в тексте очерка согласно документам того времени.

¹ Ровно 100 лет назад К.Жаков поставил вопрос об издании газеты на коми языке. /А.Панюков/

появления нефтяных заводов на Ухте, которые дадут новый сильный толчок всей хозяйственной жизни севера.

Приток населения заставит перейти к многополью в системе хозяйств и увеличит размер кустарного дела. Все притоки Вычегды в скором времени будут заняты зырянами, которым, по всей вероятности, воспретят переселяться в Сибирь. На границах уезда могут появиться колонисты. Экономическая жизнь пойдёт быстрым темпом. Этот переход от древних форм жизни к новым *тяжело отзовётся* на психике народа. Народ, потеряв прежние устои, свой наивный взгляд на природу и на человеческие отношения, ищет новой *умственной пищи и не находит нигде. Нет книг у него, нет общепонятной газеты*. Не более пяти процентов крестьян-зырян могут читать русские газеты, которые посвящены общерусским вопросам. В громадном количестве зыряне не ясно и не точно понимают русскую литературную речь. Долг интеллигенции и просвещённого земства – идти на встречу нарождающимся потребностям народа, инстинктивно ищащего света познания и освещения своей тёмной, многосложной жизни. *Ввиду этого я нахожу, что в данный момент необходима газета для нашего края на родном, на зырянском языке*. Родной язык действует не только на ум, но и на сердце. Зырянский язык в изображении русскими буквами легко будет читаться и восприниматься всецело, и он будет воспитывать народ, приучая его к чтению и к размыщлению своей жизни. Страницы этой газеты будут посвящены жизни севера, в особенности, нашего уезда, описанию промыслов и системы земледелия и вопросам об улучшении техники труда во всех областях народной жизни. Такая газета займётся изучением жизни зырян, чтобы отвлечь их от пороков, *как пьянство, и познакомит их с богатствами и со всеми формами труда севера. Она опишет в статьях и рассказах на родном языке их быт и нравы, пути улучшения форм жизни...* Еженедельная газета, не касаясь политики, найдёт обильный материал для своего содержания. Нет сомнения, это обновит зырян, пойдёт навстречу их поискам света и знания, *приучит их к чтению, старых и малых, осветит на родном языке их тёмные и светлые стороны жизни*.

Ввиду важной, неотложной задачи просвещения народа, я считаю долгом обратиться в Устьсыольское земское Собрание с просьбой ассигновать тысячу (1000) рублей на издание еженедельной газеты на зырянском языке. Я же беру на себя обязанность бесплатно писать для этой газеты, бесплатно же редактировать её» (стр. 300-302 ЖЗС 1909 г.).

Далее К.Жаков напоминает земскому Собранию о введении в школах уезда преподавания на зырянском языке, что дети, познавшие свой язык в школе, будут читать его газету, и они сохранят свой язык. К.Жаков возражает тем, кто считает, что «нет зырянской азбуки». «Она есть, есть до десятка зырянских грамматик с азбуками на первых страницах», и что поскольку газета будет печататься русскими буквами, «следовательно, не нужно нового алфавита и новой грамоты», 11 авг. 1909 г. К.Жаков. г.Устьсыольск (НА РК. Ф. 116).

* * *

До подачи доклада в Земскую Управу К.Жаков обговаривает вопрос в волостных правлениях и сельских управлениях. С его предложением везде согласны. Пезмогское волостное Правление со своей стороны направляет в Уездную Управу свой письменный отзыв. Земская Управа «поддерживает просьбу Жакова о пособии на издание газеты в сумме 1000 руб., но с условием «возвратить эту сумму» в случае неосуществления издания газеты» и вносит на рассмотрение земского Собрания 40-го созыва 6 окт. 1909 г. Собрание просьбу Жакова отклоняет с формулировкой «в обязанности земства не входит распространение литературы в народе». Голосовали тайно шарами. Все, кроме Н.П. Чеусова – гласный от Выльгортской волости, проголосовали за отклонение просьбы К.Жакова, в том числе Яков Алексеевич Казаков (Корткерос), Семён Петрович Канев (Вомын), Алексей Яковлевич Савельев (Нёбдино), Михаил Степанович Карманов (Помоздино), Е.В. Горинов (Кибра).

Галина Бутырева

Бутырева Галина Васильевна родилась 12 сентября 1944 года в селе Ёртом Удорского района Коми АССР. Окончила Ёртомскую семилетнюю школу и Важгорскую среднюю школу, в 1966 году – Кomi государственный педагогический институт. С 1968 по 1986 год – редактор Сыктывкарской телестудии, затем – заместитель министра культуры Республики Коми по делам искусств, сотрудник Всероссийского фонда развития культур финно-угорских народов, литературный консультант нового Театра фольклора, директор Республиканского финно-угорского культурного центра, министр по делам национальностей Республики Коми, заместитель Главы Республики Коми, с 1997 года – главный редактор журнала «АРТ». Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии Республики Коми им. И.А.

Куратова. Заслуженный работник культуры Республики Коми. Награждена Русской Православной церковью медалью Святого благоверного князя Даниила Московского.

Галина Бутырева пишет в основном верлибры – нерифмованные стихи. Однажды её поразило выражение Юрия Лотмана: «Рифма, если она организует текст, то разрушает смысл». Она сознаётся, что как бы всё время это знала, но не могла так точно сформулировать. Ей всегда было трудно работать в рамках традиционного стиха именно потому, что смысл, который хотела вложить в своё лирическое наблюдение, сильно изменялся от рифмовки. Естественней было писать свободным стихом. Когда она это осознала, то уже не возвращалась к рифмованной поэзии.

Галина Бутырева – один из немногих поэтов, кто пишет свои стихи на коми и русском языках. Она говорит: «Я человек, который всю свою жизнь находится в двуязычном пространстве. Я родилась и выросла на Удоре – это граница Республики Коми с Архангельской областью, здесь можно наблюдать взаимопроникновение двух языков. Я ещё не ходила в школу, а мне уже хотелось выучить русский язык. И я его всегда воспринимала как родной. Когда я с ним работаю, то не испытываю чувства, что одеваю душу во что-то инородное. Душа моей естественно говорить на двух языках».

Но главное, что сердце Галины Бутыревой умеет любить и верить. Именно любовь делает поэта поэтом:

«...А я люблю
пока
всех-всех:
и маму, и отца, и соседей наших,
и коня-красавца Буяна, и его нелепую родительницу Лапоть,
и речку Вашку, и белые июньские ночи, и белые облака в июле,
и лодки, и деревья, и травы...
Казалось, не было ничего такого,
на что бы не хватило моего маленького сердца.
И казалось, что так будет всегда».

Андрей Попов

Пас туй

Челяндьырся съёлём мёвп

Шонді петёмён ловзъё бурсыс-бур лун.
(Мед и кымёра, и зэрё,
и весиг шутълялёт турёб.)
Шонді пуксьёмён лёнъё
бурсыс-бур вой.
(Мед и кымёра, и зэрё,
и весиг шутълялёт турёб.)

Керкаясыс чужан сиктын –
юртё чатörtмён джуджыдёсъ.
Муяс вылын быдмё зарни сю.

Катё кульмыны гёрд чери, лёль.
Асъя пызан тыр пось рудзёг нянъ.
Руалё лола яя шыд.

Мамё радейтё менё и батьёс.
Батьё радейтё менё и мамёс.
А ме радейта ставнысö и ставсö:
и мамёс, и батьёс, и дорся
олысьс почьясöс
(кыдзи ёти вира войтырёс);
и нывкаясöс и зонкаясöс
(кыдзи ас чой-вокёс);
и Буян вёлёс, и Вашка юёс,
и еджыд юнь, и кодзула декабрь,
и пожёма ягъяс, и мырпома нюръяс –
ставыс тёрёны менам ичётик съёлёмö.

И меным чайтесьö,
мый тадзи лоё
нэм-нэм чёж.

* * *

Вузалан кё
ассыид чужан поэтö,
и пуссö вузалан,
кытчö ай-мамыд позъясёмны.
А коркё-некоркё
и став вёрсö, гашкё...

Lapsen sydämen ajatuukset

Auringon nousuun herää kaikkein paras päivä.
(Vaikka se pilvinenkin olisi, vaikka sataisi,
vaikka lumipyrykin vinkuisi.)
Auringon laskuun rauhoittuu kaikkein paras yö.
(Vaikka se pilvinenkin olisi, vaikka sataisi,
vaikka lumipyrykin vinkuisi.)

Kotikylän talot ovat niin korkeita,
että niitä voi katsoa vain niska kenossa.
Pelloilla kasvaa kultavilja.

Jokea nousee kutemaan punainen kala, lohi.
Aamulla pöytä on täynnä kuumaa ruisleipää.
Hirvenlihakeitto höyryää.

Äiti rakastaa minua ja isää.
Isä rakastaa minua ja äitiä.
Ja minä rakastan kaikkia ja kaikkea:
äitiä, isää, naapuritalojen vanhoja tatejä

(kuin omia sukulaisia);
ja pikkutyttöjä ja pikkupoikia
(kuin omia sisaruksia);
ja Bujan-hevosta ja Vaškajokea,
ja valkeaa kesäkuuta ja tähtistä joulukuuta,
ja mäntymetsää ja lakkasoita —
kaikki ne mahtuvat pieneen sydämeeni.

Ja minusta tuntuu,
että näin tulee olemaan
ikuisesti.

* * *

Jos myyt
oman kotipesäsi,
niin myyt myös sen puun,
johon isäsi ja äitisi pesän tekivät.
Ja kerran vielä, kukaties,
koko metsänkin...

Чужанінлы

И тёв, и гожём,
и ар, и тулыс,
и кор ме тэсянъ ылын,
и кор ме тэсянъ матын –
сёмын тэ йылъись
и рытъя шогъясö,
и войся вётъясö,
и асъя мёвпъясö.

* * *

Важиник,
рапкысъём-усъём
съёд керка дор.
Пырзъёма турунён,
петшёрён,
омидзён.
Пожёма ягö
керкасиянь
нуёдъись
пас туйыс
вушйёма –
öдва и аддзи:
туй визъёсö вевтъёмны
томиник пожёмъяс,
быттьёкё найёс
кёдзёма кодкё:
та понда ковмылс
кеjавны
туй вывсыыс,
восълавны орччён
пас туйсö кыйёдиг...
Виччысътёг казялі:
быттьёкё ме моз жö,
ме кодь жö кодкё
дзебсаясьись туйёдыс
тэрмасьё-восълалö.
Збыль, гашкё,
ачым да?
Коді тан вёвлывлі
туруна удж дырайи
кызь гёгр во сайын...
Ме вылё видзёдö.

Kotiseudulle

Talvella, kesällä,
syksyllä, keväällä,
kun olen kauhana sinusta,
kun olen sinua lähellä –
vain sinua koskevat
iltaiset murheeni,
öiset uneni
ja aamujeni ajatuukset.

* * *

Vanhan,
sortuneen
savupirtin vierus
on peittynyt heinäään,
nokkosiin,
vatukkoon.
Mäntymetsään
tuvalta
vievä
ansatie
on hävinnyt –
juuri ja juuri saatoin nähdä:
tien juovan peittävät
männyn taimet,
ikäänsuin joku olisi
niitä kylvänyt;
niiden takia täytyi
poiketa
tieltä,
astella sivuitse
ansatietä noudattaaen...
Äkkiä huomasin:
ikäänsuin itseni tavoin
joku minun kaltaiseni
astelee kiireisesti
piiloon jäänyttä tietä pitkin.
Vai onko se tosiaan
minä itse? –
joka olin täällä
heinänkorjuuaikaan
parikymmentä vuotta sitten...
Se katsoo minuun.

Быттьёкё донъялё, –
кутшом пё морт лоин,
кутшома олан?
Сёмын на кёсий ме сёрнисё панны, –
пас туйыд понёльяс улысь
и мездысис.
Бара на аскёдö
эг удит кыв вежны.

Ikäänsuin arvooi, –
millainen ihmisen sinusta oikein tuli,
millaisena elät?
Halusin juuri ruveta puheisiin, –
ansatie paljastui
männynytaimien alta.
Taaskaan en ehtinyt vaihtaa sanaakaan
itseni kanssa.

* * *

Быттьё
кык ётка морт,
чёла видзёдёны ёта-мёдыслы син-син,
кыв оз вежны, –
кык чашка
менам астья пызан вылын.
Кыкнаныслён
пыдёсас –
тёрытъя курыд сёрни колястор.

Ikäänsuin
kaksi yksinäistä ihmistä,
tuijottavat toisiansa silmiin
vaiti, sanaa vaihtamatta, —
kaksi kuppia
aamuisella pöydälläni.
Niiden molempien
pohjassa —
eilisiltaisen karvaan keskustelun jäänönökset.

* * *

Кималасён
корся
пемыдсыыс
петанін.
Ог сетчи повзьомлы,
ог сетчи сьёлём усьомлы,
ог на сетчи...
И эска!
Эска, мый регыд нин,
регыд
шонді югёрыс
писькёдчас пемыдас,
сявкнитас!
Регыд нин
ясыд видзёдласён,
кокни лолён
ме верма восьлавны водзö
да нимкодясьны:
муса-муса олёмой!

* * *

Käsin tunnustellen
etsin
pimeästä
ulostietä.
En anna pelolle perään,
en anna perään toivottomuudelle,
en vielä anna perään...
Minä uskon!
Luotan siihen, että jo pian
pian
auringon sade
tunkeutuu pimeyteen,
siihen leviää!
Jo pian
katse kirkkaana
sielu keveänä
pystyn kulkemaan eteenpäin
ja riemuitsemaan:
ihana, kallis elämä!

Райя Бартенс (Геттинген, Германия)

Нэмъяскостса коми кывъя лирика вылö видзöдлас*

Нэмпомся коми литератураын вына прозакöд тшötш мёдис дзоридзавны и уна рöма лирической поэзии. Прозаыс кызыннас веќджык вöлi мужичойяс кын, сæk жö лирикъяс пöвстын öнi тöдчымöн унджыкыс аньяс.

На пöвстын öти – Галина Бутырева.

Галина Бутырева чужис 1944 воын Удораса Йöртымдïн сиктын, кодi лоö Вашка юдорса комияслöн важ оланнъясысь öтиён. Помалis Коми педагогика институтса роч кыв да литература факультет, вöлi сы бöрын велöдьсöн да телевидениеса уджалысъён, Коми Республикалöн культурыраса министрös вежысъён, Коми Республикаса уна сикас войтырлön министрön да Юралысъёс вежысъён. Кызды кывбур гижыс, сiёö петкöдчis сёрёнкодь. Медводдза кывбуръяссö йöзöдис газетын 1983 воö, медводдза коми кывъя кывбур чукёр «*Пас туй*» петис 1989 воö, «*Бог с тобой*» небöг 1994 воö. Бörяя чукöрас пырисны кызды роч, сiэзи и коми кывбуръяс. «*Сёкатö, эзысъё, донаö*» – коми кывбуръяса коймöд кывбур чукёр петис 1994 воö.

Галина Бутырева шензöдис лыддысысысьясöс медводдза кывбур чукёрнас нин. Сэтчö пырисны свободной стихён гижём кывбуръяс.

Коми мусын лыддысысысьяс бура примитисны Бутыревалыс кывбуръяссö. Бутыревалён честной, веськыд сёрниис кылö зэв естественноя и свободной стихын. Сiёö и бöрынджык йöзöдöм чукöръясас петкöдlö свободной стихлы эсköмсö. Збыль сiёö сяммö мёвгъяссö пасьтöдны бура лöсöдöм рифмаакодь тэчасö, сöмын зэв свободной вöдитчомöн да позяна рифмаяссö кывбурас пыртöмöн.

Бутыревалён поэзия мёвгырьс вужвыйöныс коми, пармалён, вöрлён да юлон мёгёр. Кöть поэт мёвпнас и ветлöма ылö – Эстонияö, Грузияö, поэзияслöн вужъясыс вынсö босьтöны ас войтырлön мусыс. Тайö татчöс бöр-ва, абу сöмын лов пытшкö абстрагируйтöм му. Танi, дерт, позьö пасийны: мед Бутыревалён кывбурас и пыртöма став лолён радейтöмасö, гöгöрвоан, мый кывбур гижысълön чужан мусыс – Коми му, Войвыв. Вашка ю дорыс сылы и тöвнас абу кöдзыд ни абу пемыд. Тöвся кадö сылыс ловсö шонтöны керкапытшса пач да мамён вöчöм чöссыдторъяс ийылсъ казтылöмъяс. Тшötш и челядьдыр да сэтчöс йöз ийылсъ мёвпалöмыс сетö гижысълы вын.

«*Бог с тобой*» небöгын рочён гижём кывбуръяса юкёныс заводитчö «Гармония» кывбурён. Гармония – стöч кыв, кодi вермас серпасавны гижысъльсъ аслас вужъяскöд, гортыскöд, чужаннкöд, сэтчöс йöзкöд йитöдсö (1989: 11-12; 1994: 72-73). Гармонияён лоö тшötш и гижысълön кыкнан кыв дорас муслуныс. Тайöс сiёö серпасалö «Парма» фольклор котырлы сиöм кывбурын (1994: 56-57).

Гижысъ ань, кодлы ковмис кольны чужаннисö, гажтöмтчö, и тайö кылöм пырыс петкöдlö олöмыслыс тöдчанлунсö (1989: 1; 1999: 66, 67-68, 72; 1989: 15-16). Ас вужъясыс век жö гижысъ аньлы абу сöмын кылöмъяс (чувствояс), найö тшötш и мёвпалöмъяс (1999: 71). Бутыреваöс лыддысылён аттьöалöмыс подуласьö, дерт, кылöмъяслöн да мёвпъяслöн öтувъя вын вылö.

Вуджöдис финн кыв вылысъ С.Габов.

* Отрывок из статьи. Публикация на финском языке в журнале «Aikakauskirja journal», Helsinki, 2004, № 90.

**ПРОЗА. ПОЭЗИЯ.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

Андрей Попов

Попов Андрей Гельевич – поэт, автор нескольких сборников стихов, член Союза писателей России. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2000 год. Долгое время жил в заполярной Воркуте, два года назад переехал в Сыктывкар. Работает литературным консультантом Союза писателей Республики Коми и в нашем журнале. Любит перечитывать Василия Розанова и Юрия Кузнецова, а также смотреть на звёзды. Но это, если есть свободное время, как раз его часто не хватает. Тогда, по его словам, можно успеть посмотреть в зеркало, увидеть в нём не выспавшееся лицо и подумать, что всё ещё впереди... Всё ещё впереди, несмотря на то, что 25 сентября этого года ему исполняется пятьдесят лет. Поздравляем!

«И черен хлеб мой, да не пресен...»

* * *

Свежа осенняя прохлада.
И краски осени свежи!
Но смысл дождя и листопада
В преображении души.

Приму я узкую дорогу
И поздней осени порыв,
Что надо подниматься к Богу,
Любовь и дождь соединив,

И слышать в невысоком слоге
Иной покой небесных лир,
И видеть, пребывая в Боге,
Себя и весь осенний мир.

* * *

Сердце болит от шума,
Знобит от магнитной бури.
Можно о смерти подумать,
О милой литературе,

Что годы судьбы и света
Куда-то легко уносит,
О том, что в душе поэта
И в небе – поздняя осень.

На небе моём огромном
Сегодня темно и хмуро.
О чём остаётся помнить?
Что смерть – не литература.

* * *

...А жизнь оказалась талантом,
 что надо пустить в оборот –
Не своим серебром.
И как же мы с ней поступили,
 беспечный и робкий народ,
Позабыв про заём?

На что сохраняли её,
завернув поплотнее в платок
Или в землю зарыв?
На что же потратили, зная,
что заимодавец-то – строг,
Ибо был терпелив?

О чём изводились? Каким полагали
удачный черёд?
Пожалели рубля?
И скажет взыскательно вдруг господин,
что не сеет, не жнёт:
Где же прибыль моя?!

Что сердце стяжало, скупые рабы?
И что разум постиг?
Приближается срок.
Зачем же любовь, что так щедро взаймы
нам ссудил ростовщик,
Завернули в платок?

* * *

Помолись обо мне, сынок,
Расскажи про иной покой.
Я от скорби совсем прдорог,
Помолись обо мне, родной.

Я с утра разгоняю тьму,
Из души выметаю сор.
Я живу ещё потому,
Что с тобой веду разговор.

Снова плачу. И плачет мать.
Поминальный едим обед.
Расскажи, как же нам понять,
Что тебя с нами больше нет.

Может, спустишься с высоты,
На минутку зайдёшь домой?..
Я так верю, что слышишь ты.
Я так верю, что ты живой.

* * *

Возвожу очи мои к горам
Пс. 120,1

Я горький ропот свой не прячу,
В словах печали груб и прям.
Иду Твоей долиной плача,
Лишь очи возвожу к горам.

А за очами жизни муку
И душу к небу подниму –
Искать по-детски Твою руку
И верить смыслу Твоему.

Мои укоры и обиды
Войдут со мною в горний храм.
Но знаю, что Ты слёзы видишь –
И внимлешь Ты моим слезам.

* * *

Всё сбудется, Марина,
И нет вернее строк:
И ты родишь мне сына.
Нас не оставил Бог.

Наш первый сын в могиле
Уснул до лучших дней,
Мы горя не забыли,
Но мы его сильней.

А возраст?! Да неведом
Душе его надлом –
И я в роддом приеду
С цветами и вином.

И я скажу негромко,
Но каждый слог ценя:
– Послушай, медсестрёнка,
Жена здесь у меня.

Ёе зовут Марина,
Сегодня вышел срок –
И родила мне сына.
Нас не оставил Бог.

* * *

Знаем всё о последней войне,
О душе и бессмертии споря –
Почему в самой светлой стране
Умирают от чёрного горя.

Но с бедой своей наедине
Самому себе и не ответить,
Почему в самой светлой стране
Умирают деревни и дети?

* * *

Нет покоя в родном просторе! –
Грянет гром, упадёт звезда...
Не из праха выходит горе,
Не из почвы растёт беда –

Веришь в Бога, теряешь близких,
Понимаешь, что человек
На страданье рождён, как искры
Рождены устремляться вверх.

* * *

И черен хлеб мой, да не пресен.
Неприбыльное ремесло —
А всё-таки от тёмных песен
Кому-то станет и светло.

И во дворце или в лачуге,
На севере или на юге
Мудрец иль юный баламут
И обо мне, как лучшем друге,
Помыслит несколько минут.

Его в сюжете стихотворном
Заденет странная строка,
Туманной грустью, хлебом чёрным
Душе покажется близка.

Жаль, что слова перебирая
И поправляя тёмный слог,
Об этом даже не узнаю
И так же буду одинок.

Виталий Шахов

Шахов Виталий Петрович родился 24 ноября 1957 года. Окончил Ленинградский государственный университет, факультет прикладной математики и процессов управления. Работал главным редактором газеты «Вечерний Сыктывкар», был советником Первого заместителя Главы Республики Коми (1998–99), директором ОО «Фонд информационных технологий» (2000–2004). Ныне свободный журналист.

Заметки о реке и времени

Райский уголок и его обитатели

Во времена дешёвого хлеба и доступного бензина наши реки таскали на себе не только брёвна, плоты и баржи. Многочисленная и пёстрая флотилия «моторок» по будням плотно закрывала почти все заводи вблизи столицы, а по выходным уносила рыбаков, охотников и грибников к их любимым промысловым «зимкам». Горожане попроще довольствовались «Москвичами» – так назывался канувший в советское прошлое уютный и недорогой теплоход. Удобно, красиво и неспешно сыктывкарцы добирались когда-то «на лоно природы».

Трёхозёрка, Алёшино, Белый Бор... среди множества вычегодских пристаней особняком стоял маленький дебаркадер на мелководной старице большой реки. Лемью – такое красивое и мягкое название дала местечку речушка, впадающая в Вычегду тремя километрами выше. Здесь по трапу спускались «избранные»: Обком, Совмин, Облсовпроф, Горисполком... Их было мало: шляпки, корзинки, дети, внуки... Реденькая цепочка рассеивалась по тропинкам, забиралась на высокий берег и таяла в тени могучих сосен, под крышами разнообразных государственных дач.

С теплохода шествие хмуро провожала глазом резиново-зелёная группа рыбаков. Впрочем, может и не хмуро, а, может, и вовсе не провожала. Прямо через речку их ждал суровый Озёл – конечная остановка. За пологим болотистым берегом начиналась цепь комариных и рыбных озёр – удел настоящих мужчин.

Ну, а собственно в «райском уголке» самое высокое место было отгорожено глухим двухметровым забором. Там среди сосен прятались солидные персональные дачи самых «первых», индивидуальные домики поскромнее для «приближённых», сауны и прочие вспомогательные строения. Говорят, что обслуга с собаками не только обеспечивала порядок на территории, но и следила за выходом боровиков на царственных полянках, что в скромном магазинчике есть «вс-с-сё», даже –

колбаса. Да мало ли что говорят, но именно сюда, к маленькой калитке в большом заборе и вела самая короткая тропинка от дебаркадера.

Правда, «первые» всегда подъезжали к своим владениям с другой стороны. Чёрные «Волги» мчали их по трассе гораздо быстрее, чем «Москвич» против течения, и с большим комфортом. Тем более, что именно этот участок дороги от города всегда содержался в идеальном порядке.

Далее, за забором и ручьём, начинались дачи «ведомственные». Их было не много: стандартные двухэтажные коттеджи перемежались с домиками местных жителей, танцплощадкой, банией-сауной общего пользования и другими нужными для полноценного отдыха строениями. Здесь снимали комнаты на ограниченные сроки представители разнообразных, но тоже уважаемых учреждений. Берег пониже, сосны «пожиже», но тоже – ничего.

Замыкали застройку четырёхэтажная деревянная гостиница и солидный, исполненный в кирпиче, «клуб»: хорошая столовая, кинозал, библиотека, биллиардная. Сюда по профсоюзовым путёвкам заселялся самый разный народ: тихие грибники-пенсионеры на две недели, азартные «группы здоровья» и совсем уж весёлые коллективы на «маршруты выходного дня».

Особенно буйствовали отыскающие в дни всенародных профессиональных праздников. А уж День торговли местные жители помнили весь год: такое изобилие продуктов, выпивки и самых причудливых по советским меркам развлечений можно было увидеть только здесь. Бразильских карнавалов тогда по телевизору не показывали.

В общем, жизнь бурлила, кипела, текла или теплилась по своим законам в зависимости от сезона, но – круглый год. Что не удивительно, если учесть исключительно чистый воздух, сосновый бор, прекрасные пляжи и все удобства совсем не далеко от города.

Спрашивается: к чему вся эта подробная ностальгия в литературном журнале? Какое отношение имеет она к чистому искусству? Всё дело в том, что в этом райском уголке последней трети конца прошлого века нашлось достойное место для одного особенного дома. Именно здесь протекал один из ручейков «литературного процесса». Дом творчества Союза писателей СССР, а в просторечье – просто «писательская дача», внешне ничем не отличался от остальных ведомственных коттеджей. Правда, чисто «географически» расположился очень близко к «правящему» забору. Ближе разрешили построиться только гремевшему тогда на всю страну хоккейному клубу «Строитель».

«Период застоя» – насколько точно отражает прижившийся штамп особенность того этапа развития нашей страны? Думаю, что герои моего повествования вряд ли бы согласились с такой оценкой. Их живое слово было так же востребовано тогда, как не хватает его сегодня. Я не стану даже пытаться анализировать все истоки и последствия «литературного процесса» того времени. Покажу только мелкие и малоизвестные детали. Мне все эти «мелочи жизни» крупных людей стали доступны в силу случайного стечения обстоятельств, надолго связавших и детские, и взрослые впечатления с этим «райским уголком». Может статья, что они не так уж и незначительны, ведь «в капле воды отражается океан».

Сама история местечка Лемъю до странности наглядно отразила в себе и последние десятилетия жизни СССР, и противоречия «перестройки», и хаос «ди-

кого» рынка 90-х годов. Началось преображение «райского уголка» с реки: в конце 60-х Вычегда надумала менять русло. В результате некогда полноводная старица стала катастрофически пересыхать: песок, болотце и ивняк постепенно превращали её в неподвижную курью. Теплоходу всё труднее стало доставлять пассажиров к заветной калитке.

Тогда государственные дачники вложили огромные средства, чтобы остановить процесс. Каждое лето могучий «земснаряд» трудолюбиво откачивал воду с песком: углубляя русло старицы. Затем створ маленького «отростка» большой реки укрепили мощными бетонными сооружениями. Местные жители считали, что все эти усилия власти предпринимали с единственной целью: сохранить удобную пристань Лемъю. Но у Вычегды были свои планы: она упрямо заносила песком и илом отжившую старицу. Так что с середины 70-х теплоход к «обкомовским» дачам приставать перестал. Впрочем, автобусы ходили исправно, чёрные «Волги» – тем более. Так что жизнь продолжалась.

Всё изменила революция. Обком, вернее, бывшие «обкомовцы», пересевшие в другие кресла, благоразумно отказались от шикарных апартаментов в пользу детского дома-интерната. У других ведомственных дач появились новые, малоизвестные широкой публике хозяева. Гостиница и «клуб» ещё довольно долго пытались как-то обслужить катастрофически поредевший поток обычных отдыхающих: вместо столовой – ресторан, вместо пункта проката – сауна с «кабинетами»... Но вскоре последовала серия странных пожаров, гостиница разрушилась сама, неустановленные лица варварски растащили по кускам «клуб»: их мрачные развалины и сегодня украшают основной въезд некогда «райского уголка».

От прежнего государственного величия остался дом-интернат для детей с церебральным параличом и «писательская дача». Всё остальное выживает по законам частного предпринимательства. Новые хозяева из всего большого комплекса пока что сумели как-то восстановить только платный пляж.

Пожалуй, это будет последняя деталь «исторической географии», которую я рискну привести здесь, не удаляясь слишком далеко от главной темы повествования. Далее речь пойдёт о людях, в разное время населявших «Дом творчества Союза писателей СССР» и составивших славу коми литературе конца двадцатого века. Большинство из них уже ушли из жизни, что, конечно, не означает конца литературного процесса. Жизнь продолжается и на «писательской даче», просто законы её существенно изменились.

Сразу оговорюсь, что записки эти основаны на моих личных впечатлениях и на устных рассказах моего отца Шахова Петра Федотовича, долгие годы прослушившего комендантом писательской дачи. Круг авторов, вложивших существенный вклад в коми литературу конца двадцатого века, значительно шире, чем список героев моих скромных воспоминаний о «писательской даче». Так что, не ищите в них никакой «исторической правды». Её здесь, скорее всего, и нет. Впрочем, как нет её и выше.

Дядя Вася

«Дом творчества» в периоды своего становления, расцвета и «временных трудностей» выполнял самые разные функции. Успешно служил местом проведения положенных по закону творческих отпусков (а каждый член Союза писателей получал такой специальный оплачиваемый отпуск ежегодно, кроме того, мог достаточно долго вообще нигде официально не работать). Использовался в качестве площадки для проведения разнообразных официальных мероприятий: от литературной учёбы до приёма важных гостей, в том числе и иноземных. Здесь встречались друзья-литераторы на «маршруты выходного дня», а в трудные времена подолгу проживали «безквартирные» писатели с семьями.

Отцов-основателей старшего, довоенного поколения я помню не очень хорошо. Долгие годы комендантом работал Владимир Иванович Ширяев. Он уединённо проживал в маленькой пристройке, всегда наполненной простенькими рыбакскими принадлежностями: удочки, донки, продольники. Спокойный и тихий по характеру, он заметно оживлялся только в присутствии гостей-сверстников: Яков Митрофанович Рочев (Митрук Як), Павел Григорьевич Доронин (Буй Ныр), Фёдор Васильевич Щербаков (Эдуард Ганс).

Кроме наличия звучных псевдонимов друзей объединяла скромность: их холостяцкие посиделки почти никогда не выходили за рамки узкого круга. Очень редко сказочник Буй Ныр выходил на общую кухню и находил во мне – подростке благодарного слушателя историй о колдунах, купцах, попах и створении земли. Это сегодня тексты собранных им коми сказок можно прочитать в разных вариантах на разных языках. А в середине 60-х годов прошлого века для городского школьника мир героев коми мифологии был практически закрыт. Так что я с удовольствием пересказывал друзьям все эти истории, но в своей, городской интерпретации.

Фронтовик Эдуард Ганс на той же кухне любил распевать военные песни, плакать и рассказывать о рукопашных боях, размахивая руками и делая страшное лицо. Война в этих устных рассказах получалась жестокой и кровавой, не совсем такой, как в его же стихах. А добрейший Митрук Як говорил вообще мало: запомнились его добродушная улыбка в пышные усы и особенная страсть к «тихой охоте». В те времена боры близ Лемъю были ещё богаты и белыми, и подосиновиками. Маститый писатель всегда находил их первым и в больших количествах. В сентябре 1979 добрый лесовик там и умер: в бору, под соснами, вдали от городской суеты.

Забегал иногда «на огонёк» и другой фронтовик Серафим Алексеевич Попов: всегда бодрый, живой и энергичный. По лесу бегал быстро и собирал всё подряд: от весенних берёзовых почек до поздней клюквы. На спор мог пронырнуть холодную и широкую старицу в любое время года, пока река не встанет подо льдом.

Но самый большой вклад в историю «писательской дачи» из представителей старшего поколения сделал, безусловно, Василий Дмитриевич Леканов – Дядя Вася. В «Доме творчества» он появился позднее ветеранов и проживал там подолгу. За председателем Правления Союза писателей Коми АССР была закреплена просторная комната с верандой на втором этаже. В отличие от относительно молодых и «начинающих» постояльцев дачи дядя Вася, по-моему, там ничего особенно не «творил».

Добродушный, интеллигентный и вальяжный, он почти всегда был слегка навеселе. Любил рассказывать о боевой юности в театральной студии, о романтике деревенских гастролей, приключениях и любимой жене Кларе. В его повествовании всегда находилось место лёгкой грустинке. Что и не удивительно: настоящая слава пришла к мэтру давно, ещё в 1954 году, после всесоюзного успеха пьесы «Сельские вечера». С тех пор «дядя Вася» успешно почивал на лаврах, обласканный вниманием властей и неплохими по тем временам деньгами.

Типичный диалог «выходного дня», когда на дачу приезжала «молодёжь», звучал примерно так:

– Петя, почему так долго не приезжал? Не надо дядю Васю одного оставлять.

– А что случилось, Василий Дмитриевич?

– Да вот... Позавчера утром будит кто-то меня чуть свет: по усам щекочет. Я думал – Клара приехала. Ну и бормочу ей: «Ну, Клара, перестань... Ну, Клара, не надо...»

– А она?

– Она... Открываю глаза, а это – Ночка! (*Наша любимая чёрная кошка – большая охотница и гроза местных собак.*) Поймала мышь, взяла в рот, а хвостом меня по морде щекочет. Тьфу! Чуть не умер! Не надо дядю Васю оставлять!

– Так вы бы закрывались на ночь.

– Да как закроешься... А вдруг Клара приедет и зайти не сможет... А сегодня ночью слышу: стучит кто-то в дверь: «Бум да бум». Я кричу: «Войдите, открыто!» А там снова: «Бум да бум». «Да входите! Открыто!» «Бум да бум...» Пришлось спуститься. А там... На кухню лошадь зашла и соль со стола ест! Копытами стучит: «Бум да бум». Тьфу! Насилу вытолкал как-то, коридорчики-то узкие. Страшно её сильно пугать: разнесёт всё. Не оставляйте дядю Васю. Мне ведь плохо совсем. На вот возьми деньги и съезди в город на такси: туда и обратно.

– Да тут много... Что брать-то?

– Коньяк бери... На всё... Плохо ведь дяде Васе.

К Василию Дмитриевичу одинаково хорошо – с доверием и уважением – относились как заслуженные «мэтры», так и молодые писатели. Он довольно долго служил связующим звеном между двумя поколениями, а так же своеобразным буфером в отношениях с властями. Умел сгладить острые углы и добивался многих «поблажек» для творческой «вольницы» тех времён.

«Молодые»: о палках, гостях и начальниках

Довоенное поколение коми интеллигенции, как известно, круто попало под жернова политических чисток. Самые заметные из них сгнили в лагерях или погибли на фронте. Оставшиеся, конечно, продолжали работать. Писали много и достаточно интересно, но... «Шаг влево, шаг вправо», – чувствовалось, что это предупреждение они усвоили прочно.

В начале 70-х в силу вступало поколение «молодых». Их детство пришлось на военные годы, взрослели они в трудную эпоху послевоенного энтузиазма, а писать начинали в период знаменитой «оттепели». Таким образом, этих писате-

лей, воспитанных вполне в советском духе, миновали волны прямых репрессий. Их лояльность к социализму, советскому строю и власти предержащим базировалась не на страхе, а на убеждении. В то же время, как в жизни, так и в творчестве «молодых» чувствовалась свобода мысли, искренность, неподдельный интерес к «простому» человеку. Они чаще и свободней, чем старшие собратья по цеху, обращались к вечным, «внепартийным» ценностям.

Всё это вовсе не означает отсутствия цензуры или партийного контроля. Но писатели уже могли позволить себе вздремнуть на партийной конференции, не голосовать и не участвовать в обязательных прежде идеологических боях. Чуть позднее наш главный литературный критик напишет: «...Наметилась плодотворная тенденция исследовать и обобщать новые процессы, порождённые советской действительностью. Эта тенденция потребовала от прозы обращения к современной проблематике, вопросам нравственной ценности человеческой личности, столкновению разных взглядов на современность, становлению новых этических норм. Именно таковыми оказались произведения писателей, уверенно вступивших в литературу в послевоенные годы, вскоре определивших основные направления её поиска (Г.Юшков, И.Торопов, П.Шахов, М.Игнатов и др.)¹.

А в начале 70-х тогда ещё не профессор Анатолий Константинович Микушев писал свою докторскую диссертацию на тихой «писательской даче» в непосредственном контакте с теми, кто по его мнению «определен основные направления поиска коми литературы». Так сказать, в условиях, приближённых к боевым.

Назвать сорокалетних мужиков, уже опубликовавших довольно значительные произведения, «молодыми» можно с известной долей условности. Они сами частенько посмеивались над такими определениями критиков. И всё же, молодой задор в трудах и жизни этих писателей тогда явно присутствовал. «Писательская дача» обзавелась своей баней, постройками, лодками, рыбачьими сетями. Творческие работники обустроили собственный красивый спуск к реке и установили просторный общий стол на берегу. Много было и других «материальных» усовершенствований середины 70-х. «Молодые»

¹ История коми литературы, 1981. Т.3. – Сыктывкар, 1981. Гл. 11.

тогда, как правило, ещё не имели собственных дач. В «Доме творчества» работали подолгу и плодотворно. А Пётр Шахов, Иван Белых и Юрий Васютов и вовсе довольно долго жили в Лемью в связи с отсутствием жилья в городе.

Трудовые будни писателей складывались по-разному. Чисто писательским трудом зарабатывать и тогда было трудно. Зато разнообразных удобных и не слишком обременительных должностей для тружеников пера государство предлагало предостаточно: штаты издательств, литературных журналов, творческих союзов, гуманитарных институтов были не сравнимы с сегодняшними. Неплохие оклады, гонорары, ежегодные бесплатные путёвки в престижные Дома творчества по всему Союзу, многочисленные творческие командировки... Сочетание официальных привилегий позволяло с полным основанием считать членов Союза писателей своеобразной элитой общества. Причём, в отличие от работников советской торговли и партноменклатуры, творческая интеллигенция не опасалась ОБХСС и начальства.

И всё же трудовые будни у всех складывались по-разному. А вот схему творческой встречи конца трудовой недели вполне можно считать типовой. Начиналась подготовка к пятнице. Во второй половине дня постоянные жильцы «писательской дачи» сознавались и распределяли обязанности: к шести вечера следовало встретить пригородный автобус «во всеоружии». Задача, с учётом всеобщего дефицита продуктов и спиртного в магазинах, была сама по себе не такой уж простой. Но, как правило, пятничный ужин удавался.

В субботу к друзьям частенько заезжали Иван Торопов и Владимир Попов.

Иван Григорьевич жил довольно замкнуто, в трезвом общении былдержан и серьёзен. На дачу всегда приезжал с солидной закуской и серьёзными напитками. Всё выставлял на стол и доверял хозяевам распоряжаться.

Владимир Григорьевич в повседневной жизни всегда имел в карманах дежурную стопку, луковицу и конфеты. Всех знакомых (и не очень) дам поэт обычно целовал, мужчинам предлагал «тыртчам» (складчину), детям – слипшиеся карамельки. В Лемью он приезжал с большим портфелем, откуда постепенно извлекал тяжёлые «бомбы» портвейна. В начале застолья, такой вклад никто, разумеется не оценил бы. Тут главное было – достать напиток вовремя. То есть в те минуты, когда солидный Торопов уже спел песню, уже активно жестикулировал, начинал требовать продолжения банкета и сердиться. Отвлечь Ваню могли только Петя Шахов или дополнительная порция спиртного. Тут уж не до изысков: портвейн – так портвейн.

Юрий Васютов жил на даче с женой, что накладывало на его поведение известные ограничения. Впрочем, любезная Римма Афанасьевна никогда мужу не перечила, а изредка и сама служила украшением мужской компании. И если коронным номером Пети Шахова были устные рассказы «в лицах» плюс гармошка, то Юра всегда охотно и мастерски исполнял различные переплясы. У себя на Удоре он слыл не только известным поэтом, но и признанным мастером народного танца.

Очень своеобразно гостили «примкнувший» к основной группе Юрий Ионов. В те годы сами «молодые» считали Юрия Андреевича и вовсе «салагой» и частенько гоняли за водкой, поэтому предусмотрительный поэт приезжал обычно в воскресенье утром с таким же портфелем, как и у В.Попова. Сам он пил редко, но если уж выпивал, то непременно пел арии на немецком языке.

Его постоянным соперником был драматург Иван Белых. Оба почему-то считали себя обладателями оперных басов. Остальные так не думали и запирали солистов где-нибудь на кухне или выгоняли на улицу, если погода позволяла. Таким образом местные жители приобщались не только к литературному творчеству писателей, но и к высокому искусству классической оперы. Работники турбазы, особенно – женщины, вообще считали «дачных» писателей почти своими: иногда подкармливали сверх стандартных столовских норм, иногда выручали по разным хозяйственным мелочам, вплоть до неприкосновенной чекушки из заначки.

Существовал и крайний вариант пополнения запасов: «обкомовский» магазинчик за забором. Туда всегда отправлялся «старший по званию» Пётр Шахов. Его в магазине знали, как коменданта «писательской дачи». Но предусмотрительный комендант страховался: оформлял покупки на председателя Правления Союза писателей Коми АССР Геннадия Юшкова. «Приём делегации», «творческий вечер», «юбилей Союза»… Сам Геннадий Анатольевич на дачу приезжал очень редко и был крайне удивлён, когда в обкоме ему сделали замечание по поводу слишком уж частых «юбилеев». «Ну… вы как-то там уж пореже бегайте за забор-то… Или на себя записывайте… Тебя ведь там тоже знают, – сетовал он коменданту в очередной приезд. – Хотя, – председатель улыбался и махал рукой, – я бы тоже приехал, да жена не отпускает».

Отношение властей к писателям характеризует забавный эпизод. Дело в том, что Пётр Федотович в целях сокращения маршрута до заветной лавки всегда лазил через двухметровый забор. В очередной раз он привычно перекинул через него пустой портфель, но сам препятствие преодолевал долго и с трудом. Отряхнувшись уже на запретной территории, уважаемый комендант поймал на себе пристальный взгляд двух «первых»: Секретаря Обкома КПСС и Председателя Совета Министров. «Что-то плохо ты лазаешь, товарищ Шахов. Придёться тебя в нашу секцию записать», – тогда в моде была почти обязательная для ответственных работников общая физзарядка в Кировском парке. «Так у меня же нет квартиры в городе». «Как, всё ещё не дали?» «Так мы с Васютовым каждое утро мимо обкома проходим и кричим: «Ордер!» «Да, а мне сказали, что писатели орденов каких-то требуют. Ладно. Разберёмся». И ведь помогли. Ускорили процесс.

Вообще, «первые лица» хорошо относились к творческой интеллигенции. Как к детям: беспокойным, в меру хулиганским, но – вполне своим. Лемью довольно часто посещали разнообразные делегации: знали, что будет уха, баня, гармошка… Всё будет весело и непринуждённо. Как-то даже доверили принять известного английского филолога из самого Лондона. Правда, на этот раз всю провизию вместе с поваром и официанткой доставили из обкомовской столовой. А за общий стол подсадили пару писателей «в штатском».

Выяснилось, что прибывший по приглашению Академии наук профессор Джон Коутс оказался кадровым сотрудником английской разведки с двадцатилетним стажем. По-коми он тогда ещё не понимал и с любопытством прислушивался к переводу горячих и путанных писательских тостов. Забавно было наблюдать, как вечно беспокойный В.Попов контролировал процесс разливания водки. Поэт ходил за спиной официантки и громко кричал «Стоп!», когда считал налитую порцию достаточной. Привычка такая. Мы то уж знаем, и не реагируем. А вот Коутс и два

писателя в штатском на первом выкрике заметно напряглись. В шесть глаз они осторожно наблюдали за неугомонным контролёром. Примерно, до третьего тоста.

Англичанин в свой первый приезд прожил в республике около двух месяцев и за это время часто наведывался к писателям. Отец как-то даже слегка повздорил с «органами» из-за слишком уж откровенной слежки за гостем. Правда, говорят, что однажды шпиону всё же удалось улизнуть из-под всевидящего ока почти на двое суток. Никого, впрочем, не наказали, и Джон Коутс стал настоящим другом коми интеллигенции: писал, приезжал, приглашал в гости сам и принимал в Лондоне тоже очень тепло. Даже коми язык выучил довольно сносно.

Как повлияли эти творческие вечера на литературный процесс, не мне судить. Например, Анатолий Микушев хоть и был на этих посиделках гостем редким, но если анализировать его литературоведческие труды с учётом частоты упоминаний авторов, то можно с достоверностью установить очень существенное совпадение круга ведущих литераторов республики с кругом постоянных посетителей Лемью.

Я же могу только засвидетельствовать влияние Петра Шахова на местную моду. После операции на ногу Пётр Федотович из какой-то замысловатой коряги вырезал себе толстую палку-трость. Мастеровитый Иван Торопов немедленно соорудил себе такую же, но посолидней. Говорят, что и Юшков последовал примеру, но хранил орудие на личной даче и никому его не показывал.

То, что молодые участники творческих семинаров стали дружно вырезать себе лёгкие узорные трости, никого уже не удивляло. Странно было другое: серьёзные мужики из местных обзавелись такими же художественными излишествами. Впрочем, тогда в Лемью было много беспризорных собак. Вероятно, Пётр Федотович случайно наткнулся на веянье времени, почувствовал, так сказать, «социальный заказ».

Из семейного альбома

Считается, что ни один живой человек никогда не «вспоминает», то есть – не восстанавливает действительный эпизод из жизни в точном соответствии с реальным событием. Но всегда имеет место сложная реконструкция, в которой большое значение имеет сам извилистый путь нейронов через наслаждения времени...

Перебирая фотографии из отцовского архива, само собой пришло в голову, что те серьёзные исторические и литературоведческие работы, которые мне довелось прочесть о «периоде застоя» в нашей республике слишком уж... объективны. В

основном они написаны в советский период (или на его закате) и, если и отражают действительность, то отражают её через призму тех представлений, требований и ограничений. А для сегодняшнего читателя сами произведения тех писателей несут несравненно больше информации.

Конечно, эти труды специалистов важны для специалистов, но... вот передо мной простые и непрофессиональные фотографии. И как-то очень живо всплыли в памяти охотничьи байки Ивана Торопова, рассуждения Геннадия Юшкова о Стефане Пермском, юмористические сцены в исполнении Петра Шахова, споры о говорах и диалектах, варианты застольных песен из самых разных уголков обширной земли Коми... Что из всего этого и каким образом переплавилось в литературные тексты? Не важно. Как-то да отразилось.

Так же, как отразились в их произведениях черты уходящего времени. И не просто времени – эпохи. А издавалось тогда книг не в пример больше, чем сегодня. Как на коми, так и на русском. Так что писатели не только «веселились» на дачах, как может подумать не слишком внимательный читатель этих строк.

И эти книги читали. Об этом можно судить хотя бы по проданным тиражам. Или по многочисленным откликам на повести моего отца из самых дальних уголков СССР. Думаю, что в архивах упомянутых здесь писателей таких трогательных писем не меньше. Тогда это было нормой.

Мне же просто очень захотелось показать тем, кто не видел, и напомнить тем, кто подзабыл, живые чёрточки живых людей «периода застоя». Может быть, кому-то захочется прочесть заново их романы, повести, рассказы и стихи? И что-то с чем-то сравнить.

А, может быть, все эти воспоминания всплыли из-за фамилии главного героя последней повести моего отца: «Василий Вадоров». У реки, возле, около, рядом... И ещё множество других русских слов и выражений обозначают тонкую грань между миром реальным и воображаемым – «внутренним». Где она? И существует ли она вообще? А если существует, то как её преодолеть? Всей судьбой своего героя Пётр Шахов пытается ответить на эти «простые» вопросы.

Пётр Шахов

Пётр Федотович Шахов родился 22 января 1931 года в деревне Кекур Усть-Куломского района. Учился в Ухтинском горно-нефтяном техникуме, позднее окончил Сыктывкарское педагогическое училище. В молодости привелось быть воспитателем и директором детского дома. Работал в редакции газеты «Югыд туй», был редактором Коми книжного издательства. В течение ряда лет занимал должность главного редактора журнала «Войвыв кодзув». На пенсию вышел с должности председателя правления Союза писателей Республики Коми.

Автор рассказов «Тёлыш бара вёлі кёдзыд», «Уна и колё», повестей «Олымыс сёмын заводитчё», «Ёксинь тъёт», «Лёз патефон».

Синий патефон

Повесть

Первая глава

Третий день Василий Вадоров в подмосковном Доме писателей. Как и всех, кто сюда приезжал, поселили его в просторной, с высоким потолком и широким окном, комнате. Пол устилал свежий, как весенний луг, палас, у окна поблескивал лаком письменный стол, к нему – с высокой спинкой крепкий стул, дальше – платяной шкаф и широкая кровать. Большой и мягкий диван приглашал отдохнуть и поразмышлять...

Василию приятно было сознавать, что, вот, почти месяц он будет жить в Доме писателей, где работают и отдыхают заодно; что целый месяц он может думать только о героях будущей книги, в перерывах прислушиваться к разговорам маститых, известных в стране писателей. Но главное – писать. Писать! Ещё дома он чувствовал – готов для новой работы, надо садиться за стол. Получится. Всё обдумано.

Когда-то сельский житель, колхозник, затем учитель, а теперь – писатель, сотрудник редакции журнала Василий Вадоров давно носил в кармане пиджака второпях оторванный лист бумаги, на котором рукой, дрожащей от волнения, было написано название его будущего произведения: «Синий патефон». А чуть пониже: «Рассказы для Лены и Саши». С тех пор эти слова на клочке бумаги не давали покоя памяти Василия. Если нет срочного дела, они, эти слова, с их далёким, полусказочным миром – тут как тут. И ведут. То приведут его на высокий сеновалльный взвоз, откуда летним утром маленький Вася передразнивал живущее за рекой эхо, слушал стрекотание сенокосилок с дальних лугов, весёлый шум-гам колхозного гумна; то вдруг, как во сне, встанет перед глазами тихое ласковое утро, маленький Вася сидит на огромном сером коне, изо всех сил вце-

пившись маленькими ручками в тёплую конскую гриву. Отец ведёт Серко в поводу, и земля, и луга, и леса раскачиваются в такт шагам богатырского коня... На вершине холма, густо поросшего кустиками бруслики и голубики, дедушкина делянка. Робко обступает её молодая хвойная поросль, за которой прячутся таинственные муравейники. Нет-нет, да и выскочит на зелёную лужайку зайчонок, глянет косыми глазёнками на отца с плугом, на серую громаду коня, втянет ушастую голову и – шасть обратно, за изгородь, в молоденький ельник, к знакомым муравейникам и кустикам голубики.

А над делянкой, над высоким холмом, без конца и без края – небо. Сияет и манит далеко-далеко...

На заглавном листе уже значился автор, даже рисунок был: в центре – на табуретке, склонив стриженную голову, сидит босой мальчик в чёрной ситцевой рубашке в белый горошек – думает; в правом углу – солнце со стрелами-лучами; в левом – качается на волнах игрушечный пароход; чуть впереди бежит от парохода и серебристо ржёт-заливается, зовёт маму жеребёнок с пушистым, как у белки, хвостом; в правом нижнем углу – раскрытый синий патефон.

Самое время было садиться за стол, брать ручку и писать, но – не сиделось, чего-то не хватало, хотя было на душе и в сердце Василия тепло и спокойно, даже, пожалуй, слишком спокойно.

Василий запер комнату и вышел на улицу, прошёлся по тенистым аллеям старого сада и, забывшись, вышел на поселковую улицу, утопающую в яркой красно-жёлтой листве. Симпатичные невысокие оградки не могли скрыть от глаз прохожего богатого урожая яблок и груш, обременившего своей тяжестью даже самые тоненькие веточки.

Здесь, в Подмосковье, чуть ли не за две тысячи километров от дома, осенний воздух по-домашнему обволакивал Василия, звал куда-то, вселяя в сердце непонятное беспокойство.

Сегодня растревожили его галки. Василий уже возвращался с вечерней прогулки, когда внезапно налетевшие откуда-то птицы закружили над старыми соснами, берёзами, липами, затемня и без того уже тенистую аллею. Будто внезапный вихрь разметал по небу остатки большого пожарища. Как почерневшие клочья бумаги, бесполково носились галки в вечернем воздухе, будто расшалившийся ветер решил позабавиться над птицами, швыряя их то вверх, то вниз, то раскидывая бедолаг по всему саду, то вновь собирая их в плотную стаю. Вот, наконец, он в последний раз забросил птиц в небеса и убрался восвояси, а «клочья бумаги» медленно осели в глубину тёмного сада, повисли на ветвях высоких деревьев. И поднялся тут многоголосый шум-гам. Галки, совсем как школьники в первый после летних каникул учебный день, устроили весёлый и оглушительный гвалт. Если как следует прислушаться, можно было разобрать и даже понять эти птичьи разговоры.

Птицы собирались в дорогу. В мягком и частом «чавканье» легко угадать беспокойство боязливых девочек, увидеть, как ласково выются они вокруг матери. Для них всё – впервые: и разлука с родными местами, и дальний путь. И кто знает, каким будет этот путь, трудным или лёгким, что увидят-повстречают они в дороге? «Мам, мам! Я ведь готова? Ведь смогу я? Мам, ведь правда – бояться нечего? Правда, мы все хорошо долетим, а на будущий год обратно вернёмся? Ведь правда?

Чав-чав, чиа-чао!» Реже слышится короткое и сухое «чавканье». Это – мальчики. Они тоже волнуются перед дорогой, но стараются своего беспокойства не показывать. Изредка пролетают они по саду, будто всё им уже известно, ко всему они готовы, и своими, начинающими уже грубеть, чуть хрипловатыми голосами как бы посмеиваются: «Ох уж эти девочки! Один шум от них! Ничего не знают, ничего не понимают!» А эти резкие, вызывающие звуки издают, наверное, избалованные, капризные юнцы. Видно, ругают их родители, а они, неслыхи, родителям перечат. И будто взвизгивают они некрасиво, озлобленно. Нелегко придётся отцу-матери в дороге с такими детьми...

Пора бы уж им и угомониться, хорошенко отдохнуть перед дальней дорогой, но раздалось в саду воронье карканье, и снова взлетела несчитанная стая, заслоняя узкий просвет неба над аллеей. Не хотелось галкам, чтоб вороньё крутилось вокруг их гнёзд, чего доброго – напакостят ещё за долгую зиму.

Утром следующего дня, пробегая вместо физзарядки по аллее, Василий вдруг остановился. Чего-то не хватало.

«А-а, – сообразил он. – Тихо. Галки улетели». Тишина. Только каркнула вдалеке ворона.

Галки в пути. Все. Бабушки и дедушки, матери и отцы. Девочки и мальчики, тихие и задиристые. Молодые птицы встретят в своём первом перелёте не только много нового, но и тяжёлого, проверят свою силу и удачу. Доброго пути вам, крылаты сёстры и братья! Мира и согласия, здоровья и силы!

Войдя в свою комнату, Василий стал торопливо вытаскивать и раскладывать по широкому столу блокноты, бумаги, фотографии, карандаши и ручки, пожелтевшие письма. Только после ужина Василий наконец-то сел за стол, оглядел всё, что на нём разложено, и увидел вдруг улетающих на юг галок. Машут крыльями, мчатся в кромешной тьме...

Зачем же ночью лететь?.. А вот в стороне от стаи, летят двое, отставая всё дальше и дальше...

И послышались Василию очень знакомые голоса:

- Ленка, не отставай!..
- Саша! Не могу! Живот болит...
- Ленка!..
- Зачем мама улетела... И почему папы нет...
- Ленка! Кончай ныть, сильнее устанешь. Ни о чём не думай!

Василий, вцепившись обеими руками в край стола, изо всех сил вглядывался в тёмное небо за окном. Словно наяву, увидел он, как летят его дети – Лена и Саша, – одни, без отца и без матери... У Лены болит живот... И в самом деле, Лену давно уж собирались положить в больницу, на обследование. Лена, Леночка! Может, всерьёз заболела!.. Лена!..

Василий долго не мог отвязаться от этой невесёлой картины. Но, вот встремянул головой, и представил свою квартиру. Кухня. За столом трое: мать Василия, приехавшая к внукам на время сыновнего отпуска, напротив бабушки сидят и улыбаются Лена с Сашей, перед ними тарелка с горячими блинами, бабушка рассказывает что-то смешное. На кухне тепло и светло. И Василию полегчало.

И легли на белый лист первые слова: «Я люблю детей...»

И, прекрасно понимая, что «Синий патефон», который так давно уже просится на бумагу, опять остаётся где-то в стороне, Василий писал, писал, писал...

Из записей Василия Вадорова

Это Ленка, мой галчонок, надоумила меня взяться за дело, которое до сих пор никак не наладится. Как-то пришла она из школы вся взбудораженная, бросила портфель у стенки, села на низенький стульчик в коридоре. Сидит, вздыхает. Затем, явно кого-то передразнивая, говорит:

– Ну, папа, расскажи, как ты родился, как жил, когда маленьkim был. Расскажи о тяжёлом военном детстве...

– Что с тобой, Ленка?

– Знаешь, пап, – удивляется Ленка. – Приходил сегодня на классный час один родитель. С нами поговорить. И учительница уж в третий раз одно и то же говорит: «Расскажите, дорогой Сергей Васильевич, о Вашем тяжёлом военном детстве, расскажите, как трудно Вам приходилось...» И мне смешно стало... ну, и рассмеялась... И за это мне пришлось встать и стоять, как провинившейся. Я знаю, что было трудно. Но ведь можно и по-другому как-нибудь сказать? Ведь получается, что как будто мы, папа, виноваты в том, что вам тяжело было? Ну, папа!..

Вот тогда я и сел за стол, чтобы рассказать о «тяжёлом военном детстве». Не вдруг, конечно. И до этого часто рассказывал детям, как родился и как рос. Ну, а тут решил написать.

– Что пишешь, папа? – спросила Ленка.

– Книгу. О тяжёлом военном детстве.

– А как будет называться?

И я, не долго думая, ответил:

– Синий патефон.

– Ой, папка! – улыбаясь, одобрила Ленка. – Ты пишешь о патефоне, который тебе ешё до войны подарили, когда ты ешё меньше меня был, во втором классе учился? Так ты же тогда героем был – первый патефон в деревню привёз! Где ж тут тяжёлое военное детство?

– Да, Ленка. Это будет счастливое детство. Мы, может, ешё и посчастливее вас были.

А Ленка будто этого и дождалась, жмётся ко мне, заглядывает в лицо хитрыми глазёнками:

– Ну, расскажи, папочка: как ты родился, как жил, когда маленький был?

И я рассказываю... Вечерами. Когда нет нужды куда-либо спешить и голова свободна от дневных забот и суеты. Как правило, в это время я на кухне. Ужиная с сыном и дочкой или посуду убираю. Заодно наблюдаю, как по соседству медленно, но верно, поднимается новый кирпичный дом. Прожектора ярко, как на сцене освещают стройку, и поэтому кажется, что строители из дня в день разыгрывают какой-то многосерийный спектакль. По широкой улице деловито снуют автобусы, чем-то напоминающие добродушных домашних животных. Подъезжая к нашему дому, они, как послушные лошади, аккуратно притуляются к остановке и, слегка накренившись, распахивают своё нутро, выпуская на волю больших и маленьких пассажиров. Терпеливо ждут, когда новые пассажиры займут свои места, и отправляются дальше. Во дворе подростки – старшеклассники под аккомпанемент дребезжащей гитары тянут какую-то бесконечную песню без слов.

Напротив скамейки, плотно занятой певцами, стоят их девочки – сверстницы. Они стоят и о чём-то таинственно шушукаются, и посмеиваются, теребя банты на косах.

Я прислушиваюсь к уличным голосам, вспоминаю и рассказываю. Рассказываю детям о своём детстве, и, конечно, не всё, что я говорю, в точности соответствует действительности. Конечно, что-то я и выдумал, а что-то подзабыл. Но говорю, что помню всё точно, кроме одного: не помню, как родился.

Ленка смеётся и соглашается, что она тоже ничего-ничего про это не помнит, и добавляет, что мы с ней совсем одинаковые. Но не только потому, что об одном и том же не помним. Ленка вскакивает со стула и, приблизившись, проводит моей рукой себе по затылку, чтобы я обнаружил там ямочку, затем находит такую же и на моём затылке.

– Ну, совсем мы с тобой одинаковые, папа, – смеётся Ленка.

– Ленка, – сдерживает её Саша, мой сын и ученик восьмого класса. – Сама просила рассказать и сама же перебиваешь. Подлиза.

Саша тоже слушает мои досужие рассказы. И если Ленка частенько охает и ахает, то Саша слушает меня, как взрослый, иногда утвердительно кивая головой, мол, да, это вполне возможно, он об этом и в книгах читал. Изредка задаёт вопросы, уточняя что-то в моём рассказе.

А я и в самом деле многое помню из самого раннего детства. Началось всё с падения. В нашем доме решили поморозить тараканов, и жили мы у соседей. Я тогда, кажется, ходил ещё на четвереньках и у соседей проживал, в основном на голбце, это такой помост над лазом в подполье, рядом с печкой. На печке обычно что-нибудь, да сушилось – то ли рожь, то ли ячмень или горох. И вот сунешь ступни в тёплое зерно и играешь себе, размышишь о жизни. Вдруг вижу, мои старшие братья-сёстры на полати перебрались. Ну мне, конечно, туда же надо. Тем более, что и мостик есть – широкая и гладкая доска проложена вдоль стены от голбца до полатей. Недолго думая, я на четвереньках, цепляясь пальчиками за края доски, двинулся к полатям. Где-то на полупути глянул вниз и испугался. Тут грохнуло и сверкнуло, замелькали в глазах разноцветные шарики. Лежу уже на полу, сучу ножками, рот раззявил что было сил, а голоса нет – потерялся. Тогда самое близкое и родное, мамино лицо, склонилось надо мной. Мама быстро перевернула меня на животик, хлопнула по спине раз, другой – и нашёлся потерянный голос, и заревел я.

С головой, слава богу, ничего не случилось, вечером уже ужинал вместе со всеми. Мама поставила в середину стола большую миску с супом из зайчатины. Целый день превшее в жаркой печи варево дышало густо и аппетитно. По нашим прежним правилам положено было в первую очередь хлебать суп, то есть бульон. Но, насколько я помню, мы, дети, по-гусиному вытянув шеи, наперегонки старались отыскать в миске мясо. Нащупаешь ложкой кусок поприличнее и, как хоккеист шайбу, прижмёшь его к борту миски. Отец вздохнёт и, оперевшись для удобства о край стола, достанет каждого по лбу тяжёлой деревянной ложкой, предварительно аккуратно её облизав. В этот раз было также. Мои братья-сёстры, сунув ложки в дымящуюся миску, моментально разделили между собой куски мяса, а отец сыграл на их головах, как на музыкальном инструменте.

Я был самым маленьким, и поэтому в этом деле соперничать с братьями не

мог. Чтобы достать до супа, мне приходилось встать на скамейку, одной рукой опереться на стол, а другой работать в тарелке.

Как будто не заметив, как отец расправился со старшими, я встал на лавку и после непродолжительных поисков вывалил на стол большой кусок, пододвинул его поближе и уселся обратно. Ухватив мясо обеими руками, я принял усилия его поедать, невинно поглядывая на остолбеневших от такого нахальства братьев.

Они, видя такое дело, есть, конечно, перестали. Удивлённо глазели они то на меня, то на отца, сидящего рядом со мной: ждали, когда же он облизнёт ложку и угостит меня по лбу. Но отец, как ни в чём не бывало, прихлёбывал и, откинувшись, долго что-то пережёывал. Тут и все остальные принялись за дело.

Только Игорь, старший брат, суп есть больше не мог. Забыв обо всём на свете, поедал он взглядом меня, видя, что нет за столом уже былого равенства, а есть бесправие для одних и вседозволенность для других. Наконец, слюну и сердито выкрикнул:

— Васечка-то, пока не очухаешься и по лбу не трахнете, один всё мясо съест!..

Мать с отцом прыснули-засмеялись полными ртами. И долго ещё смеялись да утирались:

— Ну и бессердечный же ты человек, Игорь, — сказала потом мать. — Пусть уж Васятка поест спокойно. Ведь только что с такой высоты упал, не будем же его по голове бить.

Игорь успокоился и принял за еду. Видимо, вспомнил, как грохнулся я об пол, даже крикнуть не мог, и, пожалуй, действительно — по только что пострадавшей голове бить не стоит.

Вот с тех пор я и стал запоминать. Как будто сдвинулся с тормоза таинственный механизм, записывая в память всё, что видели мои глаза и слышали уши, что чуял нос и трогали руки.

Рос я быстро. В скромом времени сравнялся со старшим братом. Отец с матерью внимания на этом не заостряли, но гости — дядья, тётки, дедки и бабки, — не переставали удивляться.

— Нет, ты погляди, ноги-то, ноги! — говорили они. — Если по ступне судить, так он у вас выше крыши вымахает!

— Весь в дядьёв, — похлопывали по спине дядья. — Как мы, не колом драться будет, а бревном. А-ха-ха!

— Пусть. Может, богатырь растёт.

— Хватит. Сглазите, — останавливает мама говорунов.

Да и дети в деревне удивлялись, глядя на мои ступни, а потом и кличку придумали: «Заячья лапа». Разозлятся и кричат: «Заячья лапа». Ну, тут я кидаюсь на них, а они разбегаются. Видать, ровесники и в самом деле считали, что я между ними — богатырь. Но драться я не любил, и сердиться всерьёз не умел. Играя, старался не ушибить товарища, уложить его помягче. Уложу и держу, пока «пусти» не скажет. А отпущу, он и хватит — укусит меня за палец или ещё куда, и бегу я в слезах, домой.

— Опять тебя побили! — рассердится отец. — Зачем поддаёшься? Нельзя быть тихоней!

Но и после этого не помню случая, чтоб ударил или там пнул кого-нибудь со

злостью. Да и отец, видать, не любитель был подраться. Частенько отец с матерью и мы, дети, просыпались среди ночи от криков, раздававшихся возле дома. Это драл глотку Ефим – наш сосед.

– Эй, Сашка! Холуй госторговский! Выйди – зубы выбью! – кричал Ефим под окном.

– Встань и прогони! Детей разбудил! – теряла терпение мама.

Тогда отец тихо вставал, пригнувшись, чтобы не заметили с улицы, пересекал комнату и, белея подштанниками, выскакивал на крыльцо, громко топая босыми ногами – вот-вот настигнет обидчика. Слышится топот удаляющихся ног – это мчится, спасаясь, Ефим под защиту родных стен. С хрустом ломается верхняя жердь изгороди, за которой он уже в безопасности. С крыльца своего дома ещё крикнет напоследок:

– Ну, иди, иди сюда! Шваркну разок в ухо!

– Вот псих, – думает и удивляется Лена. – Он что – ненормальный был?

– Да нет, – смеюсь я. – Видимо, досадил ему чем-то наш отец. Он сильнее Ефима был и в госторге когда-то работал. А может, нравилось Ефиму что есть силы бежать к своему дому, как лошади от медведя. Есть такая игра в коми деревнях – взрослым ведь тоже поиграть-подурачиться надо. Наш отец вроде, как медведь, а Ефим – конь быстроногий.

– А что ещё помнишь? – спрашивает Лена.

– А ещё помню, что всегда хотел быть хорошим, никогда не состариться и вырасти до неба...

– Да?.. – удивляется дочь.

Да. Это точно. Видимо, мысль эта – вырасти до неба, никогда не состариться и быть хорошим – родилась иросла вместе со мной.

Я, конечно, никому об этом не говорил, но уверенность, что всё так и будет, стоит только захотеть, жила и крепла во мне тайком (может, поэтому я и рос так быстро). В самые грустные дни и часы: когда летний день вконец испорчен моросящим дождём, или рассерженные взрослые разобрали шалашик, на который мы целую неделю любовно тащили доски со всех соседских парников, или ещё какая беда приключилась, – мелькнёт в голове светлая мысль, что вырасту я выше всех – до неба, что никогда я не буду таким старым, как бабушка с дедушкой, и снова – жизнь прекрасна. Ни холодный ветер, ни дождливый день не могут огорчить или расстроить. Бежим мы с другом Толей (это сын того Ефима, который будит нас по ночам) к крутыму берегу реки, наковыряем в подол рубашки зелёной глины и – домой. Долго лепим из неё калачи, пряники, крутобокие пароходы и грозные танки. Потом выставим их всех на доску для просушки, смотрим на них долго и молчим. Думаем. Каждый о своём. А может, об одном и том же. О том, как покажется за изгибом реки пароходный дым, потом труба, а потом и весь корпус, как громко загудит он, причаливая к нашей деревне, и увезёт нас далеко-далеко...

Однажды утром обрядили меня в новую сатиновую рубашку, чёрную, в белый горошек, перепоясали шёлковым поясом с кисточками. В переднем углу, под иконами, отец поставил таз с водой. Все – отец с матерью, братья и сёстры – были необычно суэтливы и хорошо одеты. На столе и скамейке – белые пелёнки.

– Мишу будут крестить, – объявил Игорь, – ты крёстным будешь, поэтому тебе и рубашку новую сшили...

И вот сижу я, пятилетний мальчик, на крыльце в новой, шуршащей рубашке, трогаю пальцем белые, словно неспелая голубика, горошины и, вдруг подумалось: «Если стану крёстным – стану таким же старым, как крёстный дядя Максим, а потом умру».

Мысли о жизни и смерти меня тоже с самого рождения, наверное, преследовали. Это было, как болезнь. Как подумаю, что когда-нибудь и я умру – так будто заболею, никак от этой мысли отвязаться не могу, пока дружки играть не позовут.

– Вася, сынок, пойди сюда! – зовёт в дом мама.

Вместо того, чтобы бежать на зов, я застыл на месте, не в силах оторваться от доски. Позвали меня родители раз, другой, и вышли на крыльцо. Им, конечно, странно видеть было, как я, упрямо поджав губы, молча съёжился на ступеньках.

«Ни за что не встану», – думаю я. Тогда отец подхватил меня со спины под мышки и, ласково посмеиваясь, внёс в дом. Но там я моментально забился под лавку, в самый угол за столом, не достать меня, и упёрся там изо всех сил. Уж как просила-умоляла мама, чтоб вышел и хоть чуть-чуть подержал на руках маленького братика. Тогда стал бы я не только старшим братом, но и крёстным отцом – самым уважаемым для маленького Мишутки человеком. Очень не хотелось мне мучить маму, но ещё сильнее хотелось никогда не состариться. И я не уступил.

– Ну, раз не выходит, – сказала, наконец, мама, – Игорь будет крёстным.

Игорь дёрнул меня за ногу и приказал:

– Выходи. Снимай рубашку. Я буду крёстным.

Я виновато вылез из-под лавки и снял обнову. Надел старенькую, с короткими рукавами, и дунул-побежал в конец деревни. Там, среди сложенных в штабель жердей для изгороди, мы с Толиком обнаружили гнездо трясогузки и регулярно его проводывали.

В загоне одиноко паслась кобыла с жеребёнком, весело зеленела молодая травка, тихо журчал, пробиваясь из земли, родничок, и легко порхала над пастбищем трясогузка-мама, и мне было легко и весело:

«Я не крёстный. Я ещё маленький. Я никогда не состарюсь. Я никогда не умру...»

– Папа, ты ведь и вправду никогда не умрёшь? – серьёзно спрашивает Лена.

– Нет, – смеюсь я.

– И никогда не состаришься?

– Немного, конечно, состарюсь когда-нибудь. Тогда и отдохнуть лягу, ненадолго. Надо же отдохнуть когда-нибудь человеку!..

Воспоминания о детстве, а может, и сама мысль о бессмертии человека даже теперь действуют на меня успокаивающе. «Действительно, умирает ли человек? – спрашиваю я. – Нет. Он уходит отдохнуть, завершив свои дела на земле. Уходит, чтобы когда-нибудь вновь вернуться к людям, к новым делам. С новыми силами и обновлённой душой, он будет сильнее и умнее того, кто ушёл».

Саша улыбается.

– Ты над чем смеёшься? – спрашиваю.

– Да это я так... – отвечает он. – Папа хочет быть бессмертным и готовит для этого красивую сказку.

– А ты не веришь?

– Я верю в науку и ещё – в статистику, – гордо стучит себя в грудь и смеётся Саша. – Наука говорит: вечный двигатель невозможен. Кулибин всю жизнь, до

последнего вздоха над этим думал и всё напрасно. Ну, а статистика точно говорит – сколько в среднем живёт человек. Отсюда и вывод – работать надо, чтобы побольше узнать и успеть сделать. Спешить надо, товарищи!

– Ой, какой шустрый! – дразнит брата Ленка. – Из школы придёшь и до ужина с Олей Шашковой в шашки играешь. Пап, Сашка ведь ухажёр уже!..

– Ленка! – шипит Саша.

– А вот мы с папой никогда не умрём и всё равно – спешим, – хвастает Лена. – После школы я иду в музыкалку, потом в танцевальный, а ты, Саша, только и знаешь, что в шашки играть. Скоро на гитаре бренчать будешь и петь: «А-а-а...» Ухажёр!

– Сейчас схлопочешь!

– Что – неправда?

– Не надо смеяться, – уминаю я расшалившуюся Лену. – Это несправедливо. Знаешь ведь: Саша всю ночь будет голову ломать, а не ляжет, пока уроки не сделает.

– Сашеньку-то нашего... Похвалили!.. – наклоняется и снизу вверх заглядывает брату в лицо Лена.

– Ленка! Доиграешься! – сердится Саша.

– Расскажи, папа, ещё, как ты жил, когда маленьким был? – тянет Лена, уговаривая меня, словно ребёнка.

– Обо мне – в другой раз. А сейчас несите-ка ваши портфели. Посмотрю, как вы поработали...

Вторая глава

Кажется, только вчера я за руку отвёл Сашу в первый класс, а вот – уже восьмой год учится, – думал я в тот вечер. Мне казалось, что Саша растёт добрым, отзывчивым на чужую боль мальчиком. Иногда, когда мы вечером всей семьёй смотрели кино по телевизору, он вдруг вскакивал со стула, выходил в соседнюю, тёмную комнату и ложился на кровать – лицом в подушку. Начнём спрашивать – не отвечает, только лицо отворачивает. Знаем: плачет мальчик. Чтобы не смущать его ещё больше – делаем вид, что не заметили. Даём лекарство, чтобы пил, если заболел.

Но однажды не смог утаить. Шёл фильм о войне. На экране лязгали гусеницы немецких танков, самолёты с крестами бомбили наши города и деревни. Фашистский самолёт охотился за автомашиной с детьми. Беззащитная жертва убегает, словно мышь от кошки, но некуда спрятаться, спасения нет. И грохнул взрыв. Всё стихло. Горит – потрескивает лесок невдалеке. Гонит ветер тёмные тучи. И эту печальную тишину разрывает детский плач. На дорогу, по которой только что мчалась, убегая от смерти, машина, выходит девочка лет двух-трёх, не больше. Девочка плачет и зовёт маму.

И тут Саша не успел выйти в тёмную комнату, видно, долго крепился, запласал. Ему, как и нам, было до слёз жаль этого совсем ещё маленького человека, одного на страшной, жестокой, военной дороге.

А той же зимой сын удивил меня уже совсем иначе. Тогда весь 4 «б» вышел на лыжную прогулку в лес. Перед нами шла девочка, но шла плохо – то и дело

падала. Видимо, что-то не ладилось с креплениями. Думаю: догоним – поможем. Но, когда стали догонять, и девочка в очередной раз упала, перегородив лыжню, Саша вдруг прокричал, словно пролаял:

– Эй, ты! Балда!..

Прокричал и посмотрел на меня (вот, мол, и катайся тут), в глазах – злые огоньки. Меня будто ударили. Я бы никогда не поверил, что Саша может так накричать на товарища, тем более – девочку, если бы сам этого не видел. Между тем, один из Сашиных одноклассников задержался возле девочки, помогая наладить крепления. Я остановил сына, развернул и сказал: «Смотри и помни, сынок, что делает человек, когда у товарища что-то не ладится».

Наверное, Саша спешил догнать друзей, ушедших далеко вперёд, чтобы не уронить себя в глазах отца. Поэтому и накричал на девочку, перегородившую лыжню. Но не мог я успокоиться, каждый его жест, слово, манера держаться вызывали раздражение и неприязнь. И сам не замечал, как снова и снова одёргивал сына, повышая голос.

Откровенно говоря, не люблю людей неуравновешенных, вспыхивающих по поводу и без. А тут, вроде, и сам уподобился... Дома мне уже казалось, что был я несправедлив и зря обидел сына. Может быть... Но одно я знаю твёрдо: не хочу, чтобы на Земле заменили меня люди с глухим и слепым сердцем. Не хочу. И если всё же случится такое, тогда тяжко вздохну я, выйду из-под земли и тогда уж поговорю я с ними!..

Хотя, оттуда, конечно, не выйдешь.

А вот на голос нажимаю часто, это точно. Вроде бы, Лена с Сашей от рождения должны знать и понимать, что, и когда, и как им надо делать. А моё дело лишь одёрнуть их, когда они живут и действуют не так, как мне бы хотелось.

Ещё двенадцатилетним мальчиком Саша ездил в Белоруссию, по турпутёвке. По приезду стал получать письма от новых друзей-товарищей. Ну как-то я и прочитал одно из этих писем, из Якутии, от мальчика. Хорошее письмо, но концовка меня просто поразила. Уже распрошавшись и проставив дату, мальчик-якут, видимо, после долгих сомнений сделал приписку, величая Сашу уже не на «ты», а на «вы».

«Саша, я Вас очень прошу, – писал он. – Найдите адрес той девушки, о которой я Вам ещё в Москве говорил. Если не получится, то может кто-нибудь из ваших хоть сфотографировал её. Я её очень люблю!»

Меня удивило, что моему сыну, двенадцатилетнему мальчишке, пишут такие письма: «Я её очень люблю». Да разве может Саша, ребёнок, которого мы умываем, одеваем и отправляем утром в школу, понять этот крик души! Но тут покопался я в закоулках памяти, хранящих далёкие детские воспоминания, взглянул на себя, двенадцатилетнего, и ответил: «Может». И услышал, как деревенская девочка Роза, ученица четвёртого класса, сказала мне, второкласснику: «Я люблю тебя, Вася...»

А вечером, за шахматами, я кивнул головой на конверт, виднеющийся за стеклом шкафа, и спросил, сколько лет его автору.

– Лет четырнадцать, наверное, – ответил Саша. – Восьмой закончил.

– Ответил?

– Нет, – промолвил Саша.

– Почему? – жёстко спросил я.– Он ведь ждёт, надеется на тебя!

– А что я отвечу? – почти выкрикнул Саша, готовый заплакать.

– Девочку знаешь? Адрес?

– Нет! Она из Воркуты. Откуда мне её адрес?

– Ну, ладно! Извини, – спохватился я.– Я сам на письма ленивый. Давай садись, – будем вместе писать. Ты – в Якутию, а я – братьям. Хватит, не дуйся.

Да... но это уж когда было. А теперь я держу в руках Сашин дневник и чувствую, как кровь приливает к щекам. Саша, видимо, заметив реакцию, сидит, зажав между колен руки, и поскрипывает стулом. Я что-то около месяца в дневник сына не заглядывал. А за это время там появились записи: 1 октября. Поведение примерное. Объявлена благодарность за активное участие в политбое. 19 октября. Весь урок разговаривал. 23 октября. Поведение неудовлетворительное. 28 октября. На уроке черчения сидел безобразно... Сдерживая праведный гнев, перелистываю дневник:

– Что ж не похвастался успехами?

– Так не спрашивали, – спокойно отвечает Саша, но глядит в сторону.

Сегодня сын вступил в комсомол. На площади, возле памятника Ленину, вручили ему комсомольский билет. Вовремя об этом вспомнив, сдерживаю резкие, обидные слова, закрываю дневник и сухо роняю:

– Завтра буду в школе. Марш за стол. Покажете книги, тетради – всё, что есть для школы.

Дети быстро и без шума разложили свои тетради, альбомы, учебники. Ничего предосудительного не обнаружил, можно было и не так круто брать. Но даже листая пестрящие пятёрками Ленины тетради, я старательно хранил вид суровый и неприступный, сдерживая улыбку, которую пытливо высматривала отличница-дочка.

На следующий день, в субботу, преисполненный сознанием ответственности стоящей передо мной задачи, я озабоченно поднимался по школьным лестничным маршрутам, степенно ступал по шумным и весёлым коридорам. Шествие прервала Людмила Борисовна, классный руководитель Саши. Под мышкой – журнал, в руке – пачка мела.

– А, никак Сашин отец у нас, – весело заговорила она.– Сашиними делами интересуетесь?.. По-моему, всё в порядке. У меня, по алгебре, хорошо идёт, думаю – за четверть будет пятёрка. Да! Вчера комсомольский билет получил. Только четверо из класса решились. Сегодня после уроков у нас пресс-конференция! Не слышали? Полкласса – корреспонденты, остальные – президенты, премьер-министры всякие... Саша, кажется, премьер-министр Англии... Это студенты-практиканты внеклассную работу проводят...

– А черчение... Что там?..

– Беда, – вздохнула Людмила Борисовна.– Очень уж молодой преподаватель. Дети не слушаются. Я даже родителей прошу на этих уроках посидеть. Беда да и только. И Саша дурит, и другие. Извините, у меня урок... – заспешила учительница, а я ещё до звонка вошёл в 8 «б» и сел за парту возле стеночки на последнем ряду, прямо за Сашиной спиной. Нет, я не собирался разоблачать или стыдить сына. Интересно было просто посмотреть, послушать, что делается в классе днём, ведь мы, родители, собираемся там только по вечерам.

Отсидел три урока. Последним была физика. Учительница, проверяя домашнее задание, прошла по рядам и, наклонившись, тихо спросила:

- Извините, вы кто?
- Отец. Саши Вадорова.
- А-а.

Урок пролетел незаметно. Эта спокойная женщина уверенно вела занятие, ни разу не повысив голоса, и дети работали, думали, склонившись над тетрадями, аж щёки раскраснелись.

– А теперь попробуйте такую задачу, – сказала учительница к концу урока и вызвала к доске Сашу.

Саша неопределённо качнул бровями, быстро прошёл к доске и взял в руки мел.

– Задача на гидродинамику: необходимо вычислить, какое максимальное расстояние может преодолеть вода, вытекая из башни заданной высоты.

Саша молча повернулся лицом к доске и, стучая мелом, нарисовал башню, обозначил фигурной скобкой высоту, а пунктиром – траекторию полёта воды, условными обозначениями записал исходные данные, а внизу, под жирной ограничительной чертой – короткое решение. Положил мел, взглянул на класс, повернулся лицом к учительнице.

– Саша закончил. Кто ещё решил, – поднимите руки, – обратилась она к ребятам.

Ни одна рука не поднялась.

- Расскажи своё решение, Саша.

– Для определения дальности полёта воды, вытекающей из башни, можно использовать формулу дальности полёта тела, брошенного под углом к горизонту, – начал Саша и подчеркнул нужную формулу. – Дальность полёта тела, брошенного под углом альфа со скоростью В нулевое, равна В нулевому, умноженному на косинус альфа и на синус альфа, и делённому на ускорение свободного падения.

При заданной начальной скорости максимальная дальность полёта достигается при угле альфа, равном 45 градусам. Начальную скорость воды найдём из закона сохранения энергии...

Уследить за ходом решения до конца я не сумел, хотя и пытался записать его полностью. Он приводил формулы, которые мне ничего не говорили. Так что записал лишь ответ.

– Саша – мальчик с головой, охотно работает на моих уроках, – пояснила позже учительница.

Я остался доволен классом. И Сашей. Все ребята вытянулись, повзрослели. На переменах собирались группами, и время от времени оттуда доносился раскатистый, весёлый смех...

Вечером мы с Сашей сидели на нашей любимой кухне. Я расспрашивал сына о кинетических и потенциальных энергиях, о которых рассуждал Саша на уроке, о друзьях-товарищах, с которыми веселился на перемене. Потом, невзначай, вспомнил о его вступлении в комсомол, попросил показать комсомольский билет. Потом и сам полез в ящик стола, где среди других бумаг лежал и мой потёртый билет – память о юности. Вспомнили и о «пресс-конференции». При этом Саша

безнадёжно махнул рукой, мол, чтобы такие вещи разыгрывать, готовиться надо серьёзно и основательно.

— Мне надо было выступать за премьер-министра Англии, — объяснял сын. — Но что я мог сказать? Что у Англии много колоний и имеется королева? Я же премьер-министр! Мне положено защищать своё государство, показать всё, что в нём есть хорошего. А я не могу, потому что знаю мало и, в основном то, что у них плохо...

«Да и какой интерес, — вспылил вдруг Саша, — мне защищать Англию, если она всю дорогу против нас выступала. Уж лучше быть корреспондентом и вопросы подкидывать!»

И между отцом и сыном вновь возникла та тёплая, душевная связь, что так необходима родителям и их взрослеющим, самостоятельным детям.

С улицы с шумом входит запыхавшаяся Лена. Поспешно освободившись от сапог, заглядывает на кухню. Понимает, что у Саши всё в порядке, но всё равно спрашивает:

- Ну как, папа? Разоблачил Сашеньку?
- Не кривляйся. Не мартышка, — одёргивает старший брат.
- Ну, ну, без оскорблений, — говорю я, и брат с сестрой прекращают военные действия.
- Тогда, папа, — присоединяется к нам румяная от свежего воздуха Лена, — расскажи, как ты родился, как жил, когда маленьkim был!

И садится за стол, и хитро щурит глаза то на меня, то на Сашу, и смеётся...

А что не радоваться Лене! В дневнике — пятёрки, в животе — тепло и сытно, в спальне, в аккуратно застеленном углу — игрушки... Вот-вот по телику «Ну, погоди» начнётся... Чего ж ей не радоваться!..

— А от мамы — письмо, — округляет глаза Ленка. — Не видели? Да на тумбочке же, под телефоном. Я туда спрятала, чтобы Васька не порвал. Вот интересно! Как ни зайду, всегда Васька возле телефона сидит, голову наклонит и на трубку смотрит. Пап, зачем он там сидит? Звонка ждёт?

Саша вышел за письмом.

- Ну, ну, посмотрим, что нам пишет студентка третьего курса Нина Вадорова.
- Сашка! — кричит Лена. — Как тебе не стыдно! Это же мама, а не Нина Вадорова. Вот расскажу маме...

А книга не пишется. Бывает, и спрашиваю себя: зачем мне всё это нужно? Сидеть за столом, маяться? Надо бросить всё и жить, как живут все. Вернуться в деревню, подновить родительский дом, новую баньку поставить на берегу реки, лопатить весеннюю землю в огороде. Ходить по осени за рябчиком, зимой — за зайцем... И приснится сон, будто бросил я город, вернулся домой, в деревню, обжила родительский дом. Вот иду я мимо мужиков, поднимающих светлые срубы из звонкой сосны, прохожу по деревенским улочкам к родному очагу. Прикидываю и примериваюсь, как отремонтировать его к зиме, куда на работу устроиться. Да ведь нет такой работы в деревне, ведь не агроном я, не механизатор — служащий! И в город уже не вернёшься! Квартиру, наверное, другим уже отдали. А дети? Им же учиться надо вместе с городскими товарищами...

Да... Даже во сне не вернуться мне в деревню. Хотя и дорога она мне, и близка, и понятна... Говорят, тоска по прошлому — признак наступающей старости. Старость, конечно же, никуда не денется, придёт. Вспоминай ты о прошлом

или нет. Я вспоминаю, вглядываюсь в прошлое, чтобы не ушли из памяти дорогие мне люди, чтобы понять, что я за человек, откуда пришёл и куда иду, что люблю и что – ненавижу, зачем я живу и что оставлю после себя? И говорю я себе: нет, всё же я буду жить и после смерти. До тех пор, пока будут жить Лена и Саша. Так же, как живут в моей памяти, в сердце, живут вместе со мной мои отец и мать, мои деды.

Помню, как в нашем доме собирались в праздники многочисленная родня. Обычно посиделки проходили спокойно, без особого шума. Видно, солодовое пиво из ендовы да тонконогая рюмка с красным вином не слишком раззадоривали. Но случалось, что после знатного угощения стол отодвигался к печке, а на середину выходили гости и строили круг. Слегка враскачу, притоптывая ногами, круг ожидал под перебор тальянки. И находился родственник, который выбрасывал вверх сжатый кулак раз, другой и чеканил: «Пер рёд – бур рёд!..» (Род Пера – хороший род!..)

И выше поднимутся головы, и твёрже притопнут ноги, а молодые дядья – седьмое колено от дедушки Пера – потянутся на улицу, чтобы померяться силой с каким-нибудь другим родом.

И был я горд тем, что и я – род Пера, и, значит, быть мне молодцом из молодцов, и, значит – сбудется всё, что задумал. И вырасту до неба, и никогда не состарюсь, и сделаю что-нибудь хорошее.

В один из праздников мы с братом лежим на полатях и глазеем, как угощается за столом многочисленная родня. Мы, конечно, не голодные, но ведь прямо под носом в глубоких глиняных сковородах тушёная в сметане речная рыба, рябчики, кисели из ягод брусники да черники, и сахарницы полны сахарного песка и конфет, и шаньги всевозможные, и колобки из белой магазинной муки... Слюна наполняет рот. Приходится время от времени сглатывать и ждать, пока гости не отправятся по домам. А гости не торопятся, сидят. Да между делом, пока единственная рюмка совершает свой последний круг, нахваливают скромных и послушных детей. Какие молодцы! Не трутся возле стола, как в других домах. Под ногами не путаются, а лежат себе смирненько на полатях. Да, у добрых родителей и дети на радость. Ах, голубчики вы мои сердечные, – не поленится кто-нибудь дотянуться до полатей, чтобы погладить разумные головы.

Тут, сам не знаю зачем, слезаю я с полатей и спускаюсь в голбец, снимаю с полки ножовку.

– Батюшки святы, – это тётка Ирина хлопает себя по толстым бокам. – Никак на работу собрался! Вот уж дедушка Пер на внука бы порадовался!

Я быстро вышел и стал на крыльце. Ножовкой делать было нечего. Но, раз взял, – надо что-то делать. Ступеньки рубленого крыльца огораживали резные перила. Недолго думая, я взял да и отпилил три поперечины. Не стряхивая со штанин опилок, вошёл в дом и положил ножовку на место.

– Конфет, конфет дайте работнику! – вскричала тётка Ирина.

Тогда соскочил с полатей Игорь, вышел на улицу, вернулся и громко объявил:

– Васенька-то, дитятко-то наработал! Все перила перепилил!

– Да ну! – удивился отец и вышел посмотреть.

– Да! – подтвердил он по возвращении. – Три поперечины начисто спилил!

Ремня бы надо вместо конфет!

Чтобы ничего не видеть и не слышать, я спрятал голову под подушку, не плакал, а сердито пыхтел-кряхтел.

— Выдрали? — спрашивала Лена, строго хмуря брови, готовая осудить непедагогичные действия моих родителей.

Не выдрали, конечно. Только тех поперечин и по сей день на крыльце не хватает. Отец с матерью ещё молодыми выстроили просторный дом-хоромину, амбар с погребом, баню. А я три поперечины спилил, и до сих пор поправить не сумел.

Позже, когда мы — братья и сёстры — уже подросли и стали самостоятельными городскими жителями, собрались мы как-то в родительском доме. И Игорь легко и просто сказал:

— Давай, мама, переезжай к нам, в город. А дом продадим.

Мама помолчала, задумалась.

— Продадим... А возвращаться придётся — куда приду?

— Новый дом построим, — так же легко ответил брат.

Тогда мама молча показала в окно на сбитый из досок щит возле бани. Сколотил его Игорь, когда ещё в техникуме учился, — хотел дверь заменить. А вот до сих пор не закончил.

Больше Игорь на эту тему разговоров не заводил.

Языком всё легко получается, как в сказке: ни труда, ни усилий не требуется. Жаль только, что жизнь — не сказка.

Шло время, я подрастал, беззаботно гоняя со сверстниками по деревенским улочкам. Но однажды осенью, под вечер, я крутился с друзьями возле гумна, где в ту пору молотили горох. Вдруг откуда-то примчался Игорь, ухватил меня за рукав и спешно отбуксировал домой. На столе, застелённом клеёнкой, ярко сияет керосиновая лампа, окна занавешены белыми занавесками. Меня молча усаживают за стол, передо мной раскрывают разлинованную тетрадь, в руку вставляют карандаш и говорят:

— Пиши.

— Нарисуй палку. Перед ней две загогулины. Вот так. Это — буква «В». С этой буквы начинается твоё имя.

И я пишу, пока на лбу не появляется испарина, и карандаш начинает дрожать в непослушных пальцах. Надо мной склоняются старшие братья и сёстры, отец с матерью, смотрят — что у меня получается.

— Пиши, — командует Игорь. — Тебя в школу принимают. Завтра пойдёшь в школу.

Назавтра поутру я уже не побежал на сеновалльный взвоз — любоваться солнцем и дразнить эхо за рекой, а сразу умылся, обулся на босу ногу — новые туфли оказались маловаты и с носком не налезали, поверх клетчатой рубашки мама опоясала меня шёлковой ленточкой, в ситцевый платок для меня завернула тетрадь с карандашом, и я впервые пошёл в школу.

Но первый настоящий урок преподала мне моя мама, колхозница Ёгор О́дя (Евдокия Егоровна), которая сама всего два года и отучилась в школе. Это был урок на всю жизнь. Я был уже взрослым человеком, когда впервые вспомнил эту историю. Но и теперь ловлю себя на том, что рассказываю об этом не всегда правдиво, так и норовлю отойти от полной правды, чтобы не выглядеть совсем

уж... неприглядно, как это было на самом деле. И Лене с Сашей рассказывать об этом не хочется. Тем не менее – рассказываю. И рассказываю, наверное, потому, что главное в этом рассказе – мать, её большая душа и чуткое, умное сердце.

Я в то утро сорвался в школу поспешно, даже чаю не попил. И был уже на улице, когда мама прокричала вслед: «Вася, не уходи не поевши! К чаю шоколадные конфеты есть!»

Услышав про конфеты, я замер, но всё же назад не повернулся. На большой перемене, после двух уроков, побежал домой. Дома никого. Я, конечно, тут же начал поиски, знал: мама мою долю никому не отдаст. Нашёл. На полке возле печки, в голубом блюдце лежали они, толстобокие и аппетитные. Целых четыре штуки. Я, вроде, только взглянул на них, а в блюдце – пусто, только след остался шоколадный. Слизнул – и следа не осталось.

Ну, а после школы, за обедом и случилось то, о чём я хочу рассказать.

Мама только что вернулась с пожни и спешила накормить нас побыстрее.

– Игорю с Юрай – суп да каша, а Васе – что-то вкусненькое, – сказала мама, разливая суп. Не успел я признаться, что уже успел угоститься, как мама уже стояла возле стола с пустым блюдцем и строго смотрела на сыновей.

– Кто съел конфеты?

– Не я, – сказал Юрик.

– Я, лично, тоже не ел, – заявил Игорь, – я своей долей сыт.

Я промолчал, до блеска натирая расписную ложку подолом рубашки.

– Юрик – ты. Больше некому, – строго взглянула мама на Юру. – Признайся, сынок.

– Я не ел, – сердито насупился Юра и оттого, что ему не поверили, покраснел, насупился.

И тут до меня дошло, что я оказался трусом и предателем. На сердце стало муторно, и я молча залез на голбец. А маленькая ложь неумолимо разрасталась. Мама сняла с гвоздя отцовский ремень, чтобы с его помощью заставить признаться Юрика в том, чего он не совершал. Сейчас что-то будет. Что-то такое, что все забудут об этих несчастных конфетах... Сейчас дом развалится...

– Да я съел! – кричу я с печи. Но голоса не слышно. Значит, ещё не кричу, собираюсь...

– Да кто же? – в сердцах выкрикнула мама и швырнула ремень на лавку. Игорь с Юриком тоже залезли на голбец.

Немного погодя мама уже спокойно сказала:

– Мне ведь конфет не жалко. Съели – так съели. Мне вас жалко. Конфеты-то лекарством намазаны были... От тараканов... Тому, кто съел, надо молока горячего выпить, а то заболеет и умрёт.

И мама подала на голбец стакан горячего молока.

– Пусть выпьет тот, кто съел.

– Ой, папа, – пугается Лена. – И ты выпил?..

– Выпил.

– И все догадались? – кричит Лена.

– Мда... – вздыхает Саша. – Что уж, так трудно было признаться?..

– Я же от рождения хотел быть хорошим. Ну, а если бы признался...

– Мда, – бурчит Саша. – И сколько тебе тогда лет было?

– Семь. В первый класс пошёл.

Помолчали. Вдруг Лена наклонилась и заглянула мне в лицо, пытаясь по его выражению понять, о чём в этот момент думает взрослый человек, их отец.

– Не надо было, папа, молоко пить, – говорит дочь.

– Да! – возмущается сын. – Чтобы невинному досталось!

– Никому ничего бы не досталось! А конфеты мыши съели или тараканы, – защищается Лена. – И нечего было обманывать про лекарство.

– Надо было, – успокаиваю я дочку. – Маме надо было знать, кто из детей может струсить, по кривой дорожке пойти.

– Ну, а братья?.. Они тебе «пару ласковых» не сказали? – усмехается Саша.

– Нет. Даже не вспомнили ни разу. Вот такие у меня братья, Саша. – Наставительно отвечаю сыну. – Наоборот: стали меня защищать, вот как Лена сейчас...

– Пап, – тихо спрашивает Лена. – Ты ведь больше никогда не обманывал?.. – и заглядывает в глаза, и хочет услышать – «нет».

Уже в кровати Лена позвала меня к себе. Я вошёл: дочка лежала под одеялом, только русая головка виднеется.

– Что, Лена?

– Пап, – немного помолчав и глядя в потолок, отозвалась Лена. – Пап! Ты, пожалуйста, никому больше об этом не рассказывай.

– О чём?

– Сам знаешь. Даже маме. Нам рассказал, и хватит. Ты – хороший. И мои девочки говорят, что твой папа хороший. А тогда ты ещё маленький был. Я вот тоже почему-то конфет хочу, и тоже почему-то, и тоже почему-то...

– Что, Лена?

– Другой раз и потихонечку ищу. Чтобы никто не видел. Вот хочется конфет – и ничего не могу поделать. Честное пионерское. Мы с тобой одинаковые, папа!

– Ну что ты, Лена. Ты у нас хорошая. Спи спокойно и ни о чём не думай. Завтра в школу рано.

– И ты тоже спи. Спокойной ночи, папа. Пап, живот опять болит, правый бок...

– Завтра же пойдём к врачу, – мне стало не по себе. Врачи уже давно просили положить Лену в больницу на обследование, а всё тянем.

– Пройдёт, папа. Чуть-чуть только болит. Покалывает.

Я на цыпочках ухожу в свою комнату. И не только потому, что не хочу шуметь. В себе самом я слышу что-то доброе и тихое, что-то, что не даёт ступать твёрдо и уверенно...

И снова не могу сесть за стол, чтобы писать. Думаю-переживаю о Ленке, о себе, о своей семье. Уже поздно ночью записываю в тетрадь: «Мама. Первый урок. Мама, простая колхозница, показала мне: быть хорошим так же не просто, как и вырасти до неба и никогда не состариться. Плохими или хорошими не рождаются. И так же, как учится человек читать и писать, должен человек учиться быть Человеком. Каждый день. Всю жизнь. Всю жизнь и каждый день. И в этом смысле радость жизни».

Перевод Виталия Шахова.

Продолжение следует...

Алёна Ельцова: «У каждого живущего на этой земле есть своя звезда»

С 14 по 16 июня этого года в финском городе Лахти прошла Международная встреча писателей. Она проводится традиционно раз в два года, приглашаются на неё поэты и прозаики со всего мира. Россию и Республику Коми на этом форуме представляла Алёна Ельцова. Это стало поводом для нашей беседы с ней.

— Алёна, в чём смысл писательских встреч в Лахти? Насколько они интересны для поэта?

— Я впервые была за границей, и мне было интересно всё. Познакомилась с писателями со всего мира — Канады, США, Великобритании, Японии и даже Зимбабве. Каждая такая встреча в Лахти имеет свою тему. В этом году устроители предложили дать своё понимание выражения «иными словами». Что для литератора означает писать иными словами? Каждый из нас стремится по-своему выразить индивидуальность, поэтому речь поэта отличается от обыденных разговоров. У каждого свои особенности стиля, особенности литературной работы. Тема была дана не научная, а дающая возможность передать своё видение природы творчества.

— Поэт — это и есть человек, говорящий иными словами?

— Поэту дано видеть жизнь, людей и себя в ней иначе, чем всем остальным. Его нерв обнажён, и он ближе к сердцу воспринимает всё происходящее в своей судьбе и в окружающем мире, выражая своё отношение в слове. Он не просто видит вещи, предметы, а пытается проникнуть в их суть. Современный мир, предельно материализованный, относится к слову лишь как к средству передачи информации и способу бытового, материального общения. В повседневности оно стирается, блекнет, теряет своё истинное первоначальное значение, покрываясь, как коркой, множеством дополнительных смыслов. Поэт — человек, который ищет, как освободить его от шелухи ненужных наслоений, как придать ему изначальное, истинное значение, возвратить первородную силу. В своём творчестве он возрождает, воссоздаёт то слово, которое способно убить и вновь воскресить, «способно остановить солнце и разрушить города», слово древних молитв и заклинаний. В литературе, складывавшейся веками, не так много тем, и самая важная задача для каждого писателя — найти себя, обрести свою индивидуальность и свой голос, рассказать миру о себе своими словами. Главное в поэзии — «научиться различать в ветре слов редкие крупинки семян, которые дадут в будущем всходы». Писать и говорить *иными словами* для меня — это значит искать и найти в себе, в бездонно-глубоких колодцах своего родного языка слово, способное глубоко и точно раскрыть все движения моей души.

— Если настоящий поэт принципиально говорит иными словами, то рассчитывает ли он на понимание или это неизбежно?

– Поэт говорит *иными словами*, в которых раскрыт изначальный смысл, но он говорит ещё и истинными, настоящими словами.

Именно поэтому они доходят до сердца и изменяют людей.

Человек, пишущий стихотворение, словно ощупывает темноту: во тьме множества слов он ищет свои, единственно верные, способные выразить всю силу его эмоций и переживаний. Постепенно он находит их – одно за другим, как отдельные части большого целого. А потом они сливаются в произведение, из неопределенной тьмы словно вырастает единая метафора, образ, мотив.

Говорить и писать иными словами – это, прежде всего, желание того, чтобы люди – читатели – услышали тебя. Услышали и поняли твои мысли, твои переживания, почувствовали твою боль и твою радость. Это стремление к тому, чтобы люди увидели мир твоими глазами, чтоб их дыхание на какой-то миг совпало с твоим дыханием. Поэт, словно чужеземец, пришедший из другого мира, говорит на ином языке. Но в то же время говорит об общечеловеческом и хочет быть услышанным и понятым. Это возможно в том случае, когда найденное слово необычно вложенными в него чувствами, их оттенками. Это могут быть яркое, необычное сравнение, метафора, новый взгляд на действительность. Необычайность, новизна, сказанное иными словами притягивают, привлекают внимание и имеют сильное воздействие на эмоции человека.

– Как ты определяешь, что нашла необходимые иные слова?

– В слово, выбранное мной, должна быть вложена огромная сила, в нём – все мои чувства, все печали и горести, вся радость и всё счастье. От них оно становится тяжёлым, как камень, или лёгким, как снежинка. Оно видится мне большим сильным деревом, врастающим своими корнями глубоко в землю, а вершиной дотягивающимся до самых облаков. Я могу сказать в стихотворении что-то очень простое и обычное, что уместится в одной фразе, но внутренне наберу силу в ней, пущу ветви, корни и прикоснусь к сердцу читателя. Слово – это и птица, прикасаясь к каждому человеку своим широким крылом, и вместе с тем – словоогонь, внутренняя боль, которая стекает по моему лицу горячей обжигающей слезой.

– Поиск своего стиля, своего взгляда – это и создание новых образов, создание образной речи?

– Художественный образ – это всегда сказанное по-иному, другими словами. В каждом новом произведении он может иметь свой оттенок, свой смысл, соответствующий мыслям, чувствам поэта. Например, осенний лист на дереве – это уже не просто лист: в одном стихотворении он может предстать в образе лодки, уплывающей по холодной осенней воде, в другом – в образе осколков разбившегося солнца или золотого богатства осенних деревьев, в третьем – горстка опавших листьев – словно стая птиц, улетающих на юг, в четвёртом – едва слышное падение листьев на землю может сравниваться с уходящим, затихающим отзывом чьих-то шагов по дороге:

Услышишь в ночи мои шаги,
Но это – опавшей листвы шорох.

Её уже не вернуть назад –
Всё разметал ветер.

Так же и дождь: образ дождя в стихотворениях может быть множества оттенков. Это образ короткого утреннего дождя, приходящего как гость в дом, образ озорного летнего дождя-мальчишки, шаловливо бегающего по тёплым лужам, образ осеннего холодного дождя – символа прощания:

Откроешь двери в белые дожди –
Осень неслышно войдёт в твоё сердце.
Только коснёшься листьев –
Листья холодны, как сны.
Вот и тихо угасает в них жизнь.

– *Знаю, что ты ёшё и рисуешь. Не в этом ли истоки и твоей образной речи?*

– Бывает так, что я хочу написать стихотворение, а появляются маленькие картинки или прозаические миниатюры. Кажется, что в этот момент слово, которое я хотела сказать, облачилось в другую форму, высказалось по-иному, и в результате получился рисунок, чёрно-белый или цветной, или не стихотворение, а проза. Это другие источники раскрытия моей души, моего сердца. Рисунки – это не стихи, написанные словами, но я всегда воспринимаю их как стихи, ведь и в этих маленьких картинках – отражение моей души, моего внутреннего мира. Это те же стихи, просто в них они высказаны иным образом, иначе, по-другому. В моих рисунках – это дверь, раскрытая из дома-души в окружающий мир, полный ярких красок и цветов; сны, как лёгкие мотыльки, порхающие перед взором человека; ночь, протягивающая свои руки, одетые в чёрные перчатки, к небу; река, в которой отражаются глаза глядящего в воду человека. Иногда спрашивают – это иллюстрации к стихотворениям или это отдельные рисунки? На самом деле это не иллюстрации, это душевые созвучия, и они имеют своё значение.

– *Чем обусловлен твой выбор той или иной художественной формы?*

– Создание стихотворения вызвано чувством, оно в нём преобладает и является его первоисточником; в прозе – на первом месте мысль, в рисунке – мгновенный образ, вставший перед глазами. Поэтому, в зависимости от возникшего желания – выразить чувство, оформить мысль или запечатлеть образ я и выбираю соответствующую форму.

Соединение в литературном произведении различных жанров и видов искусств, например, прозы и поэзии, искусства изобразительного и поэтического, открывает больше возможностей и способов самовыражения. Например, для меня стихотворение в прозе представляет такую литературную форму, в которой больше свободы по сравнению со стихом, но в то же время эта форма позволяет ввести в текст произведения лирическую, поэтическую струю, так свойственную поэзии: «У каждого живущего на этой земле есть своя звезда. И каждый человек, просыпаясь утром и засыпая ночью, смеясь и плача, идёт своей дорогой, приближая встречу со своей звездой. Я лежу на поверхности твоих мыслей, гляжу небу в глаза и никак, никак не могу найти в них своё далёкое счастье. Моя звезда, мой тихий мерцаю-

щий свет рассыпался по осенней земле белым неслышным снегом, чтобы согретая, посветлевшая земля видела сегодня мои самые счастливые сны».

Современная литература всё больше стремится к смешанным, гибридным формам – прозаическим миниатюрам, стихотворениям в прозе, свободному стишу. Современному поэту и писателю становится тесно в рамках классических устоявшихся форм, и он стремится освоить новые формы, чтобы выразить себя по-иному.

– *Ты считаешь себя поэтом или поэтессой?*

– Этот вопрос часто обсуждают в литературных кругах. Но я не очень задумывалась об этом. Могу сказать, что слово «поэт» лучше звучит, но если меня назовут поэтессой, то не обижусь. Я человек, который пишет стихи.

– *Тебя уже в 19 лет приняли в Союз писателей России. Когда ты начала писать?*

– Самое первое детское стихотворение написала в 10 лет, когда училась в третьем классе. К нам в школу пригласили поэта Василия Лодыгина. Он читал свои стихи для детей, и потом решил объяснить, как их пишут. Помню, он прямо на доске стал рисовать схемы размеров. А, уходя, сказал, что если у кого-то напишется стихотворение, то его можно принести в редакцию газеты «Ленинский путь», сейчас она называется «Голос пармы». На следующий день весь класс принёс Василию Лодыгину стихи – 30 человек, и я в том числе. Стихотворений 10 было опубликовано. Редакция передала через учительницу, что можно и дальше писать. Однако постепенно мои одноклассники стали всё меньше приносить в газету свои лирические творения, пока от всего класса я одна и осталась.

– *На Высших литературных курсах ты посещала семинар Юрия Кузнецова. Какие впечатления у тебя остались?*

– С первого занятия я поняла, что всё будет очень серьёзно. Он казался мне строгим, а я приехала из глубинки – побаивалась его взыскательности. Я даже удивлялась, что он взял меня в свой семинар. Мастера же сами выбирают себе авторов. Юрий Поликарпович сразу сказал, что работать с поэтами, пишущими на национальных языках, ему будет сложнее. Он сможет разбирать их творчество только через подстрочки. Оценивал в основном образы. Я не пропустила ни одного семинара, это была хорошая школа.

– *Ты стихи Юрия Кузнецова любишь?*

– Отношусь к его творчеству с уважением. До ВЛК не была знакома с его стихами. Когда поступила к нему на семинар, стала читать – заинтересовалась. Видела, что он очень влияет на русских авторов. Некоторым он прямо говорил – ты не поэт, и тебе не надо писать. Мне такого не сказал.

– *Кого он считал поэтом?*

– Себя. Он был очень сложный человек.

– *Его порой называют современным русским поэтом номер один. Ты согласна с таким определением?*

– Он больше сам себя так называл.

– *А у тебя какие литературные предпочтения?*

– Арсений Тарковский, Гарсиа Лорка, Вениамин Чисталёв.

– *Вениамин Чисталёв – это и твоё научное увлечение?*

– Я заканчиваю аспирантуру. Тема моего диссертационного исследования «Ритмическая организация произведений Вениамина Чисталёва». Научный руководитель Валентина Александровна Лимерова.

– *Твои стихи можно назвать камерными. Тебя никогда не привлекала гражданская лирика, общественные темы?*

– Я пишу о себе, о своих чувствах. Но если я даже пишу о дереве, которое одиноко растёт в поле – это тоже о Родине. Стихи на любые темы – так или иначе выражают моё отношение к Родине, современности.

– *Твои стихи биографичны?*

– По моим стихам можно узнать мою жизнь. Сложить мнение обо мне как о человеке. Если я не буду писать о себе, то я вообще не буду писать. Весь мир, который вокруг меня, который я вижу и чувствую, отражается во мне. Потом выливается в стихи. Я не могу и не хочу придумывать себя. Это мой творческий принцип!

– *Почему у молодой коми поэзии в основном женское лицо?*

– Не вижу в этом какого-то особого знамения. Мне кажется, что просто так получилось. Хотя Арво Валтон считает, что наступило такое время, когда женщина должна спасти мир. И поэзию и язык. И народ свой. И она делает это в своих стихах. Ещё я думаю, что так много женской поэзии, чтобы появился настоящий поэт. И он наверняка будет мужчиной.

– *Насколько остра для тебя проблема перевода твоих произведений на другие языки?*

– Коми поэзию в последние годы много переводят на финно-угорские языки, а также на русский, английский. Для меня очень важно, когда в моём стихотворении, переведённом на другой язык, сохраняются мои образы и настроение. Иногда переводчикам это удается, иногда – не очень. Легче всего переводятся описательные, пейзажные моменты стихотворения. Переводчики красиво и выразительно переводят эти места на другой язык, находя для них яркие, выразительные слова. Например, русский поэт Владимир Цивунин строку из моего стихотворения: «И Луна – в чёрной воде дрожит мотыльком» перевёл «И лунная тень на воде вьётся бабочкой тонкою...». Очень хорошо была переведена им и такая строка «А река спит. Река видит сны», на русском она прозвучала как «И спит река, исполненная снов».

Гораздо более трудной задачей для переводчиков оказывается передача словами иного языка стихотворений о душевных переживаниях, чувствах, внутреннем мире человека. В переводах таких стихов часто происходят изменения: появля-

ются новые образы, которых нет в оригинале, новые метафоры. Кажется, что переводчику не хватает слов нового языка для того, чтобы передать то, что сказано поэтом в его стихотворении. При таком переводе стихотворение многое теряет. Так, например, в моём стихотворении была строка, в буквальном переводе звучавшая как: «В моём сердце останется твой далёкий голос». Переводчиком Сергеем Журавлёвым она на русский была переведена как: «Я не останусь в осени одна, возьму в дорогу голос твой бездомный». Голос далёкий и голос бездомный – большая разница, меняющая даже смысл стихотворения.

– В Лахти обсуждались проблемы перевода?

– Специально нет. Но обозначалось, что, когда произведение поэта переводится на другой язык, то оно тоже начинает звучать иными словами, на ином языке.

Завершал Международную встречу писателей Вечер интернациональной поэзии. Все читали свои произведения на родных языках. Мне было очень интересно, некоторые языки я слышала впервые. Читали японские танка и хокку. Поэтесса из Великобритании читала, например, по-валлийски. Она рассказывала о себе, о своём творчестве, о проблеме двуязычия. Мне это было близко. Она живёт в двуязычной обстановке. Её родной язык – валлийский, а рядом – английский. Сначала пишет на валлийском, а потом, чтобы иметь большую аудиторию, переводит свои стихи на английский.

– Кто-нибудь заинтересовался переводом твоих произведений?

– На заключительном интернациональном вечере в Лахти были прочитаны переводы моих стихотворений на финский, выполненные Паулой Кокконен и Райей Бартенс. Я сама заинтересовалась творчеством эстонской поэтессы Кристины Эйхин. Познакомилась с её стихами в английском переводе, хотелось бы перевести их на коми. Я попросила, чтобы она прислала мне свои произведения. Она согласилась. Но придётся переводить только с русского подстрочника, эстонского я не знаю.

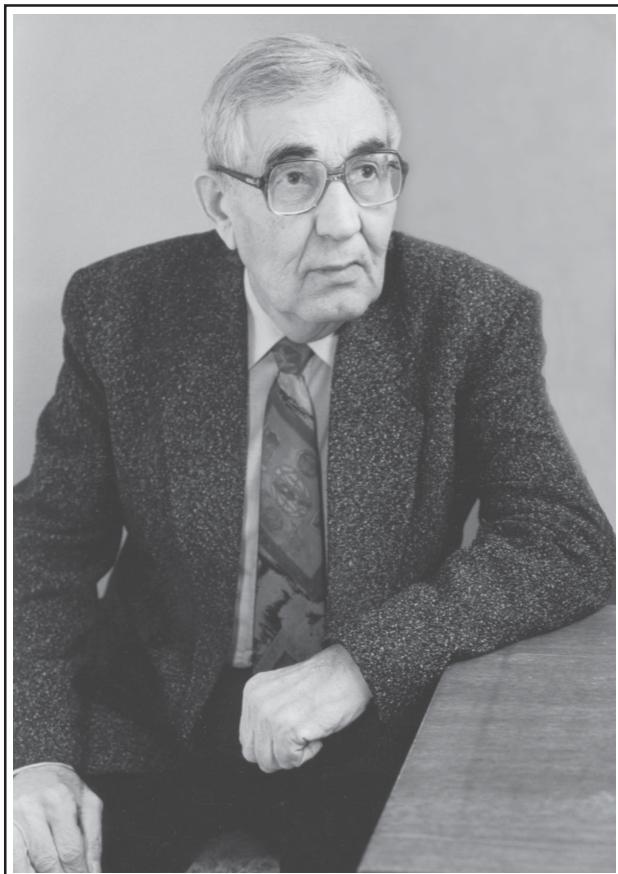
– Готовишь ли ты к изданию новый сборник?

– В ближайшее время не планирую издание своей книжки. Пока буду заниматься её подготовкой – собиранием иных слов.

Беседовал Андрей Попов.

Геннадий Анатольевич Юшков (1932 – 2009)

Муніс олёмсыыс Поэт... Геннадий Юшков. И быд коми морт, коді гёгёрвоö тайö гижысысылыс тёдчанлунсо, талун вермас шуны: сылён гижёдъясыс шонді моз шонтёны ловнымёс, шонді моз чужтёны миянын лача, шонді моз югзьёдёны туýнимёс...

Муніс Поэт... Но муслунсо колис уна кывбурын да висыт-повесытын, романъын да пьесаясын... Кывлыссы эрдёдём съёлёмсо колис миянлы... Мед ми сёвмим да лоим бурджыкёссы, мед сяммим мёвпавны олёмнымёс, мед биваёс моз видзим чужан кывнымёс. Бörъя кадас быд кывбур сылён – коми йёз дорё шыёдчом: пыдди пуктой асьныдтö кыздзи войтырёс, эн сетой увтыртны кывсö... И став шог-майшасьомыс гижысылён пыр вölі коми мортлон аския лун понда.

«Радейтан ёльлань ме восьлала бара...»

* * *

Эм енәжын сизима кодзув,
 А сы улын пармаа му,
 И Эжва, кысь юлывла соддён,
 И нöрыс, кён пöльёлён гу.
 Но мёвпой век косодлö бöрö,
 Мый пöльёлён пöльыс тшотш тась.
 И найолысь лов-вира гöрöд
 Ни черён, ни биён он разь.
 Ме татён жё олысь и кулысь,
 И эскёмён сьёлёмой тыр,
 Мый сизима кодзувыс улысь
 Веж пармаа мусыс оз быр!

* * *

Уджавны, мёвпавны, нюмъявны
 Чужи веж му вылас ме.
 Та вöсна кöсъя, мед лунъясыс
 Югыдöсь вöлiны век.

Та вöсна кöсъя, мед поломыс
 Аскисыс йöзлён эз ло,
 Та вöсна кöсъя, мед оломыс
 Шыалис – помыс эз во!

* * *

Узымёдчыс вёр-вавыс лолалö арён.
 Радейтан ёльлань ме восьлала бара.
 Кудрия тугана пожомъяс танi
 Сяльёдчыс ёльыслы кайёны паныд.
 Лысваыс на вылысь сикётш моз киссыö.
 Китыра розъяса пув сийён мыссыö.
 Алькös ёль берегын галаяиз уна,
 Дозмёр сэн кокасьё, ваткыльтö-мунё.
 Кежа ме бокёджык: пельсис пу вёрö,
 Бия гöрд пельсисён чёсмасьё йöра.
 Пыркнитiс сюръяснас, поломсö венiс,
 Лапнитiс пельяснас важ тöдса менам.
 От сийёс манит, а водзö ёль пöлён

Восьлала сэтчань, кён чипсасьё съёла.
Лунтыр ме ветла, кёть кок йылысь уся,
Мудзомыс тайё мен зэв жё нин муса.
Мортыс ме коми, а комиыд, тёдад,
Кулас да вёлисти вёр-васыд пётас.

* * *

Чужан кывыйсь эновтчам кё ми,
Ас костаным сёрнитны кё дугдам,
Кыдзи Эжва пукто лыа ді,
Сідзи кадыс миянёс и пуктас.

Ловъявылысь вошам – туй ни горт,
Да и бырам му вывсыыс, кыдз войтыр.
Зэв нин шуас кодкё тёдысь морт,
Комияс по овлёма-сь тан войдор.

* * *

Коркё долыид, коркё шогё волан,
Коркё, гашкё, ковмас сетны лов...
Оти олём му вылас и олан,
Да и сийёс кокныда он ов.

Пайтём мортыс некод абу татён,
Съёкыдыс мед сы выйті эз мун.
Олём чёжыд пыжён быттёй катан,
Визув паныд сынан лунысь-лун.

Весиг шудыд овлё курыд сора,
Лючки-бура ставыс оз на ло,
Сэсся-й коркё овны таладорас
Кольё тэныд сёмын лыда во.

Он и тёдлы, съёлёмыд друг сувтас,
Кылан на кёть олёмислысь кёр,
Сэки уна-уна ёшинь увті
Вевта пыжён кывтан татысь бёр.

Медым вёрыс мукёдлы сэк вашкё,
Югыд мусё мавтё шонді-борд!
...Но, а тэнё казтыласны, гашкё,
Эз по вёвлы шыбитана морт.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 100 работ общим объёмом более 130 п.л., в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксёй – Сотворение мира» (2005).

Опыт самоуничтожения: трагедийность бытия коми народа в романах Г.А. Юшкова

В 1981 году в Коми книжном издательстве вышло первое крупное произведение Г.Юшкова – роман «Чугра», а немногим погодя, в этом же году, московское издательство «Современник» опубликовало его русскую версию в переводе с коми Луизы и Александра Рекемчук. Роман сразу был признан событием культурной жизни общероссийского масштаба, поэтому уже в 1982 году Г.Юшкову за этот роман была присуждена премия Союза писателей РСФСР. Признание более чем закономерно, если учесть, что выход романа стал итогом двадцатилетней работы писателя, в ходе которой ему пришлось не только побывать в тех местах, где разворачиваются события романа – в верховьях Печоры, в Ухте, но и в некотором смысле принимать участие в этих событиях, общаясь с геологами и коренными печорцами – охотниками, крестьянами, староверами. Роман не был обойдён вниманием литературной критики, библиография которой достаточно солидна,¹ хотя сами мнения критиков и не отличаются особым разнообразием. Фактически все они сходятся во мнении, что роман представляет собой крупномасштабное эпическое произведение, основной темой которого является освоение Севера. Авторы статьи в ИКЛ отмечают, что «Г.Юшков продолжает исследование промышленного освоения Севера, начатое коми писателями старшего поколения (В.Савин «Чибью», В.Юхнин «Огни тундры»). Он убедительно показывает, какие огромные трудности необходимо преодолеть геологам, бурильщикам, учёным, чтобы поко-

¹ Литература об отдельных произведениях и сборниках // Геннадий Анатольевич Юшков. Библиографический указатель / Сост. Е.М. Дёмина. Сыктывкар, 2004. С.76.

рить Чугру».¹ А.К. Микушев пишет, что «тема освоения Севера придаёт роману особую масштабность и панорамность. Его главные герои – истинные труженики-хозяева, радеющие за общеноародное дело, – геологи, буровики (Самарин, Тихомиров, Павел Бажуков и др.) и их скрытые и явные противники, думающие только о собственных карьеристских и шкурнических интересах».² По мысли критиков, сама тема романа определяет вектор деятельности положительных героев, направленный на освоение природных богатств ради всего общества, в то время как вектор деятельности отрицательных героев направлен только на удовлетворение собственных, корыстных интересов. Пересечением данных двух векторов обусловлен конфликт романа, который, таким образом, находится одновременно и в производственной, и в личностной сферах. А.К. Микушев выделяет в романе две главные сюжетные линии, охватывающих значительный круг событий, и взаимосвязанные друг с другом. Одна из них «раскрывает эпопею освоения Севера, а другая – эпопею жизни печорской семьи Бажуковых».³

По-видимому, никакой иной интерпретации романа в то время и быть не могло, поскольку принятая в искусстве марксистская доктрина допускала широкомасштабное рассмотрение индивидуальных характеристик героев только на фоне эволюции объективированных производственных отношений. В связи с этим, существенный конфликт произведения строился по схеме революционной смены одних производственных отношений другими, а герои являлись носителями идеологии регressiveных и прогрессивных производственных отношений. По этой схеме в 1960–70-е гг. в рамках советской литературы было создано немало романов-эпопеи, многие из которых обладают выдающимися художественными достоинствами. Вполне естественно, что написанный в те же годы роман «Чугра» был «прочитан» и интерпретирован в соответствии с принятыми установками, между тем, при непредвзятом прочтении романа обнаруживаются смысловые линии, важные для понимания романного целого, но игнорируемые критикой. Первая сюжетная линия романа разворачивается в рамках традиционного исторического повествования, и охватывает период с 1919 по 1970-е годы. Как правило, тема «освоения Севера» в литературе вызывает неизменно положительную интерпретацию, поскольку предполагает государственную программу, направленную на добычу и использование природных ресурсов Севера. В этом смысле «освоение» является одной из версий служения государству, поэтому литературные герои, «осваивающие Север», а, значит, действующие во благо государства, с точки зрения метода социалистического реализма, должны быть канонически положительными. Вместе с тем, «осваиваемый» Север на самом деле уже давно освоен проживающими здесь коренными народами, в том числе и коми, поэтому дополнительное, промышленное «освоение» Севера означает в буквальном смысле вторжение на обжитые ими территории, разрушение векового уклада их жизни, их культуры, религии, всего того, что они понимали под словом «родина». Что же даёт взамен «освоение» коми народу? Каковы перспективы его жизни на «освоенной» государством земле его предков? Вторая сюжетная линия романа, история семьи Бажуковых, должна дать ответы на эти вопросы.

¹ Пахорукова В.В., Дёмин В.Н. Геннадий Анатольевич Юшков // История коми литературы. Сыктывкар, 1981. С. 321.

² Микушев А.К. На таёжных просторах. М.: Современник, 1981. С. 241.

³ Там же. С. 241.

Роман начинается с описания горы Чугры, каменной сопки, одиноко возвышающейся посреди болот. Смыслоёмкость этого образа в романе, пожалуй, никогда не вызывала сомнений. Все исследователи и критики сходятся в том, что Чугра символизирует богатства северной земли, «преобразуемую печорскую глухомань», и, одновременно, «обновляемый народный характер коми».¹ В.В. Пахорукова сравнивает описание Чугры с описанием сложного образа мира в средневековой пластике пермского звериного стиля и приходит к выводу об их семантической идентичности. Тождество образа Чугры с универсальным мифологическим описанием мироздания, по мысли исследователя, является смысловым центром всего романного действия.² Надо полагать, что Чугра – это обобщённый образ всего северного мира – природного и человеческого, и как таковой, он символизирует его незыблемость и вечность. «Освоение»-разрушение мира Чугры – это и есть основной конфликт, положенный в основу сюжета романа. Понимание этого вводится в сюжет романа исподволь, не сразу. Композиция романа не предполагает чёткой временной последовательности событий, сюжет строится на комбинировании дискретных исторических планов, в которых прошлое и настоящее, реальность бытовая и реальность символическая перетекают из одного состояния в другое, организуясь в единую субстанцию, где сама последовательность событий вроде бы не имеет решающего значения. В центре повествования – судьбы трёх поколений семьи печорских крестьян-старообрядцев Бажуковых. Три поколения соответствуют трём переломным моментам в истории всего печорского края, навсегда изменившим теченье его жизни. Начало романа посвящено событиям семидесятых годов XX века, читатель сначала знакомится с героями романа – Ревеккой и Павлом Бажуковыми, Иваном Самариным, затем в пятой главе действие переносится к событиям 1919 года, и читатель узнаёт о жизни Виринеи, бабушки Павла Бажукова. Такое композиционное построение сюжета не случайно, семидесятые годы XX века, по мысли автора, характерны тем, что конфликт между «покорителями» и Севером, Чугрой, уже развернулся в полную силу и, стал, кажется, близок к некоему финальному разрешению. Вся «производственная» линия сюжета посвящена поискам героями «большого газа», обнаружение которого будто бы даст перспективу для развития всего края. Что касается событий 1919 года, то именно они и положили начало этому конфликту. Село Горвадин, в котором происходят события, не является земным раем. Сельское общество расколото на богатых и бедных, сильных и слабых, и для Виринеи, оставшейся без мужа, наступают суровые времена. Сельский богатей Евстахий может помочь хлебом, но в плату за него просит охотничье угодье мужа. Это значит, что удовлетворив сиюминутный голод, она в дальнейшем обречёт своего сына на жизнь вечного батрака. Виринея идёт наперекор воле Евстахия, и, чтобы выжить, ловит рыбу в тоне чердынского купца. С точки зрения традиции, это неправильно, но революция и гражданская война уже сломали традиционный строй жизни. Тем не менее, Виринея чувствует свою неправоту, поэтому, после победы белого мятежа, отдаёт пойманную сёмгу Евстахию, как представителю хозяина тони. Но Виринее не нужна и правда Самарина, пришедшего с отрядом красноармейцев для проведения продразвёрстки. Может быть, хлеб изымается у хозяев и с благой целью, но это чужое добро, и

¹ Микушев А.К. Указ. соч. С. 240.

² Пахорукова В.В. Роман «Чугра» в контексте пермских литератур // Арт, 2002. № 2. С. 115.

его изъятие с точки зрения крестьянина было равносильно грабежу. Поэтому Виринея во время мятежа принимает сторону не Самарина, которому даже симпатизирует, а Евстахия. Виринея стремится стать хозяйством своей жизни. Она строит дом на сосновом юру возле деревни Югыд Ляга, и в этом ей не могут помешать ни Евстахий, ни, тем более, чердынский купец. Однако новой власти не нужны самостоятельные хозяева, хозяином может быть только государство, Виринею, как не вступившую в колхоз, обкладывают непосильными налогами, а затем и вовсе ссылают в лагерь. Её сын Арdal'yon вынужден вступить в колхоз, чтобы прокормить семью и не стать изгоем. Он поселяется в деревне, но Виринея, вернувшись из лагеря, не может смириться с утратой своего хозяйства, своей личной свободы, поэтому она возвращается в родной дом только для того, чтобы умереть в нём. Судьба Арdal'yon'a, единственного сына Виринеи трагична. Оклеветанный односельчанином, он отбыл срок в лагере, но его, стремящегося домой, мобилизовали на войну. В целом, в отличие от Виринеи, Арdal'yon принял новую власть, но в силу несправедливости приговора, он уже не доверяет ей, поэтому мобилизацию без разрешения побывать дома также считает несправедливой и сбегает от неё. Арdal'yon не трус, в этом побеге им движет не страх передвойной, а, скорее, чувство родины, без свидания с которой уже не милы ни жизнь, ни смерть. Ревекка, его жена, фактически отказывается от мужа-дезертира, и Арdal'yon вынужден просить помощи Гурия, сына Евстахия, сгинувшего в лагерях. Это объединение двух изначально враждебных по отношению друг к другу героев символично. Гурий, несмотря на то, что несколько негативно описывается автором, по сюжету романа фактически является хранителем традиционных крестьянских и старообрядческих ценностей. Арdal'yon переходит в его лагерь, точно также как некогда поступила Виринея, примкнув к Евстахию во время белого мятежа. Символично и то, что Арdal'yon поселяется в землянке у подножия горы Чугры, как бы став её частью, частью самой природы, родины. Ревекка, его жена, становится вдовой при живом муже, и, отказавшись от него, она как бы наказана самой природой бездетностью. Единственный сын, Павел, прижитый с Арdal'yonом, ненавидит своего отца-дезертира и совершенно индифферентен по отношению к своей родине. В отличие от своей матери Ревекки, Павел получил полностью советское воспитание, поэтому он находится в стане покорителей природы. Если его бабушка, Виринея, не признаёт правоту командира продотряда Самарина, то Павел Бажуков считает Ивана Самарина, сына красного командира, своим старшим наставником и другом.

Вековая жизнь была взорвана некогда красными отрядами, а новая власть лишила крестьян права быть самостоятельными хозяевами на своей земле, предложив взамен право на коллективное хозяйство, право быть хозяевами всем сообща. Однако к описываемым семидесятым годам колхоза уже нет, и бывшие крестьяне работают в подсобном хозяйстве сплавной конторы и на сплаве. Зато в селе есть магазин, обильно снабжающий их спиртом, так что молодым людям, родившимся в селе, есть только две дороги: спиваться, работая на сплаве, или уезжать из родных мест, как это делают Павел Бажуков или Алексей Мезенцев, которого мать отсылает на буровую к Павлу. Другого выхода для коми человека, видимо, нет, и всё-таки автор не на стороне покорителей Чугры. Павел, став одним из них, будто бы лишается её покровительства, покровительства природы.

У него нет детей, его жена, Галя, оставляет его, давая возможность ему вторично жениться, и он с какой-то немужественной готовностью принимает её решение. Ангелина, дочь Гурия, по замыслу автора должна стать второй женой Павла, но для этого вынуждена фактически предать своего отца и отказаться от христианской веры. За скобками остаётся вопрос: будет ли счастлив такой брак? Автор не даёт на него ответа, как не даёт и ответа на поставленный романом вопрос: нужен ли коми народу город буровиков, построенный на месте Чугры?

Тема отказа от веры и жизненного уклада своих предков, обозначенная в романе «Чугра», многократно усилилась в следующем романе Г.Юшкова «Рёдвуж пас» (Родовой знак), публиковавшегося на страницах журнала «Войыв кодзув» в течение 1984–1987 гг. Сам Г.Юшков в интервью Н.Буриловой об этом говорит так: «Что-то мне удалось рассказать о народной трагедии. Именно что-то – многим в романе «Чугра» я вынужден был поступиться. Судьба нового романа в этом смысле кажется, сложилась более счастливо».⁷ Действие романа охватывает период жизни коми деревни от конца двадцатых годов по восьмидесятые годы XX века. В центре повествования описание жизни и судьбы коми крестьянина Проко Васьки – Василия Прокопьевича Русанова, и это давало формальный повод сравнивать роман с жанром жития. Однако житие не предполагает подробных биографических описаний, оно показывает, насколько жизненный путь подвижника соответствовал житийно-биографическим моделям духовного возрастаания других святых и, первую очередь, земной жизни самого Спасителя. Жизнеописание Проко Васьки строится по иному принципу: в его начале, соответственно – детстве героя – находится точка максимальной близости героя духовным ценностям, завещанным предками, затем, на уровне юности, происходит отказ от них, а в старости приходит понимание катастрофических последствий этого отказа. Композиционно роман строится как ретроспекция от настоящего к прошлому: герой, на закате жизни, размышляет о своём жизненном пути, обнаруживая в нём факты, значимость которых в полной мере осознаётся только сейчас. Ровесник революции, для Проко Васьки она является деянием более старшего поколения, в том числе и его отца, поэтому он не может воспринимать её негативно. Она свершилась во имя справедливости на всей земле, и эта благая цель будто бы оправдывает даже такие «ошибки», как расстрел красноармейцами его деда Семёна. Собственно, революция и положила начало тем изменениям в жизни крестьян, деревни, да и всего народа, которые привели к катастрофическим последствиям, наблюдаемым Проко Васькой в конце жизни. Тем не менее, её начало ещё захватывает тот древний уклад, которым жили предки героя. Прежде всего, это умение жить в одном ритме со всей природой, чувствовать её и понимать каждое её движение. Знак рода на родовом охотничьем угодье – это не просто обозначение его принадлежности к собственности рода, но и обозначение принадлежности рода этому угодью, каждому дереву на нём, каждому зверю и птице. Зарубки родового знака, соответствующие членам рода, говорят и о том, что все они вышли из природы, и вернулись в неё после смерти.

В романе два основных символа, вокруг которых созидается мир коми крестьянства. Это пас – родовой знак, связанный ещё с языческой древностью, и цер-

¹ Г.Юшков. На старых вырубках. Интервью с Н.Буриловой // Литературное обозрение, 1989. №. 2. С. 43.

ковь, как знак высшей, Божественной правды на земле. По сути, роман о том, как люди меняющегося послереволюционного мира отказываются от того и другого во имя неких новых призрачных ценностей. Когда Проко Васька вырубает парму на лесоповале, он слышит от технорука-особиста объяснение, что на месте вырубленного леса будут расти пальмы и виноград. Символом нового времени становится разграбленная церковь с покосившимся куполом и неистребимым запахом отхожего места из дверного проёма, оставшимся после того, как здесь останавливали на ночь «врагов народа», которых гнали по этапу в лагеря ГУЛАГА. В новом мире нет места ни родовому знаку, ни Божественной правде, во имя чего же отказываются люди от того и другого? Постаревший Проко Васька понимает, что пламенный революционер Онтон Иван, ради «справедливости» расстрелявший деда Семёна, отобравший у его отца часть родовых угодий, и, возможно, убивший его самого, на самом деле руководствовался корыстью, а все они принимали это как должное, верили или притворялись, что верили в справедливость, для того, чтобы выжить. И под видом строительства новой жизни, происходило надругательство над традициями предков, разрушение устоев самой жизни общества. Выживают отколовшиеся от своих отцов и от своей веры. Так уже было во времена Стефана Пермского, крестившего чудь, предков коми народа. Выжили те, кто отказался от древних богов, а кто не сумел – погребли себя в земле, в чудских ямах-могилах. Проко Васька понимает, что, несмотря на то, что он прожил свою жизнь честно, он тоже среди отколовшихся. Он отказался от родового угодья и потерял чувство единства с природным миром, он отказался от любимой женщины, обрекая на несчастливую жизнь и её, и свою жену, в результате он не смог дать своим детям ни любви к своему роду, к лесу, к своей родине, ни веры в Бога. Поэтому дети покидают его, а старший сын даже отрекается от своего народа, значит, и от него самого, от своих предков. На закате жизни Проко Васька пытается хоть как-то исправить сделанное. Он пытается сажать лес там, где никогда сам же и валил его, а ещё раньше начинались угодья его предков, но его усилия тщетны, деревья погибают. Линию рода должен продолжить приёмный сын его дочери, его внук, но, несмотря на любовь кнуку, Проко Васька понимает, что это не его родная кровь.

Через всё повествование проходит тема золота, из-за которого был расстрелян дед Семён, и которое, по местному преданию, будто бы хранилось Прокопием, отцом Василия, а, затем, и самим Василием, Проко Васькой. Золото – это миф, на самом деле сокровища деда Семёна были, что называется, «не от мира сего», это были сокровища духа, которые передавались по наследству. Но в мире насилия и зла, воплощением которого были Онтон Иван и Шматъ Микол, такие сокровища не принимаются в расчёт, в них просто не верят. Миофическое золото деда Семёна является как бы родовым проклятием, из-за которого принимают смерть и дед, и отец Василия, грозит гибель ему самому и его внуку. Проко Васька решается принять бой с неведомым врагом, охотящимся за семейным «богатством». Собственно, роман начинается с того, что герой выходит на свой последний поединок, чтобы отвести смерть от близких ему людей, от внука. Однако, когда наступает решающий момент, то Василий вдруг понимает, что не сможет выстрелить, ему легче умереть самому, чем убить кого-то. Вот также погибла когда-то легендарная чудь – не в силах сопротивляться врагу, и не в силах

принять новую веру. Смерть Проко Васьки как бы повторяет гибель чуди. Он умирает внезапно, а работающий на новеньком японском бульдозере тракторист, не видя его, зарывает тело землёй. Василий исчезает с лица земли как некогда исчезла чудь, и также как чудь уносит с собой тайну родового золота.

Тема отказа от духовного наследия предков, с особенно трагической силой прозвучавшая в романе «Родовой знак», стала лейтмотивом и следующего романа Г.Юшкова – «Бива», публиковавшегося на страницах журнала «Войвыв кодзув» в 1996 и 1999 гг. «Бива» – роман исторический, посвящённый эпохе XIV века, последним десятилетиям перед приходом на Коми землю её крестителя – св.Стефана Пермского и заканчивающейся событиями христианизации коми народа. Знаменательно, что первая часть романа вышла в 1996 году, когда верующие всей России отмечали 600-летие со дня кончины св.Стефана Пермского. К этой дате был приурочен и выход книги «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом» в переводе со старославянского Г.М. Прохорова.¹ Таким образом, в одном культурном пространстве встретились две совершенно разные точки зрения на одни и те же исторические события. Героями обоих произведений являются Стефан Пермский и Пам, волхв и правитель Коми земли (Перми). Однако если житие строится как апология деятельности Стефана Пермского, то сюжет романа «Бива» строится вокруг образа Пама, хотя главным действующим лицом произведения является Бияр, охотник, кузнец и воин, один из немногих, сумевших найти в себе силы, чтобы не стать вероотступником. Бияр – фигура трагическая, убегая из Югдина (Устюга), захваченного москвитянами, в Емдин, к Паму, он чётко представляет, что Москва придёт и сюда, этот момент не за горами, и, скорее всего, коми не сумеют противостоять дружиным. Понимает это и Пам, но оба прилагают усилия, чтобы отдалить этот момент. Задача непосильная, если учесть отсутствие единого государственного начала у коми народа. Бияр по поручениям Пама совершаает поездки в разные области Коми края, ведёт переговоры или ссорится с местными князьями, которые не собираются оказывать противодействие Москве, ставя под удар жизни своих подданных. Схватки и не происходит. Бияр надеется на сражение, полагая, что пролитая кровь пробудит коми к сопротивлению, но прибывший в Емдин Сэпэ (Стефан) всячески избегает кровопролития, он приказывает дружинникам не вступать в сражение, поскольку христианский Бог «не желает крови». Пам – надеявшийся победить Сэпэ в диспуте о вере, потерпел поражение, хотя его доводы и были убедительными. Главным аргументом Сэпэ был хлеб, привезённый им из Югдина, и обещание бесплатно раздать его всем новокрещёным. И люди отвернулись от Пама, от своей веры, лишь бы получить дармовую «пайку». Этот момент, удивительно напоминающий современные «демократические выборы», сразу возвращает читателя из исторического прошлого в настояще. Становится понятно, что, обращаясь к прошлому, писатель отразил в нём реалии нынешней эпохи, что народ, в своём большинстве, всегда принимает сторону предателей и отступников, таких как Камар, Матэ, а настоящие люди, вроде Бияра, Уны – вынуждены становиться чудью и умереть под землёй. Г.Юшков ставит перед читателем непростой вопрос: имеет ли право

¹ Епифаний Премудрый. Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г.М.Прохоров. СПб., 1995.

на существование народ, если его естественно-исторический отбор был всегда в пользу отступников? Однозначного ответа на этот вопрос нет, как говорит сам Г.Юшков: «Историю отрицать бессмысленно, важно понять, какими мы стали в результате этой истории». Писатель ставит диагноз обществу, а общество должно само решать, каким образом излечиваться.

Романы Г.А. Юшкова, написанные им на протяжении двадцати лет, по-видимому, задумывались писателем как трилогия, объединённая общей темой. Это тема трагедийности бытия коми народа в своих исторических истоках и в перспективе современности. Это тема утраты национальных духовных ориентиров, в которых и заключены смыслы бытия народа, и без которых само бытие народа становится невозможным. Мужество писателя не только в том, что в идеологической эйфории общества развитого социализма 1970-х гг. он увидел путь, ведущий к национальному самоуничтожению, но и в том, чтобы при полном непонимании читателем и критикой смыслового потенциала первого романа найти в себе силы для написания второго и третьего романов. Может быть, это мужество отчаяния.

СЛОВО О СЛОВАРЕ

Адольф Туркин

Туркин Адольф Иванович (Кёсты Вась Миш Ёдёль) (01.01.1936 – 18.06.1996) – коми учёный, писатель. Родился в д. Ероздино Усть-Вымского района Коми автономной области. Окончил филологический факультет Ленинградского университета, учился в аспирантуре при Институте языкоznания АН СССР. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию «Топонимия нижней Вычегды». В 1966–1973 гг. работал научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, с 1973 г. –

старший научный сотрудник в секторе финно-угорских языков Института эстонского языка АН Эстонии (Таллинн). Туркин А.И. исследовал творчество Жакова К.Ф., составил сборник его произведений «Под шум северного ветра» (1989). Его статьи печатались в России, Германии, Финляндии и Эстонии. Он известен и как переводчик финских и эстонских авторов на коми язык, в т.ч. карело-финского эпоса «Калевала». Действительный член общества родного языка (1977, Таллинн), зарубежный член Финно-угорского общества (1983, Хельсинки), зарубежный член общества «Калевала» (1985, Хельсинки), член-корреспондент Финского литературного общества (1990, Хельсинки), действительный член Урало-Алтайского общества (1990, Гамбург). В 1987 награждён юбилейной медалью общества «Калевала» (Хельсинки), Лауреат Государственной премии Республики Коми за исследования коми языка (1997).

Основные сочинения: «Кёні тэ олан?», 1977; «Краткий коми топонимический словарь», 1981; «Топонимический словарь Коми АССР», 1986.

Публикуемая нами статья А.Туркина «Русско-зырянский словарь Н.П. Попова» посвящена первым составителям русско-коми словаря.

Титульный лист рукописного словаря
Н.П. Попова.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллин)

РУССКО-ЗЫРЯНСКИЙ СЛОВАРЬ Н. П. ПОПОВА

Для развития словарного состава коми литературного языка большое значение имел рукописный труд «Русско-зырянский словарь» Н. П. Попова. Этому словарю не суждено было увидеть свет, но почти весь его богатый лексический материал вошел в опубликованные словари Ф. И. Видемана¹ и Г. С. Лыткина.² Сам же словарь Н. П. Попова считался утерянным.³ Сразу отметим, что рукопись его обнаружена в Архиве востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР и в марте 1973 г. автор данной статьи вместе с Г. Г. Бараксановым ознакомился с нею.⁴

История создания. На рукописи словаря значится имя Н. П. Попова, но в ее составлении в течение нескольких десятилетий принимал участие целый ряд лексикографов-любителей. В корреспонденции из г. Устьсыольска (1833 г.⁵) говорится о том, что в «Устьсыольске давно уже составляется словарь языка зырянского... Эта трудная работа была начата Устьсыольским мещанином Мальцевым, по внушению академика Шёгрена, который в 1827 г. путешествовал по Вологодской губернии. По смерти его (Мальцева), продолжение труда приняли на себя добровольным вызовом: нынешний Устьсыольский уездный стряпчий, губернский секретарь Николай Попов, купеческий сын Алексей Суханов и крестьянин Устькуломского селения Филипп Попов». ⁶ Нужно добавить, что в действительности же работу над словарем начал священник Шежамской волости Яренского уезда Василий Михайлов. Отредактировал и частично внес новые слова И. Р. Мальцев. После смерти И. Р. Мальцева (1830), а затем и А. С. Суханова (1842), работа по составлению словаря целиком легла на плечи Ф. Попова и Н. П. Попова.

Крестьянин Филипп Попов — тонкий знаток коми языка — в 1847 г. перевел «Наставление о посеве, уборке и хранении картофеля». Брошюра имела тираж 1200 экз. и была бесплатно разослана крестьянам, а переводчик представлен к медали.⁷ Умер Ф. Попов в 1867 г.

Николай Павлович Попов родился 12 января 1801 г. в г. Яренске Вологодской губернии. Он воспитывался в Павловском кадетском корпусе, его наставником был П. А. Плетнев — друг Пушкина и Жуковского, впоследствии академик, ректор Петербургского университета. После выхода в отставку Н. П. Попов поселился в Устьсыольске, стал

¹ F. J. Wiedemann, *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhange und einem deutschen Register*, St.-Petersburg 1880.

² Г. С. Лыткин, *Русско-зырянский словарь*. Составлен по рукописному словарю Н. П. Попова, Ленинград 1931.

³ В. И. Лыткин, *Коми-зырянский язык. — Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. (Тюркские, финно-угорские и монгольские языки)*, Москва 1969, стр. 312.

⁴ Архив востоковедов при Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР. Р. II, оп. 5, № 7, 8.

⁵ Даты приводятся по старому стилю.

⁶ А. Цембер, Две корреспонденции из г. Устьсыольска в 1833 г. (о зырянском словаре). — Коми му, № 19, Устьсыольск 1927, стр. 30.

⁷ Дело 1847 г. об издании перевода наставления о картофеле на зырянском языке. ЦГИА, ф. 398, ед. хр. 2167.

работать губернским секретарем, уездным стряпчим. В 1845 г. он перевел сельский полицейский устав и псалтырь. По совету академика А. И. Шёгрена Н. П. Попов составил азбуку коми языка на основе русского алфавита. В 1863 г. в Санкт-Петербурге Н. П. Попов выпустил «Учебник зырянского языка». Умер он 11 июля 1873 г.

А. С. Сухановым, Ф. Поповым, Н. П. Поповым работа над словарем велась с 1831 г. Первоначально за основу был взят «Новый и полный российско-французско-немецкий словарь» И. Гейма (Санкт-Петербург 1813). Собрав более 20 тысяч слов, авторы в 1834 г. представили на рассмотрение Петербургской академии наук в качестве образца букву «К», а в 1843 г. — окончание буквы «О».

Академия наук, получив образец, передала его на обсуждение А. И. Шёгрену, который внимательно прочитал, разобрал его и указал на некоторые недостатки в системе правописания коми слов, в формах и их объяснениях, а также в системе составления словаря. Все замечания А. И. Шёгрена были препровождены в Устьысьольск официальным отношением от 22 января 1835 г. с пожеланием продолжать и завершить труд. В дальнейшем составители руководствовались словарем Ф. Рейфа⁸, который отличался относительной полнотой, впрочем не в слово-производной, а в алфавитной форме. Кроме того, к составлению словаря были привлечены многочисленные корреспонденты. Так, в архиве сохранилось обращение вице-инспектора корпуса лесничих М. Б. Бульмеринга к ученному лесничему Гильдеману с просьбой составить список необходимых лесных терминов для словаря Н. П. Попова. Там же хранится копия списка слов от А до Я на трех листах.⁹ Привлекались и другие специалисты. Об этом говорит уже более полно представленная лексика флоры и фауны края.

На завершающем этапе работы над словарем Н. П. Попов нашел хорошего помощника — секретаря одного из уездных мест Афанасия Моторина. Он был родом из Подъельска, сыном дьякона. С работой такого рода А. Моторин был знаком. Студентом Вологодской семинарии он вместе с другими коми семинаристами помогал своему профессору П. Саввайтову при составлении коми словарей и написании коми грамматики.¹⁰

Многолетний труд Н. П. Попова полностью переделал скромнейший А. Моторин, придавший словарю незаменимую ценность — строй коми языка. Отсюда понятно, почему «Полный русско-зырянский словарь» (под редакцией А. Моторина) имеет т. н. кастреновско-саввайтовское правописание, между тем как «Учебник зырянского языка» Н. П. Попова — академическое, т. н. шёгреновское.

Работа над русско-зырянским словарем длилась более 20 лет. Н. П. Попов, человек железной воли, был талантливым организатором. Он умело руководил немногими лексикологами и широкой сетью корреспондентов. Только благодаря его настойчивости работа была доведена до конца и цель достигнута. Для Н. П. Попова коми язык не был родным, и он, по словам Ф. Попова, только «систематизировал, приводил в алфавитный порядок и переписывал набело уже готовые тетради переводов».¹¹ И. Р. Мальцев, А. С. Суханов, Ф. Попов были сотрудни-

⁸ Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон русского языка, составленный Филиппом Рейфом, Санктпетербург, т. I, 1835, т. II, 1836.

⁹ Дело 1843 года о русско-зырянском словаре, составленном штабс-капитаном Поповым. ЦГИА, ф. 387, оп. 1, ед. хр. 5075.

¹⁰ П. Саввайтов, Зырянско-русский и русско-зырянский словарь, Санктпетербург 1849; его же, Грамматика зырянского языка, Санктпетербург 1850.

¹¹ В. Ф. Попов, По поводу заметки А. Цембера «Две корреспонденции из гор. Устьысьольска в 1833 году». — Коми м., № 1—2, Устьысьольск 1927, стр. 83.

ками, А. Моторин редактором. Трудно сказать, какая работа выпала на долю каждого. Несомненно, самым образованным среди них был А. Моторин, знаяший коми язык теоретически и практически.

В 1843 г. четыре тома русско-зырянского словаря были отправлены в академию наук для издания. Сохранились две рецензии А. И. Шёгрена на немецком языке от ноября 1847 г. на шести листах¹² и от мая 1848 г. на двух листах.¹³

После того как рукопись словаря поступила в академию, Ф. И. Видеман решил воспользоваться ею. Он начал составлять коми-немецкий словарь. Кроме этой рукописи, Видеман использовал уже изданные зырянско-русский словарь П. Савваитова, коми-пермяцкую грамматику Н. Рогова и другие работы.¹⁴

И все же академия наук решила опубликовать русско-зырянский словарь. В 1901 г. подготовку к изданию словаря начали востоковед, лингвист широкого профиля, иранист и тюрколог академик К. Г. Залеман и коми ученый Г. С. Лыткин.

В архиве АН СССР сохранилась переписка (1901—1907) между редактором К. Г. Залеманом и исполнителем Г. С. Лытким.¹⁵ В письме от 5/IX 1901 Г. С. Лыткин пишет: «Если Имп[ераторская] Академия наук соблаговолит взять печатание Русско-зырянского словаря, прошу Вас распорядиться о доставлении его мне... Я тотчас же приступлю к переписке его для печати».

Несмотря на большую занятость как преподавателя гимназии Г. С. Лыткин в свободное от занятий время за короткий срок подготовил словарь к изданию. Академия наук предоставила ему полную свободу как в расположении русских слов, так и в написании коми слов. 27 сентября 1901 г. Г. С. Лыткин пишет К. Г. Залеману: «Я немного выпустил, многое изменил, кое-что внес свое, одним словом трудно теперь сказать: словарь ли это Попова или мой словарь собственный по Попову.»

Русско-зырянский словарь, составленный Г. С. Лытким, вышел только в 1931 г. тиражом 550 экз. Издание его сначала задержала смерть Г. С. Лыткина (1907), затем смерть К. Г. Залемана (1916) и, наконец, наводнение 1924 г., от которого пострадали рукопись и напечатанные листы словаря.

Общая характеристика словаря. Рукопись словаря имеет две части, бумага большого формата, словарь состоит из четырех томов. На титульном листе (1—2 стр.) написано по-коми и по-русски «Полный Русско-Зырянский словарь. По препоручению Императорской Академии Наук, составленный Николаем Поповым. Том первый. А—Н. Устьысольск 1843». В этом же переплете помещен текст до О включительно. Часть завершают слова «Конец второго тома». Следующий, третий том (П—С) начинает вторую часть, причем после Р стоит «Конец третьего тома», затем без указаний, что это четвертый том, текст продолжается до конца. После каждого тома сделаны небольшие дополнения чернилами. Нумерация листов в каждой части отдельная.

На стр. 2 титульного листа рукой Г. С. Лыткина произведена внизу запись: «В тексте карандашом заметки сделаны акад[емиком] Видеманом. Видимо, что он был еще очень слаб в зыр[янском] яз[ыке]». Здесь же в самом низу карандашная запись на немецком языке сделана рукой Видемана: «Под пометкой (П) приведены примеры из коми-пер-

¹² Архив ЛО АН СССР, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 86.

¹³ Архив ЛО АН СССР, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 93.

¹⁴ P. Ariste, Ferdinand Johann Wiedemann, Tallinn 1973, стр. 81.

¹⁵ Архив ЛО АН СССР, ф. 87, оп. 3, ед. хр. 235.

мяцкого языка. Они взяты из «Словаря русско-пермяцкого», рукопись которого принадлежит Русскому географическому обществу и автор которого не известный (Любимов ?). Усолье 1848 и содержит 3531 слово.»

Лексический памятник представляет собой написанную четкой скопицью на листах с обоих сторон рукопись объемом (524 + 477) = = 1001 лист и формата 23,5 × 36,5 см. Словарь по самым грубым подсчетам содержит около 50 000—70 000 параллельно русско-коми слов и выражений, расположенных в алфавитном порядке в два столбца.

Рукопись хорошо сохранилась и легко читается. Словарь написан одной рукой, но пестрит многочисленными исправлениями, добавлениями, сделанные черными чернилами и карандашом. Как известно, коми-пермяцкие слова карандашом добавлены Видеманом, а насчет добавлений и исправлений черными чернилами на стр. 259 в третьем томе рукой Г. С. Лыткина написано: «Это — рука г. Моторина, а не Н. П. Попова. Моторин (имя и отчество его я забыл) родом зырянин, помогал г. Попову в его трудовой работе. Я **полагаю**, что **инициатива** и неуклонная настойчивость в достижении цели принадлежит Н. П. Попову, но **исполнение** принадлежит г. Моторину, который был и **редактором** всей работы, и **главным** работником, придавшим значение труду г. Попова. Отдельные сборники зырянских слов, сказки и т. п. доставлялись г. Попову (а не Моторину) многими зырянами, между прочим мною и моими братьями. — Г. Моторин был студентом *Вологодской семинарии*, где профессором был *П. И. Савваитов*, собиратель грамматики и словарь зыр. языка. Познания Савваитова зыр. языке было далеко не важное. При составлении своих трудов он, очевидно, пользовался советами своих **учеников-семинаристов из зырян**. Не был ли в числе этих учеников-учителей и г. Моторин? Г. Лыткин. Перново, 11 июля 1903 г.»

Словари Ф. И. Видемана и Г. С. Лыткина составлялись по этому экземпляру. Имеется еще второй расширенный вариант словаря, который состоит из 13 частей, переплетенных в четыре тома. Этот вариант отличается от первого как по объему, так и по графике и принципу составления, поэтому заслуживает отдельного рассмотрения.

Графика. Весь текст написан русскими буквами. Коми слова переданы с помощью т. н. кастреновско-савваитовского правописания. В передаче коми звуков средствами русской графики середины прошлого века наблюдаются следующие закономерности: *Aa* — *a*, *Bb* — *b*, *Vv* — *v*, *Gg* — *g*, *Dd* — *d*, *Ee* — *e*, *Жж* — *ž*, *Зз* — *z*, *Kk* — *k*, *Ll* — *l*, *Mm* — *m*, *Hn* — *n*, *Oo* — *o*, *Pp* — *p*, *Rr* — *r*, *Cc* — *s*, *Tt* — *t*, *Uy* — *u*, *Чч* — *čs, tš*, *Шш* — *š*, *Ыы* — *i*, *Ээ* — *e*.

Рассмотрим наиболее трудные случаи графического обозначения звуков и их комплексов.

Гласный среднего подъема среднего ряда *e* (орф. ö) передается ö: *vírtöm* (*virtəm*) 'бескровный', *övve* (*ɛvve*) 'люлька', *öögla* (*šegla*) 'мачта'; однако в некоторых случаях — буквой э: *kæk* (*kæk*) 'кукушка', *cjæla oz* (*šela oz*) 'полянка'.

Неогубленный гласный верхнего подъема переднего ряда *i* (орф. u) обозначен десятеричным *i*: *wísem* (*višem*) 'болезнь', *cín* (*šin*) 'глаз'; после твердых согласных — буквой ы: *zýi poz* (*zi poz*) 'осиное гнездо', *čjózjynj* (*čšozjñ*) 'тетушка (по отцу)'.

Русской буквой *e* в рукописи передается *e* (орф. e): *kok wísem* (*kok višem*) 'подагра', *pelj* (*pel'*) 'ухо', но в начале слова встречается сочетание *je*: *jedžjyd* (*jadžid*) 'белый', *jen!jugyd* (*jenjugid*) 'вселенная'.

Сонорный средненебный согласный *j* (орф. ü) обозначен *j*: *jöcsjöjöök* (*ješbež*) 'вьюн', *köçjöla* (*kefšjela*) 'осиновник'.

Сочетание *дж*¹⁶ в рукописи регулярно передает звонкую аффрикату *dž* (орф. *дж*): *джын'ян* (*džinjan*) 'колокол', *јенджадж* (*jendžadž*) 'божница'.

Сочетанием *ձ* обозначается своеобразная звонкая палатальная аффриката *dž* (орф. *ձ*): *гօցօր սւծեմ* (*geger sudžem*) 'объем', *ձվիբ* (*džib*) 'горб'.

Для передачи шепелявой глухой палатальной аффриката *tš* (орф. *ч*) применяются *ч* и *чj*: *чутկօմ* (*tšutkem*) 'обувь', *анչա* (*anča*) 'норка', *չյօրլы* (*tšerl*) 'голень'. Тот же звук при удвоении изображается в виде *чч*, *чjч*: *սոշեմ կոյէծ* (*sotʃem kujed*) 'перегной', *լեշի՛յանտօր* (*leʃiʃtɔr*) 'мединикамент', *չեյխանա* (*tšeyχanaj*) 'вставать'.

Коми шипящая твердая аффриката *tš* (орф. *тиш*) систематически передается буквой *ч*: *куч* (*kutš*) 'орел', *печер* (*pečer*) 'жгунка', *чօչկօս* (*tšetškes*) 'равнина'.

В словаре выдержан принцип передачи мягких и твердых согласных. Палatalизация регулярно обозначается латинской графемой *j*: *յүրնյօն* (*jurñoń*) 'соска', *կօլյկ'յա րիչ* (*koljka rič*) 'яичница'.

Знак ¹ в словаре имеет двойную функцию. Во-первых, он выполняет роль разделительного ъ: *լայկ'յա նիր* (*laikja nir*) 'приплюснутый нос', *օշյաս* (*ošjas*) 'медведи', *րիզյալիսց* (*rizjalis*) 'юла'. Во-вторых, при образовании сложных слов этот знак употребляется для соединения их частей, если вторая половина слова начинается с гласной: *յեն՛энյ* (*jeneń*) 'богиня', *կօկ'յուկալան վիսեմ* (*kokjukalan visem*) 'подагра', *կօկ'յոլօ սւտնի* (*kokjilə suvtni*) 'встать на ноги'.

В целом нужно отметить, что большинство коми звуков более или менее точно передаются русскими буквами. Известные трудности при чтении слов доставляют только одинаковые обозначения некоторых коми звуков. Так, буквой *ы* обозначены *i* и *i*: *կызј* (*kiž*) 'двадцать' и *զըրդզј* (*zeridž*) 'хвощ'; буквой *ч* — *tš* и *tš*: *чери* (*tšeri*) 'рыба' и *чучку* (*tšutšku*) 'живот'.

Многие коми слова записаны с ошибками: пропущены диакритические знаки, перепутаны буквы и т. д. Они, вероятно, сделаны переписчиком Н. П. Поповым, который, как мы знаем, недостаточно хорошо знал коми язык. Отметим некоторые замеченные нами описки: *վետօձլան սերակу* 'билет' (вместо *ветօձլան ~*), *վօրկ* 'почка', *կուկան* *վօրկյաս* 'телячьи почки' (*vörk*), *գօրթբերդսա* *բօրդօմ* 'пригребный плач' (*gortberdza ~*), *յենգոտիր* 'богиня' (*jenğötýr*), *յօցվան րիժյկ* 'боровик' (*jaçvav ~*), *կօչյամաչ* 'березовик' (*köçjamacj*), *օշյ սյէտօր* 'сладко-горько', *սիբյրսա սյէտար սիկաս* 'таранушка' (*sötör*), *րուդ կօչյ-* 'русачий' (*~ köçj*), *սօտօմչյա* 'очищаюсь' (*sotomčja*), *սյօմ* 'деньга' (*sjom*), *սիչյ* 'песец' (*sečj*), *տեշկօդի* 'чудак' (*teşkodj*), *տիշիյօզ* 'полчище' (*tyışijoz*), *չյօվթօմտօր* 'выкидыши' (*çjötötmtor*), *յօրցն դենյց* 'медные деньги', *էզից դենյց* 'серебряные деньги' (*~ denjga*).

Лексика. Русско-зырянский словарь мыслился как нормативный, поэтому в нем представлен разнообразный коми лексический материал.

В своем подавляющем большинстве коми слова, зафиксированные в словаре, представляют собой имена и глаголы. Имена обычно приводятся в форме номинатива, глаголы — в форме 1-го лица единственного числа и инфинитива. Словарь содержит также большое количество словосочетаний, предложений, фразеологических выражений.

¹⁶ По техническим причинам в виде *дж* мы передаем аффрикату *dž*; в словаре эти буквы составляют одно целое.

В своей русской части русско-зырянский словарь отличается от словаря Ф. Рейфа, он намного полнее, обширнее. Лексика из словаря Ф. Рейфа использована частично, выборочно. Принципы же подачи материала сохранены, включая и сокращенные обозначения грамматических категорий, частей речи. Переводы на коми языки в различных словарных статьях даются по-разному. Имеются простые однозначные переводы: *аист* — *бојан* (*bojan*), *кипрей* — *војјив* (*vojjiv*), *шашка* — *дöведj* (*dəvedj*).

Иногда отражается многозначность слова: *адамант* — *алмаз* (*almaz*), *дона iz* (*dona iz*), *чјорыddорысј чјорыд морт* (*tšorjd dorjš tšorjd mort*); *жаба* — *ыджыд лјагуша* (*idžid laguša*), (*куша*) *сikас* ((*kusa*) *šíkas*), *горш пычкös біјавісем* (*gorš pítškës bija višem*).

Широко представлены при переводах синонимы: *объем* — *сывтыр* (*sıvtır*), *гёгёрсудзэм* (*gegersudžem*), *выжданог* (*ıždanog*), *гёгёрсывтыр* (*gegersıvtır*), *гёгрёсног* (*gegręsnog*), *гёгрёснога* (*gegręsnoga*); *равнина* — *чöчкös* (*tšečkës*), *чöчкашес* (*tšečkashaš*), *му* (*mu*), *муывив* (*muvičiv*), *öзын* (*ezin*) *эрдывив* (*erdvičiv*), *эрд* (*erd*), *чöчкöслин* (*tšečkësliń*), *шылдöин* (*şılıdin*).

Очень много описательных переводов: *бирюза* — *дона југыдлöz iz* (*dona jugidlöz iz*), *вор* — *кык сінкостысј ныр гуысј* (*kık şin kostış nır guış*), *наездник* — *вöлён сјусја ветлысј* (*völen śuśa vetlıś*), *страус* — *ыджыд турікодј мёдмуса лјэбачј* (*idžid turi kodj mèdmusa lebats*), *термометр* — *шоныд-кöдзид тöдмёдан инструмент* (*şonıd-kedžid tèdmédan instrument*), *кöдзид шонид тöдмёдантор* (*kedžid-sonid tèdmédantor*), *маяк* — *бїја кузј пуа пöнар* (*bija kuzj puia penar*), *juörcетан пас* (*juer şetan pas*), *сосиска* — *керавлём јајен тјечем сјув* (*keravlém jajen teʃem śuv*), *членовредитель* — *салдатö мунысј мынöм понда accis лысем кे-ральсј* (*saldate munış tınen ponda assis lişem keralış*).

Авторы широко пользуются неологизмами, иногда искусственными: *агент* — *судпýрветлысј-мунысј* (*sud pýr vetylış-muniś*), *аллея* — *вöр колас туј* (*vérkolas tuj*), *алфавит* — *кывпом'јас дорпомнуöг* (*kıvpomjas dorpmuñeg* (*kutangizjed*)), *этнография* — *кучёмкö јöзлён олём i ногкутöм јылысј гёгёргjжöм* (*kučemkë jězlen oläm i nogkutem jiliś gegergizem*).

Включены архаизмы и славянизмы: *ансырь* — *важногöön нíм пунтлон* (*tvavlöön*) (*vaznogen ním puntlen* (*tuwlen*)), *бранник* — *косјmort* (*koś-mort*), *тышморт* (*tışmort*), *гудец* — *музыкаа vez вылын ворсысј* (*muzika vez viliń vorsiś*), *ориец* — *аркíреj кокув кёвер* (*arkirej kokuv këver*).

Имеются просторечные слова: *бранко* — *відчisj-јорчиcј* (*vidfisijs-jořicj*), *бурда* — *быд гудыр јуантор* (*bíd gudır juantor*).

В качестве иллюстративного материала богато представлены фразеология, пословицы и поговорки, образные выражения: *бездушник* — *ловтöм морös* (*lovıtäm moreş*), *јен кок сjoicj* (*jen kok şoјis*), *пернатöм сјыв* (*pernatäm śiv*); *не боги горшки обжигают, те же люди — наја абу жö ошjјас, а ме (тjэ) абу жö мöс* (*naja abu že oşjas, a me (te) abu že mës*); *горшок котлу смеется, а оба черны — эн серав, пинсöд једжыд он ло* (*en şerav, pińsöd jedžid on lo*); *одна паршивая овца все стадо портит — öти мöс сјыталас да быдöнöс лјакас* (*eťi mës sitalas da bïdëñes ljakas*); *бороться со смертью — лов куравны* (*lov kuravnij*); *яйца курицу не учат —*

колјк[јас] чіпанöс оз велöдны (*kolkjas tšipanës oz veleđni*); дело не медведь, в лес не убежит — тсар öз (sic!) пöрысјмы, делö оз сјисјмы (*tsar oz perišmi, delë oz sišmi*), рука руку moet — весјкыд кi шујга мысјкö (veškid ki sujga miške), выше лба уши не растут — синкымысј выло эн кай (*sinkimis vilë en kaj*).

В словаре фигурирует много диалектизмов. Встречаются слова из следующих диалектов коми-зырянского языка: верхневычегодский (вв.), верхнесысолльский (вс.), вымский (вым.), ижемский (ижем.), лузский (л.), нижневычегодский (нв.), печорский (печ.), сыольский (с.), удорский (уд., у.), т. е. фактически из всех коми-зырянских диалектов. Таким образом, можно сказать, что словарь является диалектологическим. Приведем несколько примеров: бабка — аканј (*akań*), с. колса (*kolsa*), сисјка лапкор турин (*siška lapkor turin*); блюдо — вв. блјуд (*bljud*), лјуд (*ljud*), нв. лјод (*lod*), нв. былід (*bilid*); борона — у., вв. пиня (*piňa*), агсас (*agsas*), агас (*agas*); люлька — потан (*potan*), вв. ёвве (*evve*), л. гычедан (*gışedan*); пескарь — гурина (*gurina*), пескыш (*peskiš*), у. дарга (*darga*), у. ёгра (*ogra*); ребенок — кага (*kaga*), горзан (*gorzan*), уд. тјатеј (*tjaťej*), уд. челјадј (*fšeļad'*), зонјас (*zonjas*); тетя (по матери) — ічинј (*ičinj*), у. дјадіна (*dadina*), (по отцу) об (*ob*), чјожынј (*čšožiń*), уд. унінј (*uniń*), уд. уне (*uńe*); яйцо — колјк (*kolk*), л. постыр (*poztır*).

В словаре содержится много слов, ныне отсутствующих в диалектах коми языка, например: бимегыр (*bimegir*) 'радуга', бёбан, бёвбан (*beban, bęvban*) 'истукан', бидзјан (*bidžan*) 'задница', вачјакај (*vacšjakaj*) 'дрозд', вечева (*veřeva*) 'бурундук', вёр порсј (*ver porš*) 'кабан', гычедан (*gışedan*) 'люлька', жугылј (*žugil'*) 'скучный', исанј (*isań*) 'мята', јоргылј (*jorgil'*) 'пьяница', јосћёж (*ješbez*) 'вьюн', коргыласдыр (*korgiłasdir*) и ош кырсалан тёлысј (*oš kırsalan teliş*) 'сентябрь', куныр (*kunjr*) 'ненастье', кулјсін (*kulšin*) 'vasilek', мёдлун (*mędlun*) 'понедельник', мёдзир (*mędżir*) 'кулак', мёдзиртны (*mędžirtni*) 'в кулак захватить', мүгерома (*muğrema*) и чынрёма (*tšınrəma*) 'дымчатый', мёскыв (*męskiv*) 'оладья', небög (*nebeg*) 'книга', ныв папальтас (*nív papal'tas*) 'иүтеп', нјанј суктан тёлысј (*ňań suktan teliş*) 'август', обны (*obnij*) 'зметать', оржи, оржину (*orži, oržipu*) 'осокорь', певтан чери (*pevtan fseri*) 'палтус', саридзе лјэбзјан туј (*sariđze lebzjan tuj*) 'Млечный путь', сәчј (*seſš*) 'кролик', тотор (*totor*) 'пигалица', шёр, шёрлун, шёрылöс (*šer, šerlun, šerlës*) 'среда', чјав віж (*čšav viz*) 'оранжевый', чјарс (*čšars*) 'олений след'.

Авторы словаря включили много слов, для которых не нашли коми эквивалентов и перевели просто 'вид птицы', 'вид травы', 'вид насекомого': вандыш — морской чери сикас (*morskëj fseri šikas*), ванишь — мёдмуса турин сикас (*mędmusa turim šikas*), деряба — вёр кај сикас (*ver kaj šikas*), пеликан — пётка сикас (*pętka šikas*), хрущ — гутгаг сикас (*gutgag šikas*).

Вместе с тем в словаре отсутствуют некоторые названия месяцев — январь, март, май, октябрь.

В заключение отметим, что обнаруженный русско-зырянский словарь является наиболее полным из существующих ныне лексических памятников коми языка XIX века. Приходится только сожалеть, что он не был использован при составлении современных словарей коми языка.

Письма составителей первого русско-коми словаря академику А.Шёгрену*

В архиве А.М. Шёгрена в Национальной библиотеке в Хельсинки находятся письма к нему от составителей Русско-зырянского словаря с 1829–1854 гг. Это – И.Мальцев (3 письма 1829–1830), Алексей Суханов (7 писем 1828–1834), 1 письмо от вдовы Мальцева (1833), и 22 письма от Николая Попова (1833–1854).

Подготовила к публикации письма Marja Leinonen (Хельсинки, Финляндия).

1-е письмо Мальцева Шёгрену

31. января 1829 года

Ношульская Пристань, расстоянием от Вятки 180 верст

Ваше Высокоблагородие!
Милостивый Государь,
Андрей Михайлович,

Получил почтеннейшее ваше письмо от 12-го ноября 1828-го года, чрез Гна городничаго Михаила Влидимировича Притом же и российсконемецкаго Словаря сего генваря 16-го числа, получил исправно. Препоручение ваше с помощью бога надеюсь перевесть, хотя и весьма затруднительно, но надежда – льстит на обещание ваше в исходатайствовании отличного благоволения, старатса буду всемерными силами, О исполнении сего вашего препоручения, А как з письма вашего видно что изволите вы ехать в петербург по прибытии вашем, покорнейше прошу написать мне, кому изволите приказать адресоваться, ибо я первоначальный мой опыт перевода непремину тетрадки сдве прислать на показ, притом же сообщить некоторыя собранныя мною зырянския. Песни, пословицы, загадки и тому подобныя, равноже и свадебныя церемонии коих здесь в Ношуле почерпнул, ибо я после отезда вашего из устьсыольска поехал в сие место избрал себе жилищем, расстоянием от города 236. верст, где есть существует самый корень зырянский, как наречием, равно пообразом жизни.

Еще осмеливаясь вам дложить о-собранном мною зырянском лечебнике котораго изволили вы выдеть лично, небудет ли худо прислать его, наваше имя для обозрения медицинским советом которых неиздутся вреняя параграфы, то-могут исключить, А полезных оставить споправкою погрешностей, Есть во оном самыя древности; потому что у зырян всегда верлися ботаники знающие трав мог бы я собрать довольно физическая их наговоры, запрещательныя изаклинательныя и проч: тому подобныя заговорныя молитвы, коими занятся нехочется притом же

* Шёгрен Андрей Михайлович (1794–1855), финн по национальности, российский лингвист, член-корреспондент Петербургской Академии Наук. В 1827 году во время научной поездки по северу России в г. Усть-Сысольске встретился с лексикографами-любителями, работавшими над составлением русско-коми словаря. Шёгрен курировал эту работу вплоть до самой своей смерти.

для меня страшно, – А препорученное ваше дело, могите ожидать совершенного успеха, но только по приезде в С:Петербург, непременно напишите соизъяснением куда? И начие имя адресоватся мог? Впрочем пожелая вам быть здоровым и благополучным остаюсь с истинным моим глубочайшим высокопочитанием, при засвидетельствованием достодолжного моего почтения, с каковым имею честь пребыть навсегда,

Вашего Высокоблагородия
Покорнейший слуга
Иван Мальцов

2-е письмо Мальцева Шёгрену

20-го июня 1830-го года Ношууль

Ваше высокоблагородие!
Милостивый Государь,
Андрей Михайлович,

Долгом себе поставлю свидетельствовать Вам мое достодолжное высокопочитание, при сем имею честь почтеннейше вам донести, на щет получаемых от вас писем, 1-е писанное из Финляндии, получил в декабре месяце через Вятки, 2-е от 27-го февраля через Устьсыольск получил 16-е Апреля, причина моему молчанию есть та, которая для меня самая мучительная и горестная; ибо пребывал я длительной и отчаянной болезне, с сентября минувшаго до сего года Апреля месяца страдал без памяти, в продолжении того двукратно был напутствовал, сначала забрала внутренная лихорадка, с сильным жаром; и запором, А потом шум с ломом в голове; мозжение в членах костей, из ушей и ноздрей течение сукровичной мокроты, и совершенная глухота, в жилах расслабление, не в силах ничего был брать вруки, непринимевался до средних чисел мая не до чего, А теперь слава богу принимаюся уже и заперо, но еще весьма худо действует рука, не может делать свободнаго движения, особенно в левом боку, поныне существует омертвение, нечувствую сторонняго осозания, насилиу еще, могу бродить, следственно при без памятстве был скл-(?)ный на мне паралич, по чему и теперь чувствую в членах отерпенение; – препорученная вами мне комиссия о составлении зыр.чн.: Словаря при начале болезни остановлена была по Алфавиту на букве осмеричной И: А переведено на черно А, Ю, В. Г. Д. Е. Ж. З. Нескончанным остановлено на букве И. –

С начала предприятия сие весма было затруднительно, первыя труды по неопытности не однократно были самым собою уничтожаемы. А от начала принимался внов до трех раз, напоследок соображался правил грамматических спознал совершенный ход: но теперь составляется в полнее печатнаго Россискуненемецкаго, особливо в глаголах пишется настоящее повелительное, и прошедшее, из приложенного образца могите видеть: написана бы уже одна тетрадка набело, для вашего обозрения; да сверх того еще для вас же географическое описание пребывающей ношуульской пристани заключающее, 1-е подведомственность и рас-

тояние селения; 2-е река своим положением, судоходство, и имеющимся вней рыбы; 3-е прилегающие места, горы, речки, озера, звери, птицы, и произрастения, 4-е местоположение, грунт земли, число дворов и жителей, и внутренность селения, 5-е коммерческая пристань, с принадлежностями, 6-е привоз, и качество товаров, 7-е строение подсплав судов, под названием барок; 8-е стечениe по веснам народу, 9-е опуск барок, грузка во оных товаров, и отвал, 10-е ндрав, обычай, характер, и язык, местных жителей, 11-е их домоводство, хлебопашество, скотоводство, и промышленность; 12-е внутреннее устройство, образ жизни, и народ. 13-е обряд поминовения усопших, 14-е обряд брачный, 15-е замечание в исполняемых суеверствах; сверх же оных собрано некоторыя употребляемыя зырянския пословицы, и острых загадок, — коих отправить по почте потребна не малая издержка с платежем весовых в двое: А потому и прошу вас покорнейше, естли будет оно возможно зделать от себя, или от вашего начальства в устьсыольскую почтов. Экспедицию, или в вологодскую губер: почтовую кантору распоряжение, с тем дабы мог я доставлять на почте без платежа весовых денег тогдаб я мог отправлять без препятствиенно, постепенно свой перевод когда сколько на бела перепишется, Ах! Прошу меня извинить великодушно, что, забыл вас поздравить высокомонаршю Милостию, и достоинством, но и занимаемою новою должностю, коими при сем имею честь Вас поздравить; Душевно желаю вам быть удостоенными до высшей отличной степени, в ведомостях удостоился видеть когда вы изволили читать сочинение на немецком языке. Оно весма было для меня восхитительной; — Означенная болезнь много причинила мне помешательства, как в занятии перевода, равно и в собственных ходовых делах. В течение девяти месяцев прошло время без всякаго действия, домашний семейственный расход необходимо долженствует держаться, к томуже еще на медикаменты, чрез чего дошел до разорительной неизбежности.

К томуже при всей моей бедности, зверски приступают мои кредиторы, коим не боле без исключения потребно к удовлетворению, 200. Руб: Естли оне подадут документы ко взысканию, тогда меня и семества моего доведут в конечное раззорение, Лишать последней надежды, то берут принадлежащаго имения за без ценок, по сему существуют во мне две болезни, одна обезсиливает тело, А другая пронизает дух, которыя в силах каждого привести в уныние, прошедшее лета план мой был переселится осенью из ношуля в устьсыольск занятся там по прежнему своим мастерством, А при способностях переводом в ношуле дом свой решался продавать, закоторый покупатели давали 500. Руб: но я не решался отдать ниже 700. Рублей

А теперь запутался не знаю начто решаться: — осмеливаюсь вас всепокорнейше просить моей всенизайшой прозбой, оказать мне отеческой вашей милости, да и внушить вашим покровителям, на случай приступу моих кредиторов, при всеконечной моей гибели снабдить меня для разделки с кредиторами, до 200. Руб: при нынешней моей бедности за свои труды прочих наград, искать не намерен, А что касается до успехов моих, то я буду каждо месячно доносить вам сколько от работался; — признаюсь вам откровенно, что по прежде сего не было сей цели, А питал себя надеждою, получить какой ни есть отличной похвалы, А теперь несчастье довело меня до-постудной прозбы; Адрес мой писать, Его благородию Андрею Ивановичу Попову в устьсыольск, просить его доставить ко мне в ношу-

ли, в прочем пребываю к-вашему высокоблагородию с истинным моим высокопочтанием, с совершенною преданностию,

Вашего Высокоблагородия,
Милостиваго Государя,
Всепокорнейший слуга
Иван Мальцов
Мещанин Устьсыольский

3-е письмо Мальцева Шёгрену

28. октября 1830-го года Ношуль

Ваше высокоблагородие!
Милостивый Государь,
Андрей Михайлович,

Почтеннейшия Ваши письма, первое от 13-го сентября которое получил 1-го числа Октября, и последством его узнал я о переотправленном Вашем со сложением 25. Руб: письме, почему и посыпал от себя, к Андрею Ивановичу Попову доверенность, и так дошло теперь в мои руки, 26-го октября получил, – за которых приношу Вам чувствительнейшей моей благодарности. – Особливоже за оказанныя Ваши наставления, нащет сочинения Словаря, и как лучше и удобнее руководствоваться а по мнению моему прибавление в глаголах не есть излишно, в преходящем, в зырянском языке все три лица оказываются различно, ибо каждый язык имеет своя меры, так же и зырянский с руском разнствует.

При сем имею честь представить вам занятия моих трудов, из коих главнейше первой буквы А: Российско зырянского Словаря начало, – а при том и прочия, коих можете сами увидеть, в черневом занятии. Приближаюсь уже к половине словаря. Скоро закончу 14-ю букву М: А в пред остается всех длительная буква П: ибо она много имеет предложных, кои для слов зырянских есть затруднительны, – до самаго окончания черневым письмом всего Словаря, на бело писать не удобно, А вот план моего разсудка по закончании черневаго занятия приглашу к тому пространно знающих российской языка людей, с коими буду черновыя тетрадки трафтовать, и прочитывать, и не нужно ли тогда будет вслучае чего отменить? Или сделать перемену, А потом уже апробованных буду переписывать на беловое, и тогдаж за ведомо буду выбирать зырянских слов в особливыя тетради, сколько в зырянском языке потребных к употреблению букв, столько же и сделаю числом по адфавиту тетрадок, с означением на каждой по порядку литер. И какое слово в которую тетрадь надлежать будет, буду взносить; это будет вторая часть, называемая зырянороссийским словарем, Вот истинное мое желание, естьли бы с помошю Бога ныне наступающей зимю мог черновыя закончить. И тогдаб беловое пошло успешнее, черновое же занятие многаго стоит труда, и весьма часто случается основыватся по довольно временем со своим разсудком, особенно при предложных словах обращатся к заду, и располагатся по прежде сделанной сущности, дабы было сходственно и правильно, – за всем сим всепокорнейше вас

прошу исходатайствовать мне от благодетелей Ваших помощи. К утешению за горевшей от кредиторов моих пламени, Которая меня пожигает мучительно; – ибо на находящееся в Устьсыольске мое имение наложен уже Арест, и непременно бы вытребовали на сей раз удовлетворить их не более потребно 200. Руб: А то, будь Бог направит совершенно растроенное мое здоровье, о сем не сколько не печалюсь, с помошю же Бога могу приобрести трудами, посредством своего мастерства, – теперь болезнь во мне превратилась в цынготную, бледность по телу и на лице, на ногах красноватся пятка, ворту в деснах боль с дурным запахом, из зубов течение крови, губы посинелыя, тягость и без силие по всему корпусу, в голове шум подобен без престанному угару, со временем бывает жар, без престанная жажда. Отвращение от пищи, пользуюсь сам простыми средствами, и муравейной ванной, от чего слава Богу чувствую тепрь по степенное облегчение, на воздух не выхожу, А все занимаюсь при сих припадках переводом черневых, и шествую своим путем, спешу к концу цели моей, – Особливо поощряет к тому желание мое, когда оно окончится и издано будет к тиснению, и выйдут в свет экземпляры, тогда юношество моих единоземцев, довольно моглоб чрез то почерпнуть нужных для их познания, и приобрести дарования к российскому языку; – И тогдаб естьли всевысший продлит жизнь мою, непременно бы еще сочинил пространную зырянскую грамматику. – Итак прошу покорнейше в предь писать в устьсыольск на имя Его титул: Советника Андрея Ивановича Попова, – А у аршаурова есть много своих коммерческих дел, – в прочем пребывая с истинным моим глубочайшим высокопочтанием, и преданностию, каковым имею честь пробыть навсегда, –

Ваше высокоблагородие,
Милостивый Государь!
Ваш
Покорнейший слуга
Иван Мальцов

Письмо вдовы Мальцева Шёгрену

13. марта 1833 г. Устьсыольск

Милостивый Государь!
Андрей Михайлович!

Покойной мой муж Устьсыольский мещанин Иван Мальцов, имел с Вами переписку, и отправлял некоторые труды своих зырянских переводов. После чего хотя еще было к таковому переводу приложен старание, и по Словарю от Васже доставленному переведены слова от первоначальной буквы А до буквы Н, с грамматическими изменениями, но случай кончины его жизни действие сие прервал; А ныне Г. Штабс-Капитан Николай Попов, имеющий принаровку к переводу и другие по тому случаю бумаги, выпросит: приняв от меня оные т.е: ручной словарь, перевод на 99. листах и словотолк на 16. листах, дал мне приемную расписку; уверяя, что за труды мужем моим на то приложенные Академия Наук неоставит вознаградить. А потом осмеливаюсь сим Вас утруждать и покорнейше прошу,

мне оставшейся в само-беднейшем положении с двумя малолетними детьми, за таковой труд моего мужа, сказать Вашего милостию возможное вспомоществование. Приемную же росписку на разсмотрение Ваше прилагаю у сего.

Милостиваго Государя
Покорнейшая слуга
ПОКОНАГО УСТЬСЫЛЬСКАГО МЕЩАНИНА
ИВАНА МАЛЬЦОВА ЖЕНА ВДОВА
АПОЛИННАРЬЯ МАЛЬЦОВА

Письма Николая Попова Шёгрену

1-е письмо

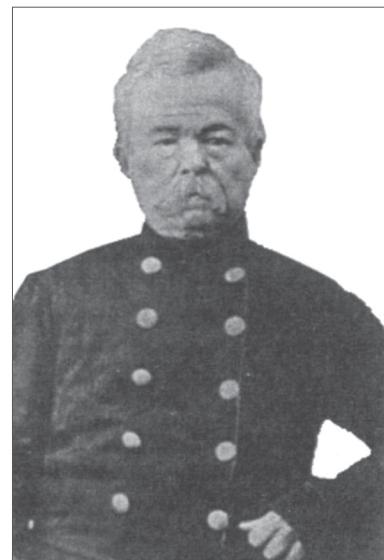
Мая, 2-го дня 1833 года Г. Устьсыольск

Милостивый Государь,
Андрей Михайлович!

Почтеннейшее письмо ваше я имел честь получить в г. Устьсыольске 25-го минувшаго Апреля, на которое сим и спешу вам ответствовать:

Еще в начале 1831-го года возымел я намерение составить зырянский словарь сколь возможно полный, к каковому занятию – тогда же и приступил первоначально собиранием слов зырянских, каковый сбор и поныне продолжается; что ж касается до приведения в Алфавитный порядок, то к сему приступлено мною только еще в минувшем Апреле месяце, ибо как для руководства в составлении словаря необходим был словарь полный Российской, то мною таковый выписан и получен уже из Санктпетербурга под названием «Полный Российской-Французско-Немецкий Словарь, сочиненный по новейшему изданию Словаря Академии Российской и других. Издание 2-е, противу первого издания словаря Российской-Французско-Немецкаго Г-на Профессора Ивана Гейма исправленное и во многом дополненное Карлом Мессом. Санктпетербург в типографии Ивана Глазунова. 1826.» По Словарю сему приступил я к настоящему составлению Российской-Зырянского словаря и предположил, обработав совсем одну какую либо букву, представить на благоразмотрение ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук, в каком случае, ныне обязанностию себе поставляю – просить вас, Милостивый государь! – не оставить меня вашим уведомлением, каким образом все сие я должен зделать? – ибо, по принимающему вами в занятии моем большому участию, льщу себя приятнейшею надеждою получить от вас достаточныя, по предмету составления Российской-Зырянского словаря, наставления во всех отношениях.

Относительно материалов к составлению словаря, честь имею вас известить,

Попов Николай Павлович.

что собранных мною слов зырянского диалекта простирается слишком до 20.000. с собственными фразами и выражениями онаго; продолжать составление онаго по мере досугов моих твердо положено мною а окончание, полагаю я, последовать может не ранее как в 2. или 3. года, ибо, как выше мною упомянуто, занимаюсь я сим в досуги, остающиеся от занятий по обязанностям службы :/ я состою Усть-сысольским Уездным Стряпчим:/

Что же касается до полученного мною перевода от вдовы Мальцовой, доведенного до буквы Н, и сей некоторой части слов по присыпанному вами для руководства к покойному Мальцову Российско-Немецкому словарю, каковый также у меня теперь находится, то я, разсмотрев перевод сей и сообразя с присланным для руководства Словарем нашел его во первых весьма недостаточным а во-вторых и со многими неверностями в переводе, что легко произойти могло, может быть, как от незнания покойным Мальзовым хорошо Российского языка, его оборотов и правил, равно от незнания Немецкого языка, хотя частию, для соображения и понятия значения слов, ибо в переводе его многие слова переведены совершенно в других значениях; по сим-то обстоятельствам, труды покойного Мальцова по имеющемуся в нем, к составлению Словаря зырянского усердию, конечно уважительны, относительно ж полноты и правильности во многом недостаточны, что однако ж, по мнению моему не может отдалить вдову Мальцову от надежды на просимое ею каковое либо возмеждие, ибо таковое. – я говорю сие основываясь на том, как почтили меня предуведомлением по сему предмету – ей следует соразмерно покойного ея мужа трудам, из коих, хотя не много, некоторые слова поступают в составляемый мною словарь. – Письмо Ваше ко вдове Мальцовой бывшее приложенным в таковом же ко мне, мною к ней отправлено, по жительству ея Устьсысольского уезда в селении Ношуле.

При сем также считаю нужным уведомить вас, что в составлении мною Российско-зырянского Словаря особенно вспомоществуют мне два лица, из природных зырян, известные между нами, как знатоки природного языка своего; из них первый вам уже человек знакомый имянно, Устьсысольский купецкий сын Алексей Суханов, второй крестьянин Устьсысольского уезда Устьнемского селения Филипп Попов.

В заключение письма сего, пожелав вам искреннейше всех благ, доброго здоровья и всякого благополучия; – с истинным моим к вам высокопочитанием и с совершенною преданностию честь имею пребыть навсегда

Вашим
Милостивый государь!
Покорнейшим слугой
Николай Попов.

М. Г.! Андрей Михайлович! За объявленное ?? приписание ?? бывшаго в Усть С ?? –ства, сим сообщаю мою искреннейшую благодарность, Уволенный от служб Ст. Сов. Павел Попов.

Приложение:

Росписка

Дана сия покойного Устьсыольского мещанина Ивана Мальцова жене вдове Апполинарии Прокопьевой дочери в том, что получена мною от нея для руководства в составлении Зырянского Словаря печатная книга одна, доставленная ему покойному Мальцову 1828 года в Ноябре месяце из Санкт Петербурга от Господина Доктора Философии Абовского Университета Андрея Михайловича Шегрена под названием «Ручной словарь Российско-Немецкой и Немецко-Российской по словарю Академии Российской Санкт-Петербургской сочиненный И. А. Е. Шмидом Академическим Лектором Российского и новогреческого языков при Лейпцигском Университете, стереотипное издание. Лейпциг, у. Карла Таухница.» Сверх того получены мною письманные документы: 1[‑] трудов его покойного Мальцова перевод по вышеозначенному Ручному словарю Российских слов на Зырянский, в 22[‑] тетрадях в лист, всего на 90. листах; переводы же всего с начальной буквы А до буквы Н; а с сей последней буквы начинающиеся слова переведены не все, а только малая часть, и 2[‑] выписанной полагать должно от куда-либо Словотолк или изъяснение введенных в Российский словарь иностранных и некоторых древно-Славянских слов, с выписками ж в конце оного из Мифологии и еще статья выписанная: мнение о цветах, колерах, в одной тетради в лист на 16. листах.

Вологодской губернии город Устьсыольск Марта 8-го дня. 1833-го года.
Штабс Капитан Николай Павлов сын Попов

2-е письмо

Апреля, 11-го дня 1834 года
Г. Устьсыольск

Милостивый Государь
Андрей Михайлович!

Имеем честь поздравить Вас с Монаршею милостию, с получением ордена, усерднейше желаем вам на будущее время получать и вящее за ваши труды, подъемлемые на пользу наук и просвещения.

Согласно желанию вашему и достохвальной ревности вашей, коими вы одобрили нас к сочинению Российской-Зырянского Словаря, – с сею же почтою посылаем в Академию при особом нашем представлении один Экземпляр перевода буквы К. обработанной нами окончательно; при Экземпляре приложим еще особый лист с изъяснением как знаков принятых нами для возможного объяснения слов, так и букв – с особенными знаками для приспособления к выговору слов Зырянских.

В представлении нашем мы покорнейше просим Академию разсмотреть посильный труд наш, и спрашивая разрешения тем ли следовать планом в составлении Словаря и прося чрез кого следует известить нас о замеченных в оном, какие окажутся, недостатках; вас покорнейше просим не оставить нас уведомить о мнении, которое будет иметь Академия о сочинении нашем и находатайствовать у оной о извещении нас по представлению нашему, дабы в систематическом составе словаря нам не было остановки.

Ныне у нас остается окончанною переводом, еще буква Л. требующая впрочем пересмотра; иные буквы еще в черне, кои будут дополняемы, предмет сей мы обсматриваем строго, дабы сколь можно удовлетворителен был малый труд наш, а по сей причине может быть и медлительно идет.

Очень благодарны вам, милостивый государь Андрей Михайлович, что занятие наше удостоило вашего внимания и покровительства; питаем себя лестною надеждою, что ИМПЕРАТОРСКАЯ Академия Наук не оставит нас благосклоннейшим возврением на сочинение наше; совершенно полагаемся на высокое покровительство оной и ваше способствование и соревнование, кои вы изволили на себя принять, одобряя нас в предпринятом сочинении нашем. Наша цель есть та, чтобы быть достойным сего и оправдать себя пред Академией и вами, к чему устремлены будут наши желания, вяще нас одушевя к усовершенствованию труда нашего.

Что ж касается до Словаря, который был составляем покойным Мальцовым, то мы им не пользуемся, ибо оный не полон и составлен не систематически и из него, кроме доступных простому понятию разговорных слов, извлечь другого не льзя, а кои слова несколько возвышеннее, те в переводе не верны и как видно оный поспешно был составлен.

При сем еще нужным находим вас уведомить, что по окончании предпринятаго нами составления Российско-Зырянского Словаря намерены мы заниматься и составлением Зырянской Грамматики.

За сим, непременным долгом поставляем себе свидетельствовать вам наше истиннейшее высокопочитание, желая вам усерднейше возможных благ и щастия, с каковым искренним желанием нашим имеем честь оставаться и пребыть всегда

Милостивый Государь!
Вашими Покорнейшими слугами
Николай Попов Алексей Суханов Филипп Попов

3-е письмо

27-го Августа 1840-го года
Г. Устьсыольск

Милостивый Государь
Андрей Михайлович!

Почтеннейшее письмо Ваше от 26-го Апреля к великому удовольствию моему я имел щастие получить и на оное, поспешая ответствовать, во-первых, прошу Вас покорнейше извинить меня за некоторое отступление мое от порядка вещей, то есть, за долгое мое молчание, чemu причиною было именно то, что не мог до сего времяни отвечать Вам удовлетворительно, по предмету составляемаго нами Зырянского Словаря.

Еще в прошлом 1837-м году один сотрудник мой А. С. Суханов по своим обстоятельствам из Устьсыольска отбыл и служит ныне на одном из частных винных заводов в Пермской Губернии; другой сотрудник кр. Филипп Попов хотя

и постоянно живет ныне в Устьсыольске, но также поступил и занимается безпрерывно письмоводством в здешнем Окружном Управлении, не имея почти досугов к занятиям по части Словаря, – и так я, оставаясь один, не мог более ничего делать, как заниматься перепискою Словаря, приводя в форму, с черновых листов, где слова собраны так сказать, в кучу.

В таком положении, находясь и сетуя о медленнодвигающемся впередь труде нашем, некоторые из Устьсыольцев предлагали мне – о желании своем вступить на проприще сотрудничества; но разсуждая что, 1-е Словарь наш вчerne кончен без мала весь и около половины его почти на-чисто обработано и между тем обработанное приводится в надлежащую форму и переписывается, а 2-е, собираением слов и вообще деятельным старанием о составе полнаго Словаря, я, А. Суханов и Ф. Попов заботились слишком 9. лет, а потому приглашать к окончанию Словаря новых сотрудников, я не счел за необходимость и на сих днях с сотрудником своим, твердым знатоком и ревнителем языка своего, Филиппом Поповым, мы решились продолжать наш труд вдвое :/ как и занимались этим двое со времяни отъезда Суханова :/ при всяком свободном времяни от занятий наших по Службе, – и вот причины, кои Вы изволите усмотреть, что Словарь наш не может кончиться так скоро и не можем мы означать времяни окончания его, ибо занимаемся оним, так сказать, урывками, при безпрерывных служебных обязанностях своих; однако по предположениям, если Бог благоволит, то надобно бы окончить в будущем 1841-м году. Если Демидовский премии окончатся в сем году, как Вы уведомляете, то делать нечего; но мы сим не будем остановлены в труде нашем, коим занимаемся с особыенным удовольствием и прямо с собственною охотою.

В настоящее время Словарь наш в 4-х черновых тетрадях, как и вышеупомянул я, вчerne весь, кроме последних букв с У. Ф. Х. и проч. В сии черновыя мы дополняли и дополняем из особенного Зборника Зырянских Слов, все слова, какое куда следует; но так как черновыя писаны без надлежащей формы словарей и единствено соблюден в них только порядок Алфавитный, то для приведения в должную форму и систематический порядок Словаря, я и переписываю с них на бело те буквы, кои окончательно дополнены и пересмотрены; по сие время переписал я буквы: И, Ј, К, Л, М, и доканчиваю Н. между тем с Ф. Поповым пересматриваем окончательно О. а когда эту кончим, то намерены начать с А-Н, так чтобы хотя 1-ю половину Словаря окончив и переписавши, можно было представить на благоразсмотрение Академии Наук.

Уведомляя Вас, Милостивый Государь Андрей Михайлович, спешим уверить, что словарь наш никак не был ии не будет оставлен; ибо мы занимаемся оним с большою охотою.

В сем письме я объясняю Вам еще давнишнее мое желание, состоящее в том, что, как я полагаю, имеются ныне в Академии Словари некоторых Чудских языков, на пр. Латышского, Вотяцкого и других, то нельзя ли снабдить нас оними на время; мы б могли составить краткий Сравнительный Словарь сих языков, для показания однородства их. Да еще осмеливаемся объясниться искренно: нет ли какого средства учинить нам некоторое пособие на необходимые по Словарю издержки и в особенности предстоящие на щет переписки огромнаго, можно сказать, Словаря нашего на бело, для представления в Академию; ибо как мне, так и Ф. Попову, при служебных занятиях наших, заняться сим никак не возможно;

хотя я ныне и пишу на-бело Словарь, приводя его в надлежащую форму, но с этого моего экземпляра, который останется у нас, необходимо написать другой беловой в совереннейшем виде для Академии Наук; да к тому ж, по мнению моему, не безполезно бы было поощрить и сотрудника моего крестьянина Филиппа Попова, столь усердно и охотно 9. лет занимающегося со мною, по недостаточности его состояния, а особенно еще потому, что без него, не мог бы и Словарь составляться в таком объеме, так как он Попов знаток в полном смысле языка своего, зная притом основательно и наш Русский.

Долгом и обязанности поставляю найчувствительнейше благодарить Вас за приемлемое участие Ваше в занятии нашем и желание нам пользы; таковое покровительство Ваше ободряет нас к посильным подвигам и мы с Ф. Поповым просим Вас покорнейше, не оставить нас почтеннейшим уведомлением Вашим.

С истиннейшим к Вам моим высокопочитанием пребывая остаюсь и есмь навсегда

Милостивый Государь!
Ваш
Покорнейший слуга
Николай Попов

4-е письмо

Октября, 10-го дня 1843 года
Устьсысолск

Милостивый Государь
Андрей Михайлович!

Самою первою обязанности поставляю себе пожелать вам искреннейше добраго здоровья и всех от Бога благ; за сим спешу пред Вами извиниться. На Ваше благодетельное расположение надеясь вполне, что не прitchется долгое молчание мое и не уведомление Вас о Русско-Зырянском Словаре, составляемом мною с известным Вам моим сотрудником Филиппом Поповым, за какое нибудь со стороны нашей нерадение или упущение должностного. Это происходило от причине и обстоятельстве неизбежных. Спешим первое почтеннейше уведомить Вас, что при благодетельном посредстве и поощрении Ваших, полный Русско-Зырянский Словарь подвигается у нас, к должностному окончанию онаго. Медленность в этом предназначатом нами деле, последовала во первых по причине кончины по Воле Божией в прошлом 1842 году одного из сотрудников наших, известного прежде Вам Алексея Суханова; во вторых бывши я сам прежде на должности Уездного Стряпчаго, мало имел свободного от занятий по службе времени: ныне же когда я нахожусь уже от этой службы уволенным, то и принялся Словарь этот, можно сказать, огромный, сам переписывать на бело; ибо он в черне у нас с Ф. Поповым уже окончен, кроме некоторых еще немногих просмотров онаго и исправлений где следует; для скорейшей же переписки на бело Словаря, предназначаемаго неотменно нами к представлению в Академию Наук, я мог бы найти средство и наймом каких либо перепишиков: но это более бы еще замедлило ход дела потому, что по наставлениям и

указаниям Вашим, принятые нами некоторые особые буквы как то: j, и с ним сочетавшиеся гласные, каковы: ja, je, ji, jö, jэ, jы и проч. А потому не привыкшие перепищики, хотя и Зыряне, наделали бы много ошибок, на исправление коих потребовалось бы опять время, да и при отдаании его в печать, могли бы последовать многия ошибки от неаккуратного и с поправками экземпляра Словаря нашего.

Но сим то причинам и замедляется ныне переписка на бело Словаря, начатая мною еще только с Февраля месяца сего года; что же касается до сотрудника моего Ф. Попова, то ему совершенно недостает времени заняться беловою перепискою, потому, что служа в здешнем Окружном Управлении писцом, он безпрестанно занят прямой своей обязанностию и только, так сказать, в часы досуга, мы вместе с ним занимаемся усовершенствованием составляемаго нами Словаря; между тем я сам переписываю Словарь на-бело и уже 2-й том онаго от М-П. на 96 обыкновенных писцых листах переписан, а теперь пишу 1-го тома Букву Б. Останется за сим еще переписать и привести в надлежащий систематический порядок два тома 3-й и 4-й. Весь же состав Словаря по алфавитному порядку, по предположению, поместится должен не менее как на 400 листах, или около того.

Сверх этого, Милостивый Государь Андрей Михайлович, имеем честь за нужное Вас уведомить, что в течении прошедшаго и текущаго годов, окончен нами совершенно перевод на Зырянский язык с Русского Псалтыря или книги Хвалений Царя Давида из 150-и псалмов состоящий, к коему в начале приложен перевод житья его Царя Давида, что извлечено из книги Начертание Церковной Библейской Истории, то по этому предмету незнам мы, можно ли сей перевод наш представить ныне в Академию Наук и если можно, то каким порядком, о чем покорнейше и просим Вас, как по предмету переписываемаго и изготавляющагося Словаря, а равно и на щет Псалтыря не оставить нас Вашим почтеннейшим нас уведомлением, которое и льстим себя приятнейшою надеждою от Вас получить.

Извиняясь пред Вами в толиком обременении Вас своими прозбами, мы единственно находимся в полной уверенности, что Вы снисходительно и свойственно известной любознательности Вашей ко всему и в особенности к относящемуся до Северно-Востока нашего, сизойдите к нам благосклонно и наставите нас, чтобы занятия наши могли оказаться полезными, сколько то по существу дела возможно будет.

Это письмо к Вам отправлено мною из Устьсысольска с Его Сиятельством Графом Кейзерлинг, который нынешняго лета путешествовал по нашей Гипперборейской стороне для ученых своих исследований; будучи весьма благосклонно принят Его Сиятельством и поощрен в занятиях моих относительно Зырянского языка, я решился обезпокоить их доставлением к Вам этого письма. Что с свойственною им благосклонностию было ими принято и я остался чрезмерно обязанным.

За сим, оканчивая это писание с извещением Вас, Милостивый Государь Андрей Михайлович, о сходе дела нашего по занятиям Зырянского языка, питаемся лестною надеждою, получить от Вас уведомление, дабы более еще воспользоваться полезными указаниями Вашими.

Со глубочайшим к Вам моим высокопочитанием и таковою же преданностию оставаясь, есмь и пребуду всегда

Милостивый Государь,
Ваш
Покорнейший слуга
Николай Попов

5-е письмо

20-го Августа 1845-го года
Г. Устьысольск

Милостивый Государь
Андрей Михайлович!

Непременным долгом поставляя себе засвидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочтение, сочел я за нужное уведомить Вас о ходе и успехе постоянно переписываемого мною Русско-Зырянского Словаря, и сим имею честь доложить Вам, что переписываю я теперь букву Т. которую перепискою дошёл уже почти до половины; и так за сим остаются только остальные буквы от У и до конца; всё это делопроизводство, полагаю я окончить в Октябре или Ноябре мѣсяца сего ж года и, при помощи Божией, если покончу, то просмотрев всю переписку второй половины Словаря моего, не замедлю оную также представить в Академию Наук, как и первую половину. Хотя я и не имел чести получить от Вас письма, но из Журнала Министерства Народного Просвещения за Июнь мѣсяца сего года, знаю уже, что представленная мною первая половина Русско-Зырянского Словаря Академией получена и в заседании оной 31-го Генваря сего года поручено разсмотреть оный Вам; почему обращаясь к Вам, Милостивый государь Андрей Михайлович, я считаю должным всепокорнейше просить Вас не оставить вашим благосклоннейшим вниманием подъятый мною посильный труд мой; я бы весьма сочел себя щастливо удовлетворенным, если бы получил от Вас уведомление меня, касательно рассматриваемого ныне Вами Словаря моего, и вообще какое имеете Вы мнение об оном, почему и льщу себя утешительною надеждою, что Вы, через столько уже лет благосклоннейше вспомоществуя мне в составлении Словаря своими полезными советами, – не оставите меня почтеннейшим уведомлением.

С истиннейшим к Вам моим высокопочтанием и с таковою же глубочайшею преданностию оставаясь, честь имею пребыть и есмь всегда,

Милостивый государь,
Ваш
Покорнейший слуга Николай Попов

6-е письмо

26-го Ноября 1845-го года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович!

Почтеннейшее письмо Ваше от 24-го Сентября сего года я в свое время имел щастие получить и на оное обязанностию считаю Вам ответствовать, и во первых

поспешаю Вас предуведомить, что Русско-Зырянский Словарь мой уже при близком, совершенном окончании его перепискою на-бело; я пишу уже букву Ч, и к 10-му числу будущаго Декабря надеюсь и совсем покончить; за тем, полагаю еще себе с неделю на окончательный просмотр этой 2-ой половины Словаря, и так, по совершенном его изготовлении, к Новому Году надеюсь представить его в Академию Наук, как и 1-ю половину в предыдущем к Вам письме, хотя и ранее я предполагал это дело кончить; но, как около двух недель с половины Октября я был, простудивший нездоров, то и не мог успеть ранее дописать словарь.

Я теперь предуведомительно спешу Вас известить о скором окончании Словаря, и с отправкою его в наступающем Декабре в Академию Наук, я не премину и долгом поставлю подробно Вас уведомить о всём том, что касается до составленного мною Словаря; ныне же, я сколь можно спешу поскорее оный привести к окончанию. Замеченные Вами излишне кажущиеся некоторыя двоегласныя буквы, принятые мною, я полагаю, можно будет и исключить, что я и предаю на Ваше благоусмотрение, а какия из оных имянно, то в будущем моем к Вам письме, по тщательнейшем своем соображении, я не премину изъясниться.

О Филиппе Попове за нужное считаю Вас уведомить, что я, уже около двух лет прервал с ним всякое сношение по случаю тому, что за непохвальное поведение свое и через то, за противозаконные свои поступки, он находится под Судом и содержится в Тюремном заключении; от него, как и от других Зырян, в первые годы начинавшагося Словаря, доставлены были только некоторые слова и выражения Зырянского языка, между тем как весь словарь приведен в должный систематический порядок в течении прежних двух и сего текущаго года одним мною.

И так за сим, поставляя за непременный долг засвидетельствовать Вам Милостивый Государь Андрей Михайлович, мое истиннейшее высокочитание и таковую же глубочайшую преданность с каковыми, при искреннейшем пожелании Вам всех от Бога благ, имею честь остаться и пребыть всегда,

Милостивый государь,
Вашим
Покорнейшим слугой
Николай Павлов Попов

7-е письмо

31. Декабря 1845 года,
Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович!

Человек предполагает, а Бог располагает! Этой неоспоримой истинною начиная писать к Вам, поспешаю Вас уведомить, что при помощи Всевышняго Бога, окончив составленный мною Русско-Зырянский Словарь, я с сею ж почтою представил на благоразсмотрение Академии Наук вторую половину онаго, 3-й и 4-й Томы, никак не успевши ранее сего исполнить, по предыдущему к Вам письму

моему, в коем имел я честь известить Вас, что к наступающему Новому Году будет уже представлен и остальной Словарь мой; это произошло единственно от того, что окончив переписку его, я вместо одной недели, употребил на окончательный его просмотр без малого три недели, что и окончил на сих днях.

Конечно, и за этим просмотром, с моей стороны возможно бдительным, – найдутся может быть и еще некоторые неисправности в Словаре; но этого устраниТЬ было мне не возможно, не употребив на это не малое время; я же, сколь можно поспешал окончанием и представлением Словаря моего и, – вполне надеюсь теперь, что Вы по всегдашней обязательной Вашей ко мне благосклонности, оказавшиеся неисправности уничтожите; что же касается до излишних двоегласных, мною введенных, то полагаю я, что из них можно исключить *је* и *јэ*; заменив оныя гласными: первую *Е*, а вторую *Э*, так что вместо писания слов на пр. *Јен*, *Лјэптыны*, писать уже *Ен Лэптыны*; сим образом писаны эти и подобные слова и в Евангелии от Матфея перев. покойного Протоиерея Шергина; следовательно, если Вы согласны уничтожить эти двоегласные *је* и *јэ*, то в Словаре моем вместо их стоит только ставить *е* и *э*; прочия же двоеглавные, как то: *jo*, *ji*, *jö* и *јы* необходимы по свойству зырянского языка, да они приняты были и Прот. Шергиним; не говоря уже о *ја* и *ју*, кои у него писались Русскими *я* и *ю*. И так, полная зырянская Азбука, если исключить вышесказанные, составит следующие 33. буквы: а б в г д е јо /: јорсем, сјорнітны /:, ж, з, дж, дз, і, ѡи /: ѡи ѡип /: , к, л, м, н, о, ё, ѕ, ѕи /: ѕёкыд, ѕёз /: , п, р, с, т, у, јш, јы, јз, ју, је, ја и ј. Все это передаю на Ваше благоусмотрение.

Что же касается до дальнейших занятий моих Зырянским языком; то уповая на благосклоннейшее Академии Наук воззрение на посильные труды мои, я с охотою могу подвизаться на этом поприще занятий, и надеюсь воспользоваться только Вашим советом, льстя себя приятнейшою надеждою, получить таковой чрез благосклоннейшее Ваше меня извещение. Я полагаю, что не бесполезно было составить словарь и наоборот, т. е. Зыряно-Русский, и – если это Вы одобрите, то надеюсь и прошу Вас покорнейше указать мне обращик к удобнейшему и правильнейшему составлению онаго; но вообще по этому предмету я ожидать буду Вашего наставления.

С наступающим Новым Годом, я имею честь Вас поздравить, с изъявлением искреннейшаго моего желания провести Вам, как оный, равно и многие предбудущие в полном здравии, щастии и желаемой благополучности во всех предназначениях Ваших.

Вседушевно надеясь на Вас, что Вы по милостивому ко мне благорасположению Вашему, не оставите содействовать к пользе моей, – я жизнь мою пребуду Вам искреннейше благодарным; ныне же осмеливаясь ожидать почтеннейшаго уведомления Вашего.

С истиннейшим к Вам моим высокопочитанием и таковою же глубочайшею преданностию всегда пребывая, имею честь оставаться и есмь

Милостивый Государь!
Ваш
Покорнейший слуга
Николай Попов

8-е письмо

16-го Января 1846-го года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович!

Почтеннейшее письмо Ваше от 20-го Декабря прошлаго 1845-го года, я имел
щастие в начале истекшаго года получить, и на оное поспешаю теперь отвечать,
извиняясь во первых в столь долгой медленности моей, произшедшей от того, что
я прошедшим летом за долг положил Вам отвечать чрез одного родственника
моего, служащаго в Санктпетербурге; его может быть до Вас не дошло и первона-
чально поспешая, сим имею уведомить Вас, что как 1-й и 2-й Томы Русско-
Зырянского Словаря, мною составляемаго, то эту первую половину Словаря, пост-
ранично на 758 листах, я и представил с сею же почтою в Академию Наук на его
благоразсмотрение: я за тем ныне переписываю 3-й том Словаря, но не могу
наверное сказать, когда эта 2-я половина онаго будет готова, ибо как и прежде
имел я честь Вас уведомить, что перепискою занимаюсь я один, а полагаю, что
можно кончить оную в сем 1845-м году, если не воспрепятствуют этому какия
либо непредвиденные причины; очень бы желательно мне и самому сколь можно
окончить всю переписку. На суждения некоторых из Зырян наших я никогда не
смотрел; приняв все заключения Ваши на щет Зырянского языка за действитель-
нейше правильныя, сообразно коим я по благосклоннейшим советам Вашим и
следовал, совсем не подражая механически Орфографии Русской.

Всепокорнейше прошу Вас, Милостивый государь Андрей Михайлович! При
нынешнем представлением моим в Академию Наук 1-й половины Русско-Зырян-
ского Словаря не оставить оный благосклоннейшим вниманием Вашим, и по
разсмотрении онаго, если кажется он Вами аппробован, представить с заключени-
ем своим на благоразсмотрение Академии Наук; от Вас зависит степень достоин-
ства труда этаго, так как Вам уже давно известен народ Зырянский и язык его.

За сим льщу себя приятнейшею надеждою, что Вы по благосклонности Вашей
и всегда столько лет уже оказываемому снисходительнейшему вниманию к труду
моему – не оставите удостоить меня почтеннейшим уведомлением Вашим, какое
благораспоряжение учинено Академию Наук будет, по предмету полученнаго оною
Русско-Зырянского Словаря первой половины.

С истиннейшим к Вам моим высокопочитанием и с таковою же глубочайшею
преданностию оставаясь, имею честь пребыть всегда

Милостивый Государь,
Ваш Покорнейший слуга Николай Попов

9-е письмо

11-го Марта 1846-го года
Г. Устьысольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович!

31-го Декабря минувшаго года при отправлении моем в Академию Наук, последней половины составленного мною полнаго Русско-Зырянского Словаря, я имел честь письмом отнести и к Вам, долгом поставив уведомить Вас об окончании труда моего; но не имея щастия получить от Вас уведомления, я ныне некоторым образом нахожусь в сомнении, получили ли Вы письмо мое, и по сей-то причине, я решился паки обратиться к Вам с покорнейшею просьбою мою не оставить меня почтеннейшим уведомлением Вашим на щет Словаря моего, коего и 2-я половина верно уже пострупила на разсмотрение Ваше. Я очень любопытствую, как сами Вы можете представить, знать что оказывается в Словаре моем, и могу ли я питаться утешительною надеждою, что приложенный к составлению Словаря труд не останется без снисходительнейшаго на онай возврзения. Вполне надеясь на милостивое Ваше на мне благорасположение, я льщу себя приятнейшюю надеждою, что по предмету этому обо всем касающемся соблаговолите меня уведомить, что и поставляю знаком безпрерывно продолжающагося Вашего ко мне, столь для меня лестнаго благорасположения.

Непременным для себя щитаю долгом, при искреннейшем пожелании Вам всего наилучшаго, засвидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочтание и глубочайшую преданность, с каковыми пребывая всегда есмь и имею честь оставаться,

Милостивый государь,
Ваш
Покорнейший слуга
Николай Попов

10-е письмо

23-го Сентября 1846-го года
Г. Устьсыольск

Милостивый государь
Андрей Михайлович!

Считая непременною обязанностию засвидетельствовать Вам мое истиннейшее высокопочтание и достодолжное от искренняго сердца уважение, спешу сим письмом во первых обратиться к постоянному предмету занятий моих, относительно Зырянской диалектики, уведомляя сим, что я в текущем лете занимаюсь составлением Зыряно-Русского, и также полнаго Словаря, как и прежде имел честь Вас извещать об этом, и уже оканчиваю третию букву В; полагаю, так сказать на верное, что и этот словарь в объеме будет неменее Русско-Зырянского, у Вас в разсмотрении находящагося, ибо также снабжается нужными для значений в разных отношениях слов фразами; об этом труде моем, прошу Вас не оставить меня потребными в наставление меня сведениями.

В истекшем Августе был у нас в Устьсысольске Столичный житель ваш известный вам Профессор П. И. Савваитов, также зырянофил, по занятию себя отчасти языком зырян; он прибывши к нам обратился ко мне и просил посодействовать ему в составляемом им кратком Русско-Зырянском Словаре, и я, по словам его, что он с Вами знакомый и поощряемый Вами к полезным по этой части занятиям, сколько было нужно помог ему, объяснив значения Зырянских употребительнейших слов. Он меня уведомил, между прочим, что видел у Вас Словарь мой, а также и Псалтырь, переведенную мною на Зырянский язык; в разсуждении последней, я до сих пор не знал, что она находится уже у Вас; но он объяснил мне, что оная поступила к Вам перед отъездом Вашим в Финляндию, как Вы и прежде удостоили об этом предстоявшем путешествии Вашем меня уведомить; я льщу себя приятною надеждою, что Вы по сему предмету соблаговолите меня уведомить.

Поле Зырянологии очевидно разширяется к большому, и натурально, удовольствию Зырянофилов, в числе коих считаю себя и я. – по крайней мере из первых в зырянском kraю, занявшихся языком сим, будучи Вами единственно поощрен к сему занятию; честь эта и слава исключительно и принадлежит Вам, как ревностнейшему подвигоположнику на поприще Лингвистики Северовостока России. Между прочим я за нужное почитаю уведомить Вас, что житель Г. Устьсысольска, нынешний Протоиерей наш Кокшаров намерен также отнести к Вам письмом своим, относительно Зырянского языка, и единственно по предмету установления букв для письма зырянского правильно и единообразно всем и он намеревается для этого составить в Устьсысольске род собрания, и об этом-то предмете предварительно хочет отнести к Вам с испрашиванием совета; и действительно, различны мнения всех для выражения на письме слов Зырянских; каждый толкует по-своему; но какое же еще правильнейшее письмописание на Зырянском языке может быть того, которое по указанию и доказательному объяснению Вашему, принято мною в Русско-Зырянском Словаре моем? И я – по советам Вашим стою на своем, предоставляя покуда писать кому и как кто мыслит.

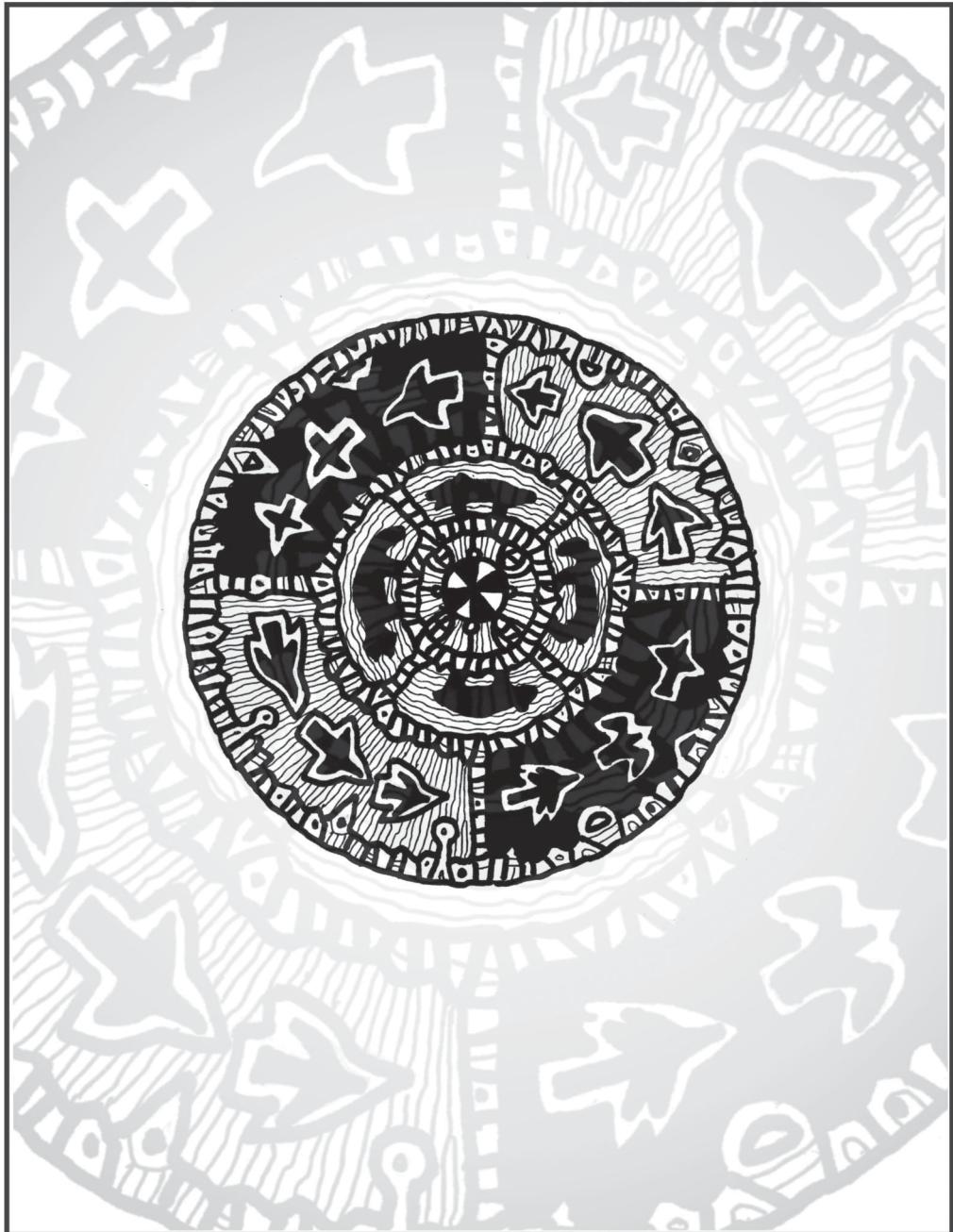
Не знаю, возвратились ли Вы из путешествия своего, но как Г. Савваитов мне сказывал, что Вы к Октябрю мцу прибудете в С.Петербург, то я и поставил в непременную обязанность писать к Вам, и питаю себя приятнейшою надеждою, что Вы удостоите меня почтеннейшим Вашим писанием и извещением о ходе дела, столь для меня занимательного, по части зырянологии; я всегда и с величайшим удовольствием моим пользуюсь получаемыми мною в письмах Ваших наставлениями, гордясь по всей справедливости иметь щастие быть известным людям просвещеннейшим,

С истиннейшим и достодолжным к Вам моим высокопочитанием и таковою же навсегда глубочайшею мою преданностию, при искреннейшем пожелании Вам всех от Бога благ, остаюсь

Милостивый Государь!
Вашим
Покорнейшим слугой,
Николай Павлов Попов

P.S. В число доказательств что Зыряне суть финского поколения, я бы мог привести сходство языка зырянского с финским, составив краткий сравнительный словарь, – если бы имел для сего под рукою Словарь финский; ожидаю на это Вашего благосклоннейшаго внимания и мнения по сему предмету.

КАЛЕВАЛА
160 ЛЕТ

Армас Мишин

Армас Иосифович Мишин (псевдоним – Олег Мишин, Армас Хийри) родился 15 февраля 1935 года в деревне Пустошка Мгинского района Ленинградской области, в так называемой Ингерманландии. По национальности ингерманландский финн. Своё детство А. Мишин провёл в Сибири, в городе Омске. В Карелии живёт с 1949 года.

Окончил Карельский педагогический университет. Работал в школах работающей молодёжи. После защиты кандидатской диссертации был многие годы сотрудником Института ЯЛИ Карельского филиала РАН. Имеет научные труды по проблемам финляндской литературы.

Армас Мишин известен как переводчик на русский и финский языки. Вместе с фольклористом Эйно Киуру перевёл на русский язык эпос «Калевала», который впервые вышел в свет отдельной книгой в 1998 году.

Элиас Лённрот – врач и поэт

В 1830–1833 годах Элиас Лённрот только ещё начинал работать врачом, но уже трижды был в самом центре борьбы с эпидемиями холеры и дизентерии. Молодому врачу хватало забот. Не хватало лекарств, а ещё больше люди нуждались в хлебе (годы были неурожайные), о чём он и сообщал в своих кричащих письмах в Медицинское управление Финляндии из Каяни. В 1833 году Лённрот и сам заболел брюшным тифом. Даже прокатился слух о его смерти. Поэтесса Августа Люндал посвятила этому факту стихотворение на шведском языке, которое начиналось такими строчками:

Ты умер, о лебедь Суоми,
Угас, благородный муж!

Стихи Люндал свидетельствовали о том, что уже первые литературные работы Лённрота (сборник лённротовских версий народных песен «Кантеле» 1828 года и журналистские статьи) обратили на себя внимание соотечественников.

За заслуги в борьбе с холерой Элиас Лённрот получил бриллиантовое кольцо от императора Николая I. И всё же в шутку Лённрот говорил о себе: «Самый ленивый врач Финляндии». Объяснялось всё просто. Пациентов в более спокойные времена ему не доставало. Больные больше доверяли знахарям, профессиональных врачей побаивались: мало ли, отравят ещё своими лекарствами. Да и сам Лённрот не всегда верил в силу сделанных лекарств. Он искал природные средства, интересовался народной медициной. Совершал многочисленные поездки по своему округу, а потом и за его пределы.

В судьбе Элиаса Лённрота удивительным образом увязывались медицина, фольклор, ботаника. Во время врачебных поездок он собирал произведения устного народного творчества. А когда записывать было нечего, занимался «для собственного развлечения сбором растений и выяснением их названий», «считая, что изу-

чение финских наименований растений и других объектов природы способствовало бы выяснению вопроса о древней родине финнов». И, кроме того, Лённрота интересовали лекарственные свойства растений. Пройдут годы, и он издаст первый финноязычный справочник «Флора Финляндии», где не забудет рассказать, при каких болезнях можно использовать травы. Сбор заклинаний (а он продолжался почти полвека) также был вызван двумя причинами, фольклорного и медицинского характера. Лённрот придавал большое значение в медицинской практике внушению, психологическому воздействию слова на человека. Большую книгу заклинаний (25 000 строк) он выпустит в 1880 году. Попутно скажем, что точно также рождались и другие его книги «Пословицы финского народа» (1842), «Загадки финского народа» (1844).

Как неутомимый просветитель Элиас Лённрот напечатал множество брошюр и статей в газетах по разным областям знаний, прежде всего по медицине («Домашний врач крестьянина», «Советы по воспитанию и кормлению детей» и др.). Лённрота влекли также юриспруденция, история, математика и языкознание. Он издал «Юридический справочник для всеобщего просвещения», участвовал в написании «Истории Финляндии» и «Истории России». Всю жизнь собирая слова и создававший их (сотни слов в финском языке идут от Элиаса Лённрота), в 1847 году он выпустил «Шведско-финско-немецкий толкователь», в 1851 году подготовил финскую часть «Русско-шведско-финского словаря». Самая большая его работа – двухтомный «Финско-шведский словарь» (1880), сравнимый разве только со словарём В.Даля. Но ведь Лённрот ещё издавал и свою газету «Мехилиайнен» («Пчела»).

С 1853 года по 1862 Лённрот занимал должность профессора Хельсинкского университета, преподавал финский язык и литературу. Знавший около десятка языков, написал первую грамматику вепсского языка. В 1876 году его избирают почётным членом Петербургской академии наук.

Уже перечисленного здесь вполне достаточно было, чтобы его имя навсегда вписалось в историю Финляндии. Но главный подвиг его жизни – «Калевала», сделавшая его известным во всём мире. А рядом с ней – знаменитый сборник песен «Кантелетар».

Для создания таких произведений требовался большой поэтический талант. Он у Лённрота был. В 1824 году Лённрот блестяще перевёл на шведский язык стихотворение Николая Карамзина «Берег». О его таланте свидетельствовал и дружеский стихотворный ответ Августе Люндал на стихи, посвящённые его смерти. Оно написано в юмористическом духе, имеет прекрасные рифмы. Лённрот переложил на финский язык отрывок из «Илиады». Калевальской метрикой он писал шуточные стихи и письма своим друзьям. Многие его духовные песни до сих пор входят в книги псалмов.

Работа над «Калевалой» началась уже в 1827 году, когда он написал и защищил магистерскую диссертацию «Вяйнямейнен – божество древних финнов». На этой стадии Лённрот изучил всё, что до него в Финляндии было известно об одном из главных персонажей народной эпической поэзии. То же касается Лемминкяйнена. Но по отношению к нему он поступает по-другому. Он сразу на основе многих вариантов песен о нём, собранных в финляндской Карелии, начинает писать поэму «Лемминкяйнен». В результате в 1833 году одна за другой

родилось три поэмы, объединённых в цикл («Лемминкяйнен», «Ваяньямейнен», «Песни свадебных гостей»). Это и был первый этап создания «Калевалы». Второй начинается тогда же. Лённрот решает искать общий сюжет, который позволил бы заставить героев действовать совместно. Так в конце 1833 года рождается «Собрание песен о Ваяньямейнене», который в финской науке называется «Перво-Калевалой». Русский литератор В.Гордлевский нашёл ей ещё более точное название «Калевала» в миниатюре. Ни первая, ни вторая версии «Калевалы» при жизни их создателя не были опубликованы. Уже по ним видно, что Элиас Лённрот не был переписчиком народной поэзии. От версии к версии он обретал всё большую свободу как творец. Чудесные сюжеты и образы народной поэзии переплавлялись как в тигле под его рукой.

Третья версия, опубликованная в 1835 году, рождалась в основном благодаря песенным материалам, собранным от десятков рунопевцев российской Карелии (Архипа Перттунен, Саава Трохкимайнен, Онтрея Малинен, Ваасила Киелвяйнен, Юрки Кеттунен, Мартиска Карьялайнен и др.). При создании версии 1849 года акцент опять переместился в сторону рунопевцев финляндской Карелии (Симана Сиссонен, Симана Хуохванайнен, Архипа Бурускайнен, Микита Шемейкка, Матели Куйвалатар и др.).

Первую опубликованную версию «Калевалы» резко критиковал К.А. Готтлунд, высказавший в 1817 году мысль о возможности создания некой упорядоченной целостности из народных песен, за отступления от народной поэзии. Поэтому же он отказался читать «Калевалу» 1849 года. Но ещё до выхода её в свет в адрес Лённрота разразился критикой его ученик Д. Е. Д. Эвропеус: «К возможной радости недоброжелателей и к досаде любителей отечества выходит теперь наша «Калевала», ломая законы красоты и народности».

Через сто лет русский фольклорист Владимир Пропп как раз в этом увидит достоинство «Калевалы»: «Лённрот не следовал народной традиции, а ломал её; он нарушал фольклорные законы и нормы и подчинял народный эпос литературным нормам и требованиям своего времени. Именно этим он создал ей («Калевале» – А.М.) величайшую популярность, угадав вкусы и эстетические потребности образованных читателей своего времени». Финский учёный Вяйно Кауконен, докторально изучивший «Калевалу» и первичный песенный материал, сделал вывод в своей книге «Второе издание «Калевалы» Элиаса Лённрота»: «Наиболее «калевальское» в поэме не то, что тождественно песням народных певцов, а всё то, что в ней отличается от них». Один из авторов фундаментальной книги о жизни и работе Элиаса Лённрота «Самматти» (2002) Пекка Лааксонен сказал об этом ещё короче: «Калевала» – спетый Лённротом эпос».

Создатель «Калевалы» работал до последних лет жизни. В Самматти, на своей родине, он открыл народную школу и народную библиотеку. Во дворе своего дома он выращивал лекарственные растения и подбирал им финские названия, если их не было.

А жизнь его между тем была нелёгкой. Рано умерла его супруга. Из четырёх дочерей до старости дожила только одна. Но Лённрот был глубоко религиозным человеком. Эта вера и вера в высокое предназначение человека поддерживали его в трудные минуты жизни. Она же водила его пером, когда он работал над текстом великой «Калевалы».

Элиас Лённрот

Элиас Лённрот (9 апреля 1802, Сяммити, Финляндия — 13 марта 1884).

Калевала*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Друг любезный, милый братец!
детских лет моих товарищ!
Запоём-ка вместе песню,
поведём с тобой сказанье,
5 эти песни, что добыли,
те слова, что сберегали
в опояске – Вяйнямёнен,
в жарком горне – Илмаринен,
в острой стали – Кавкомъели,
10 в самостреле – Йовкхайнен
за полями дальней Похьи,
в Калевале вересковой.
Их отец мой пел когда-то,
ручку топора строгая,
15 этим песням мать учила,
нить льняную выпрядая.
Много было слов у сампо,
много вещих слов – у Ловхи.
С песнями старело сампо,
20 с заклинаниями – Ловхи,
Випунен почил в заклятьях,
Лемминкяйнен – в хороводе!

Так, слыхал я, песни пели,
складывали так сказанья:
25 по одной приходят ночи,
дни по одному светают,
так один родился Вайно,
так певец явился вечный,
юной Илматар рождённый,
30 девой воздуха прекрасной.
Дева юная природы,
дочь воздушного простора,
заскучала в поднебесье,
в жизни той затосковала;
35 стало скучно, одиноко,
надоело жить девицей
во дворах больших воздушных,
средь полей небесных ровных.
Бот спускается пониже,
40 на морские волны сходит,
на морской хребет высокий,
на открытое пространство.
Ветер девушку баюкал,
девушку волна носила

* Публикация из книги Лённрот Э. Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских песен / пер. с фин. А. Мишин, Э. Киуру. – сокращённый вариант 1862 г.– Петрозаводск: Скандинавия, 2006. (Песнь первая и вторая).

- 45 по морским пространствам синим,
по высоким гребням пенным,
понесла от ветра дева,
от волны затяжелела.
Бремя тяжкое носила,
50 чрево твёрдое таскала,
может, целых семь столетий,
десять жизней человечьих.
Не родится плод чудесный,
не выходит незачатый.
55 Видит: утка подлетает,
крыльями усердно машет,
ищет землю для гнездовья,
основанье для жилища.
Всё же места не находит,
60 где бы гнёздышко устроить
на морском хребте широком,
на синеющем пространстве.
Вот кружится, вот летает,
долго думает, гадает:
65 на ветру избу поставить,
на волне жильё построить?
Ветер дом на воду свалит,
унесёт волна жилище.
Вот тогда воды хозяйка
70 подняла из волн колено
для гнезда красивой утке,
для уютного жилища.
Утка, стройное созданье,
видит среди волн колено,
75 приняла его за кочку,
бугорочек травянистый,
сделала себе жилище,
чтобы в нём снести яички.
Принялась яички парить,
80 нагревать колено девы.
Вот сама воды хозяйка,
мать воды и дева неба,
чувствует: горит колено,
сухожилия пылают.
85 Дева дёрнула коленом,
яйца на воду скатились,
на осколки раскололись,
на кусочки раскрошились.
Изменились все кусочки,
90 дивно все преобразились:
- что в яйце являлось низом,
стало матерью-землёю,
что в яйце являлось верхом,
верхним небом обернулось,
95 что в желтке являлось верхом,
в небе солнцем заблистало,
что в белке являлось верхом,
то луною засияло,
что в яйце пестрее было,
100 стало звёздами на небе,
что в яйце темнее было,
стало тучами на небе.
Время движется всё дальше,
чередой проходят годы
105 на земле под новым солнцем,
новым месяцем полночным.
Всё плывёт воды хозяйка,
мать воды и дева неба,
по воде плывёт спокойной,
110 по волнам скользит туманным,
перед нею – зыбь морская,
небо ясное – за нею.
Девять лет уже проходит,
год уже идёт десятый –
115 голову из волн высоких,
из пучины поднимает,
заялась твореньем тверди,
перестраиваньем сушки.
Чуть протягивала руку –
120 образовывала мысы,
ила донного касалась –
вырывала рыбам ямы,
глубоко вдыхала воздух –
омуты рождала в море.
125 Поворачивалась боком –
берега морей ровняла,
трогала ногами сушу –
делала лососи тони,
сушки головой касалась –
130 бухты вдавливала в берег.
Чуть подальше отплывала
на морской простор широкий,
луды делала на море,
скалы скрытые творила,
135 чтоб на мель суда садились,
мореходы погибали.

- Вот уж острова готовы,
луды созданы на море,
подняты опоры неба,
140 названы края и земли –
не рождён лишь Вайнямёйнен,
вековечный песнопевец.
Вековечный Вайнямёйнен
в чреве матери носился,
145 тридцать лет скитался в море,
столько же и зим метался
по морским просторам ясным,
по морским волнам туманным.
Говорит слова такие,
150 речь такую произносит:
«Солнце, месяц, помогите,
Семизвездье, посоветуй,
покажите путь на берег,
- проводите в мир прекрасный!»
155 Солнце помогло и месяц,
Семизвездье научило:
в море он ничком свалился,
на волну – вперёд руками,
оказался Вайно в море,
160 среди волн герой остался.
Пять лет лежал он в море,
пять и шесть лет скитался,
семь и восемь лет проплавал,
наконец остановился
165 у безвестного мысочка,
у земли совсем безлесной.
Так рождён был Вайнямёйнен,
рода славный песнопевец,
выношенный девой стройной,
170 матерью воды и неба.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- Вот поднялся Вайнямёйнен,
стал на твердь двумя ногами
там на острове средь моря,
там на суще без деревьев.
5 Думает герой, гадает,
долго голову ломает:
кто же мне засеет земли,
семена положит в почву?
Пеллервойнен, сын поляны,
10 Сампса, мальчик малорослый,
вот кто мне засеет землю,
семена положит в почву.
Сампса сеет, засевает
все поляны, все болота,
15 засевает все лощины,
каменистые долины.
На горах сосняк посеял,
на холмах посеял ельник,
вересняк – на суходолах,
20 поросль юную – в ложбинах.
Принялись расти деревья,
вверх побеги потянулись,
зацвели макушки елей,
разрослись верхушки сосен,
25 вырос березняк в долинах,
- ольхи на земле сыпучей,
на сырой земле – ракиты,
на святой земле – рябины,
в долах – заросли черёмух,
можжевел – на почве твёрдой,
30 чуден плод у можжевела,
у черёмухи прекрасен.
Вековечный Вайнямёйнен
осмотреть решил посевы,
35 Сампсы первые посадки,
Пеллервойнена работу.
Видит: выросли деревья,
поднялась высоко поросль,
только дуб ещё не вырос,
40 божье дерево не встало.
Четырёх он дев увидел,
пятерых невест из моря.
Девы на лугу косили,
травы росные срезали
45 на краю косы туманной,
там на мглистом островочке.
Тут из моря вышел Турсас,
муж из волн морских поднялся,
сено тотчас сунул в пламя,
50 в полыхающее пекло,

- обратил в золу всё сено,
всю траву сухую – в пепел.
Лишь золы осталась кучка,
ворон пепла получился.
- 55 Лист любви упал на пепел,
лист любви и жёлудь дуба,
из него дубочек вырос,
поднялся побег зелёный.
Ветви далеко расправил,
- 60 широко раздвинул крону,
до небес дорос вершиной,
по свету раскинул ветви,
заслонил собою солнце,
месяца затмил сиянье.
- 65 Тяжко в мире человеку,
рыбам жутко в море плавать
без сиянья солнца в небе,
блеска месяца ночного.
В свете нет такого мужа,
- 70 не найти героя в мире,
кто бы дуб срубил могучий,
повалил бы стовершинный!
Тут уж старый Вайнямёнен
произнёс слова такие:
- 75 «Ой ты, Каве, мать родная,
дева милая природы!
Из воды пришли мне силу,
ведь в воде мужей немало,
кто бы дуб срубил могучий,
- 80 дерево свалил дурное,
заслоняющее солнце,
закрывающее месяц».
Вот из моря муж явился,
из волны герой поднялся,
- 85 не длинней мужского пальца,
бабьей пяди не короче.
Медный пояс на герое,
в поясе топорик медный.
Вековечный Вайнямёнен
- 90 вымолвил слова такие:
«Что за человек ты будешь,
что за муж ты, бедолага,
мертвеца чуть-чуть пригожей».
- 95 Только вымолвил словечко,
посмотрел ещё разочек,
видит – муж преобразился,
- 100 обновился, изменился –
ноги в землю упирались,
голова касалась тучи,
борода к коленям свисла,
волосы до пят спустились,
шириной в сажень межглазье,
шириной в сажень штанина.
- 105 Сделал шаг, как будто прыгнул,
на песок ступил сыпучий,
сделал два, поставил ногу
на коричневую почву,
в третий раз шагнул и тут же
- 110 стал у огненного дуба.
Топором по дубу стукнул,
острым лезвием ударил,
раз ударил, два ударил,
вот и в третий замахнулся:
- 115 из железа хлещет пламя,
быёт огонь из корня дуба.
Бот от третьего удара
дуб могучий повалился,
наземь рухнула ракита,
- 120 стовершинная свалилась.
Дуб упал к востоку комлем,
к западу пролёг вершиной,
кроной к югу развернулся,
к северу – ветвями всеми.
- 125 Лишь свалился дуб огромный,
злое дерево упало,
сразу солнце засветило,
заблестел на небе месяц,
тучи в небе побежали,
- 130 радуга дугой согнулась
над далёким мглистым мысом,
над туманным островочком.
Стали тут боры стройнее,
начал лес расти быстрее,
- 135 зашумели травы, листья,
птицы в кронах зазвенели,
на ветвях дрозды запели,
громче прочих птиц – кукушка.
Ягодники появились,
- 140 золотых цветов поляны,
травы всякие возникли,
вышли разные растенья.
Лишь ячмень не прорастает,

- драгоценный злак не всходит.
- 145 Вот уж старый Вяйнямейнен,
думу думая, шагает,
здесь он шесть находит зёрен,
семь семян он поднимает
с берега того морского,
150 с мелкого того песочка.
Попросил сковать секиуру,
вырубил пожог просторный,
свёл красивые деревья.
Лишь берёзоньку оставил.
- 155 Прилетел орёл небесный –
прилетел узнать, в чём дело:
«Для чего стоять осталась
эта стройная берёза?»
Молвил старый Вяйнямейнен:
- 160 «Для того стоять осталась,
чтоб тебе здесь отдыхалось,
чтоб спокойно тут сиделось».
Так сказал орёл небесный:
«Хорошо ты это сделал,
- 165 что берёzonьку оставил,
дерево породы славной,
где бы птицы отдыхали,
где б спокойно мне сиделось».
Тут пернатый выбил пламя,
- 170 170 огненную искру высек.
Сиверик* зажёг подсеку,
распалил восточный ветер,
всю дотла спалил подсеку,
превратил деревья в пепел.
- 175 Тут уж старый Вяйнямейнен
засевать поляны начал,
сам сказал слова такие:
«Сею семя, рассеваю,
сыплю через божьи пальцы,
- 180 180 всемогущего ладони.
Ты, владычица поляны,
почвы славная хозяйка,
землю побуди работать,
почвы мощь заставь трудиться,
- 185 185 тыщами гони побеги,
сотнями толкай колосья
на моих полях, посевах,
- 200 за мои труды-заботы!
Ой ты, Укко, бог верховный,
ты, родитель наш небесный,
облаков седых властитель,
повелитель туч небесных,
дождь пролей из туч на землю,
мёдом брызни на посевы,
- 205 на зелёные побеги,
прорастающие шумно!»
И тогда верховный Укко,
облаков седых властитель,
поднял облака с востока,
- 210 210 облака привёл с заката,
с юга – много туч дождливых,
пролил их дождём на землю,
мёдом брызнул на посевы,
на зелёные побеги.
- 215 Через день ли, два денёчка,
даже после третьей ночи,
вековечный Вяйнямейнен
свой посев пошёл проводить,
свою ниву, свою пашню.
- 220 220 Поднялся ячмень на славу –
в шесть сторон торчат колосья,
три узла на каждом стебле.
Вековечный Вяйнямейнен
смотрит, ниву озирает.
- 225 225 Тут весенняя кукушка
увидала ту берёзу:
«Почему стоять осталась
в поле стройная берёза?»
Молвил старый Вяйнямейнен:
- 230 230 «Потому стоять осталась
стройная берёза в поле,
чтоб на ней ты куковала.
Покукуй ты нам, кукушка,
позовени нам, златогрудка,
- 235 спой нам песню, среброгрудка,
грудь свинцовая, покликай
на рассвете, на закате,
покукуй разочек в полдень,
пой о том, как мир прекрасен,
- 240 240 как леса мои чудесны,
берега мои богаты,
плодородны мои земли!»

* Сиверик – «...северный холодный ветер» (В.Даль).

Юрий Орлицкий

Юрий Борисович Орлицкий – поэт, доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), главный редактор журнала «Вестник гуманитарной науки», автор нескольких поэтических сборников и книг.

«Стих «Калевалы» в русской поэзии и прозе

«Калевала» Элиаса Лённрота вне всякого сомнения принадлежит к числу наиболее популярных в русской литературе переводных поэтических произведений; история этих переводов подробно и увлекательно описана в книге А.Хурмеваара («Калевала» в России (к истории перевода). Петрозаводск: Карелия, 1972) и основательной, во многом уточняющей и дополняющей эту книгу статье А.Мишина (Переводы «Калевалы» на русский язык // Киуру З., Мишин А. Фольклорные источники «Калевалы». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 210-243), поэтому мы не будем здесь на ней останавливаться.

Главный «виновник» этой популярности – автор первого и до сих пор самого удачного и известного перевода финского литературного эпоса, доцент русской словесности Московского университета Леонид Петрович Бельский (1855–1916), верный ученик великого русского фольклориста и этнографа Фёдора Буслаева.

Не многие сегодня помнят, что первому полному изданию своего перевода «Калевалы», осуществлённому в 1888 году, Бельский предпослав стихотворное посвящение, красноречиво назвав его «Дорогому наставнику Фёдору Ивановичу Буслаеву»:

Когда из мира тёмных сил,
Из мира скуки и смятенья
Скорбя душой, я уходил,
Ища отрадного забвенья;

Когда сомнением томим,
И раб бесплодного скитанья,
Хотел я чувством жить иным,
И жаждал света и познанья –

Я шёл туда, где ключ живой
Народов мудрость источает,
Где слово истины простой
В лучах поэзии сияет;

Туда, где тайный смысл времён
Начертан древностью забытой, –
Там, сединами убелён,
Стоит на страже муж маститый.

Он предо мною раскрывал
Науки мудрости скрижали,
Судьбу веков он мне вещал,
Народов радость и печали.

Он свитки хартий вековых
Держал десницею благою

И прелесть образов былых
Он воскрешал передо мною.

Я шёл к нему. Он напоял
Меня из чаши просвещенья,
Во мне будил он вдохновенье
И тихий труд благославлял.

Как видим, это нехитрое, но искреннее стихотворение написано традиционным для того времени стихотворным размером – четырёхстопным ямбом, который, как мы помним, изрядно «надоели» уже Пушкину. Тем не менее, им написано подавляющее большинство русских литературных стихов второй половины XX века. Для фольклорных же стилизаций русские поэты, начиная с Карамзина, использовали обычно различные типы другого силлабо-тонического двусложника – хорея.

Поэтому сложившийся в литературной среде достаточно устойчивый миф о каком-то особенном, присущем только финскому эпосу типе стиха – т.н. «стихе «Калевалы»» – является явным преувеличением; интересно, что и в карельской музыкальной фольклористике сложилось параллельное этому, столь же приблизительное понятие «калевальской метрики» и «калевальского восьмисложника» (1).

Стихотворный размер, которым выполнено подавляющее большинство стихотворных переводов поэмы Э. Лённрота на русский язык, относится к числу наиболее распространённых (кроме и после ямба) в русской классической поэзии: это четырёхстопный хорей, который, по справедливому замечанию М.Л. Гаспарова, «господствует среди хореев прочнее и дольше, чем 4-стопный ямб среди ямбов: его жанровый диапазон шире, он включает и оды (особенно духовные), и лёгкую лирику, и песни, а потом он прочно ассоциируется с народной тематикой. С XVIII в. и до 1830-х годов он твёрдо занимает 75–80% всех хореев; в 1840–1890-х годах его доля понижается до 50–60% ...; в 1890–1925 гг. доля его падает ещё ниже, до 41%, и это становится началом его конца: с этих пор он уступает натиску 5-стопного хорея, теряет ведущее положение и окончательно отходит с первого места на второе». (2).

К сожалению, ни у Гаспарова, ни у других исследователей русского классического стиха нет точной статистики по тому конкретному варианту этого популярнейшего размера, которым написано большинство переводов «Калевалы», начиная с исторического переложения Бельского: белому четырёхстопному хорею со сплошными женскими окончаниями. Очевидно, что в условиях почти полного господства рифмованного стиха он встречался в оригинальной русской поэзии значительно реже, чем стих с переменной рифмовкой (чаще всего – с чередованием мужских и женских чередований); тем не менее, нет никаких оснований говорить о какой-то особой исключительности этого метра для русской поэзии.

С другой стороны, вопреки мнению крупнейшего американского специалиста по русскому фольклорному стилю Дж. Бейли и ряда других исследователей, хорей вовсе не является господствующим типом стиха и в русском фольклоре, о чём свидетельствует материал уже первых отечественных песенных сборников: в книгах Львова-Прача, Кирши Данилова, Киреевского и Рыбникова решительно преобла-

дает не он, а различного рода тоника или силлабика. Об этом же пишет известный русский фольклорист Б. Ефименкова, отмечая при этом, с другой стороны, что наиболее распространённым из песенных силлабо-тонических размеров оказывается третий пеон (хорей с пропуском удара на третьем слоге); 3), то есть как раз тот вариант четырёхстопного хорея, который, как мы увидим далее, чаще всего встречается в русских стихотворных переложениях финского эпоса.

Так на что же опирался в своём переводе лённротовской «Калевалы» Бельский? Очевидно, прежде всего, на русскую литературную поэзию, которая для имитации народного стиха, начиная с восемнадцатого века, использовала именно четырёхстопный хорей (правда, в основном другого клаузульного типа – не с женскими, а с дактилическими окончаниями (4), а отчасти – и на тот народный пеон, о котором пишет Ефименкова.

Характеризуя ритмику русского четырёхстопного хорея девятнадцатого века, Гаспаров свидетельствует, что его ритм практически совпадает с русской языковой моделью этого размера: ударность стоп в нём составляет соответственно 57–93–48–100%, то есть в некоторой степени приближается к пеону третьему (и там, и тут самой слабой оказывается третья стопа; 5). Можно предположить, что в условиях константного начального удара в финском стихе профиль ударности должен быть иным: «финская модель» должна стремиться к стопроцентной ударности первой стопы. Посмотрим, в какой степени это предположение оправдывается на материале русских переводов и подражаний на темы «Калевалы» (6).

Стоящие у колыбели этой традиции стихотворения Фёдора Глинки периода его петрозаводской ссылки (1827–1828; «Вейнамена и Юковайна» и «Рождение арфы»), написанные, как видим, ещё до появления свода рун Лённрота. Профиль ударности стихотворений Глинки явно ориентирован на контрастную русскую модель хорея: в стихотворении «Вейнамена и Юковайна» он выглядит так: 65.8–100–68.4–100, в «Рождении арфы» ещё контрастнее – 23.6–100–65.2–100.

Особо хочется отметить в обоих стихотворениях стопроцентную ударность второго икта и очень низкую (особенно во втором) ударность первого; при этом третий икт в обоих стихотворениях Глинки более ударен, чем в русской поэзии в целом.

Первый стихотворный перевод небольших фрагментов собственно «Калевалы» (всего 192 строки) находим в статье Я. Грота «О финнах и их народной поэзии», напечатанной в 1840 г. Здесь профиль ударности 50.5–100–48.0–100, то есть знаток финской поэзии в большей мере следует русской модели метра, предложенной Глинкой.

Интересно, что в переводах ученика Ф. Буслаева С. Гельгрена, выпустившего в 1880, 1881 и 1886 годах отдельные руны «Калевалы» в стихотворном переводе на русский язык, заметно вырастает «финское» ударение на первой стопе – в определённой мере за счёт становящейся менее ударной второй.

Классический полный перевод Л. Бельского, первое издание которого увидело свет в 1886 году, устанавливает своего рода норму ударности для русской «Калевалы» (45.9–98.5–61.7–100; подсчёты проводились по вступлению и первой руне, всего 344 строки). Интересно, что стихотворное посвящение Ф. Буслаеву, открывшее это издание «Калевалы», Бельский написал традиционным для русской

поэзии его времени пятистопным рифмованным ямбом, обозначая тем самым резкое различие между русским литературным и финским фольклорным стихом уже в самом начале книги.

В Острогорский, переведивший стихотворные вставки в прозаическом пересказе «Калевалы» для юношества, выполненному Н. Борисовым три года спустя, избрал для своей версии различные типы русского стиха, ассоциировавшиеся у читателя того времени с народной поэзией: в основном это рифмованный или частично рифмованный дактиль, ямб и хорей небольшой стопности.

В 1898 и 1910 годах выходят в свет второе и третье, принципиально переработанные по сравнению с первым, прозаическим (1881), издания перевода Эдуарда Гранстрема, целиком выполненные метрической прозой (в подзаголовках обозначенные как стихотворные). Это – первый известный нам большой текст такого рода на русском языке, что заслуживает отдельного серьёзного разговора. «Вторая» «Калевала» Гранстрема написана, как и большинство силлабо-тонических переводов этой поэмы на русский язык, тем же самым белым четырёхстопным хореем со сплошными женскими окончаниями, только в прозаической записи. При этом профиль ударности этого текста – безусловно, «русский»: первый икт малоударен, второй стремится к стопроцентной ударности.

К сожалению, как справедливо писал А. Мишин, этот перевод у нас малоизвестен, хотя его тоже можно считать одним из наиболее удачных. В качестве доказательства этого процитируем небольшой пример из перевода Гранстрема:

Привет певца

Захотелось мне спеть песню, песнь могучую, родную, что певали прежде предки. Зазвучать готова песня, на устах слова уж тают, на язык они стремятся, простились сквозь зубы.

Дорогой мой друг, мой братец, сверстник детства золотого! Уж давно мы не встречались, наконец с тобой сошлися здесь на севере печальном. Так возьмёмся же за руки, сложим вместе наши пальцы, запоём с тобою песню, песнь могучую затянем. Пусть друзья услышат наши, молодёжь пускай внимает слову этих чудных песен; их за поясом богатым прятал верный Вейнемейнен, на горниле – Ильмаринен, в метком луке Юкагайнен, на мече Каукомъели, и хранились эти песни на полях Похьюлы мрачной, на равнинах Калевалы.

Их отец мой пел когда-то, вырезая топорище, им и мать меня учила, сидя за свою прялкой, между тем как я ребёнком у неё в ногах всё ползал. Был тогда я малой крошкой, молоком одним питался; слышал я от них в то время, как старалось в песнях Сампо, как от чар погибла Лоухи, как погиб Випунен с песней, в играх умер Лемминкайнен.

Есть и слов других не мало, слов чудесных, веющих, мудрых; их нашёл я на тропинках, снял их с вереска, с цветочков, с кустиков, с зелёных веток и с былинок нежных в поле, как ходил я пастушёнком по лугам, холмам медовым за Мурикки чёрной дойной, за красивой пёстрой Киммо. Нашептал мороз мне песен, насыпал мне руны дождик, понавеял мне их ветер, принесли морские волны, птицы мне слова сложили, речи создали вершины сосен, елей и берёзы.

Я смотал в клубок те песни, положил его на санки и привёз домой к амбару, где и спрятал в медный ларчик. Долго там они лежали, на морозе всё скрывались. Не пора ль теперь достать их, принести в избу те песни? Не открыть ли мне мой ларчик, полный чудных слов и звуков, размотать клубок чудесный, развязать тот узел песен?

Песню славную спою я, зазвучат прекрасно руны, если мне предложат пива, поднесут мне молодого. Если ж пива не дадут мне, буду петь я в сухомятку, буду и водой доволен, и спою я свою песню всем на радость, на веселье, чтобы этот день украсить, завершить прекрасный вечер.

Позднее, в 1950-е годы, прекрасные переводы трёх глав эпоса («Рождение канtele», «Золотая Дева» и «Айно») выполняет С.Маршак; однако они были негативно встречены критикой, и известнейший русский переводчик прекратил свою работу над поэмой, однако переведённые им фрагменты включались с издания избранных переводов. Профиль ударности главы «Рождение канtele» в переводе Маршака составляет 59,9–88,1–56,1–100, то есть для манеры этого переводчика свойственно общее снижение ударности хорея, в том числе и на втором икте, что резко отличает стих его перевода от «русской нормы»; однако ещё более он далёк от финской модели.

В экспериментальной переработке перевода Бельского, осуществлённой в 1970 г. О.Куусиненом, начало «Калевалы» перевёл А.Титов; в его переводе первые слоги строк занимают в основном служебные части речи, что снова ведёт к усилению русского варианта хорея.

Наконец, в последнем на сегодняшний день полном стихотворном переводе, выполненнем Э.Кийру и А.Мишиным, можно видеть следование слаженной ритмической модели перевода С.Маршака (недаром в своих статьях Мишин настойчиво защищает его попытки): в 344 первых строках поэмы профиль ударности этого перевода составляет 60,5–85,2–57,9–100. Понятно, что этот коллективный перевод тоже вернее будет называть русским, но с одной оговоркой: третья стопа здесь очень сильно ослаблена в сравнении с другими переводами и русским стандартом этого размера.

Исследователь «Калевалы» и её русских переводов А.Мишин со знанием дела пишет: «Основа метрики «Калевалы» – четырёхстопный хорей, который звучит довольно разнообразно, поскольку в устной традиции runopевцы нарушали ударения в словах в угоду мелодии и музыкальному ритму. Попытка передать это ритмометрическое разнообразие привела бы в переводе к мешанине стихотворных размеров. Авторы нового перевода не отходят от четырёхстопного хорея, использованного впервые при переводе карельских рун ещё Фёдором Глинкой» (6).

Сравнивая хореические переводы, можно заметить определённую монолитность X4жбел., появившуюся уже у Глинки и окрепшую у Бельского и после него. При этом русская модель с акцентированным ударением на втором икте (peonическая) преобладает в большинстве переводов. Своего рода боковую ветвь ритмики создают переводы Маршака и Кийру/Мишина, в которых заметно по сравнению с русской моделью размера и стихом традиции Бельского снижается ударность и второго икта на фоне ещё более невысокой ударности нечётных стоп.

Среди многочисленных стихотворных произведений на русском языке, написанных по мотивам «Калевалы» (7), выделим два, наиболее близких к «метрике «Калевалы»»: стихотворение Сергея Городецкого «Юхано» 1906 года и поэму советского поэта Виктора Гончарова 1957 года «Мельница счастья» (по мотивам «Калевалы»).

Небольшое стихотворение Городецкого «Юхано (на финском озере)» написано оригинальным вариантом хорея, который можно рассматривать как ритмическую фантазию на тему финского эпоса. Это – цenzурированный восьмистопный хорей, первая половина строки которого заканчивается женским, а вторая, рифмующаяся – мужским окончанием: таким образом, первые полустишия всех строк совпадают по схеме с «финским» четырёхстопником, а вторые заметно от него отличаются. Одна строка – бесцезурная; интересно, что первые («финские») полустишия имеют 77.8 % мужских анакрусов, а вторые – вдвое меньше (38.9 %).

Оригинальной можно считать и строфику: это трёхстишия со смежной рифмовкой:

Рано-рано из тумана прорезаются леса.
 Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
 Гладь озёрная недвижна, берега — как пояса.
 Коренастый, низколобый, преисполнен тучных сил,
 Едет Юхано на лодке, едет тихо, загрустил:
 «Нету милой, нет любимой, никого я не любил».
 Зазвенели колокольчики с далёких берегов:
 Это Тильда выгоняет на поля своих коров.
 Как-то мальчик её белый этой осенью здоров?
 Долетел до лодки хриплый с берегов собачий лай:
 Лает Вахти, сторож Айны. Ну-ка, сердце, вспоминай,
 Кто там мальчика качает в колыбели, баю-бай?
 Всколыхнулась громко рыба в прибережных тростниках
 Это едет Маэстина, в лодке стоя на ногах.
 Едет бросить в воду сети. Тяжело ей на сносях!
 Гладь озёрная недвижна, берега — как пояса.
 Едет Юхано на лодке, с лодкой движется леса.
 Нету милой, нет любимой! Где ты, девушка-краса?

9 сентября 1906 года

Поэма Виктора Гончарова «Мельница счастья» написана белым четырёхстопным хореем с женскими окончаниями, профиль ударности стиха ближе всего к маршаковскому, то есть в нём ослаблены все три первые стопы (в 153 строках первой главы он составляет 51.6–85.0–70.6–100).

В связи с переводом Бельского и его влиянием на русскую поэзию в целом есть смысл говорить также о некоторых других известных произведениях на русском языке в конце XIX – начале XX в., написанных белым четырёхстопным хореем и неизменно воспринимающихся как результат воздействия на них метрики «Калевалы» в переводе Бельского. В первую очередь это касается знаменного бунинского переложения «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло, вышедшего

в России в 1896 году. Влияние на произведение американского поэта поэмы Э.Лённрота отмечалось неоднократно; применительно к русскому переводу можно столь же однозначно говорить о влиянии на его автора стихотворного перевода Бельского.

Это относится и к ритмике: в бунинском переводе находим слабый первый икт, более сильный второй и – это особенность именно русской «Гайаваты» – ослабленный третий.

Несколько неожиданной в ряду «наследников» поэмы Лённрота может показаться «Песнь о Буревестнике» (1901) М.Горького, тоже, как известно, написанная белым четырёхстопным хореем со сплошными женскими окончаниями; выбор прозаической формы записи, возможно, свидетельствует также о косвенном влиянии перевода Гранстрема.

Ударность «Песни», в отличие от других хореических произведений, оказывается выше русской нормы; возможно, это как-то связано с агитационной направленностью произведения.

Наконец, «Биармия» Каллистрата Жакова, прямо называвшего поэмы Лонгфелло и Лённрота источниками созданного им в 1926 г. авторского коми эпоса. Напомним начало поэмы:

Где ты, где ты, пурпур песен,
Изумруд сказаний древних?
Где станок великой жизни,
Где членок великой ткани,
Нитей жизни приумолкшей
В временах давно минувших?
Утка древняя сидела
На скале темносенистой,
Утка древняя сказала:
«Я забыла песнопенья,
Нет в зобу моём тех сказок,
Дивных притчей, прибауток,
Слов народных отдалённых.

Как видим, для стиха «Биармии» характерна ударность русского (peonического) типа, что вполне соответствует модели эпического ритма, избранной Бельским.

Наконец, особый интерес с точки зрения ритмической (а точнее – метрической) организации представляют прозаические пересказы «Калевалы» – точнее, то, как в них отражается хореическая природа поэмы.

Так, уже в прозаической части пересказа Грота 1840 г. обнаруживаем 28 условных силлабо-тонических строк, то есть идущих подряд слоговых групп, не противоречащих их восприятию в качестве аналогов стихотворных строк (8), из которых только четыре – не хорей (то есть хореи составляют 86%), а из хореических только 4 – не четырёхстопники с женскими окончаниями (таким образом, «калевальских» – 83% случайных хореев в прозе Грота). Среди них такие выразительные, как:

Это радует старуху...
 В Похьоле, куда он едет...
 Я, бедняжка, уезжаю...
 Вянемайнен отвечает...
 Между тем и Ильмаринен...
 Прочь с дороги, Йокухайнен...
 Лемминкейнен убивает...

Как видим, большинство аналогов включает длинные финские имена, предполагающие хореические мужские анакрозы.

При этом в других своих скандинавских переводах, вошедших в «Труды» Грота, есть и ямбы, и гекзаметры; современной ему метрикой учёный-переводчик владел хорошо.

Брошюра Морица Эмана «Главные черты из древней финской эпопеи «Калевала» (1847) начинается с признания: «Тщетным усилием представляется перевод поэтических произведений в прозе, особливо с финского языка, где так много заключается в гармонии слов, в повторении новыми выражениями одного и того же» (9). Начало его пересказа – достаточно метрично (14 %), причём 85% из них – хореи, из которых 55 % – четырёхстопники с женскими окончаниями, среди которых находим такие явные аналоги стихотворных строк:

начинает неизвестный...
 Ещё есть другие песни...
 Долго песни мои были...
 уладить прекрасный вечер...

Встречаются и отрывки, образующие пары хореических строк:

так положим руки в руки,
 палец к пальцу и начнём...

Песни я собрал в клубок и
 положил клубок на саночки...

Потом метр в прозе пересказа практически исчезает. Едва ли не единственное исключение – условная строка:

Долго он потом носился...

Опубликованный в 1855 г. в «Библиотеке для чтения» перевод Мармье сделан с французского текста-посредника. Метрических отрывков здесь практически нет, а стихотворные фрагменты, включённые в прозаический текст, выполнены «народной» рифмованной тоникой.

Первый полный прозаический перевод Э.Гранстрема (1881) метризован не-значительно (во вступлении и 1-й главе метризация составляет всего около 7%), однако доля хореев здесь тоже намного выше среднестатистической (14 из 24

метрических отрезков (58%). При этом именно во вступлении, ритмически настраивающем читателя, их подавляющее большинство – 90% (9 из 10 строк) именно хореи, причём «калевальских» – 5 (55%):

*вырезая топорище...
этим песням научила...
и нимало заклинаний...
ветер и морские волны...
мои песни на морозе...*

В первой главе мы уже видим полное разнometрие, хотя и здесь есть три «калевальских» хорея:

*там мгновенно появлялись...
поворачивалась боком...
далеко в открытом море.*

Следующий перевод «Калевалы», выполненный Н. Борисовым (первое издание 1898 г.), сознательно ориентирован на «юношество». Здесь в первой главе 20 силлабо-тонических отрезков, но из них только 3 (15%) хореи, а «калевальский» – всего один, правда – сдвоенный:

*где так много попадает
рыбы в сети рыбака.*

Кроме того, в этом переводе – семь стихотворных «песен», которые «поют» персонажи: Дак 223223 бел, 24 строки (1 строка Амф2), Х4м с неупор. рифмовой, 2 строки – Х3ж, всего 22 строки; Х4жм бел, 14 строк; Ан3ж бел; Х4мж бел; Я4мж; Х4мж бел.

Пересказ Н. Асеева (1915), тоже адресованный юным читателям (10), метризован на 10%; из условных строк только 41% – хореические, зато из них 20 (90%) – «калевальские» четырёхстопники с женскими окончаниями.

Вопреки ожиданиям, наиболее популярный детский перевод Любарской, близкой в своё время к обериутам, оказался тоже не слишком метричен (10%) и нехореичен (всего 20%), хотя два из трёх хореев – четырёхстопные с женскими клаузулами (*где поднимет она руку... и выступают в море мысы...*).

Наконец, роман известного петербургского писателя Павла Крусанова «Калевала. Финский эпос». Четырёхстопный «финский» хорей тут, как видим, появляется уже на обложке, встречается он и в первой части книги (общая метричность текста – 10, 6 %, из них хореев – 64,8 %, а четырёхстопников среди хореев – 80,7%, что вкупе с стихотворными цитатами из перевода Бельского создаёт устойчивый хореический образ текста. Вот несколько особенно выразительных примеров:

*и хозяйкой вод прекрасной...
и безжизненной пучины...
девять жизней человека...*

*Ильматар во чреве тяжесть,
не зачатый – не рождался... (дважды)
а седьмое – из железа...
нестерпимый жар в колене –
так гнездо нагрела утка...
а из скорлупы железной...
отделилась тьма от света...
и под ней оживают...
остаются рыбам ямы...
но не получил свободы...
развернулся поудобней...
после сдвинул безымянным...
обхватив руками волны...
чтобы ясно видеть месяц...
Так родился Вайнемайнен...*

А вот как это выглядит в целостном прозиметрическом тексте книги (хореические фрагменты выделены в тексте курсивом):

Много было на острове деревень, но мало осталось там женщин, с которыми бы он не поразвлёкся: сотни вдов огулял он, сотни девиц обольстил, и *так три лета жил на острове в веселье*, спеша в поздний час под очередной кров на радость девицам и на отраду вдовам.

Не порадовал Лемминкяйнен лишь одну старую деву, не найдя для себя в ней прелести, – уж задумывался он о дороге к родному дому, *как пришла к нему старуха-девица* с такими словами:

– Милый красавчик Кауко! Если ты меня не уластишь, то устрою я так, что застигнет тебя на обратном пути буря и разобьёт твою лодку!

Но не пошёл Ахти *на забаву к той усохшей деве*. А когда однажды ночью решил он навестить на прощание своих шалуний, то увидел в окнах мужей, что оттачивали топоры и мечи на погибель беспечного Кауко, – это старая дева открыла им глаза, как с дочерьми их, невестами и сёстрами в свою усладу *жил три года Лемминкяйнен*. Понял тут Кауко, что на горе ему взойдёт завтра солнце, и, не обняв на прощание милых девиц, поспешил к своей лодке. Вышел он к пристани, а лодка его уже сожжена – стал челн кучей золы и пепла.

Увидев, что не оставляют его беды, принял Лемминкяйнен, собирая всё своё искусство и мудрость, мастерить новую лодку, но как ни торопился, а едва-едва поспел к утру. Столкнул Ахти новый челн на волны и так заклял его:

– Как пузырь, скачи по гребням,
Как кувшинка, по теченью!
Пусть три пёрышка орлиных
И два чёрных от вороны
Станут челноку ветрилом,
Пусть тугой поймают ветер
Для судёнышка худого!

Сел Лемминкайнен у кормы и поник головой от печали, что не смеет больше оставаться здесь на радость кудрявым девицам и весёлым вдовам.

Даже краткий детский пересказ «Калевалы» Наталии Старостиной (2004), предназначенный массовому читателю, содержит в первой части 8 четырёхстопных хореев с женскими окончаниями (72%).

Таким образом, хотя совпадений в целом не так много, они особенно заметны за счёт прежде всего своей аномальности: для русской прозы характерна ямбическая метризация, занимающая в естественно метризованных текстах обычно более половины объёма, хорей же, напротив, встречается очень редко.

Как пишет А. Мишин, «сюжетный характер своей «Калевалы» Элиас Лёнпрот подчёркивал уже тем, что перед каждой главой давал краткое её содержание, как это утверждалось в традициях западно-европейского романа». Кроме сходства с традицией авторского эпоса, такие прозаические саммари перед стихотворными главами создают в тексте поэмы и её переводов эффект ритмического двуязычия, т.н. прозиметрию (11).

При этом интересно, что хореи стихотворного монолита довольно часто проникают и в этот, казалось бы, сугубо вспомогательный компонент целого.

Так, вступление к поэме Бельского включает такие хореические псевдострохи:

забеременев от ветра
в землю, небо, солнце,

соседствующие со случайным дактилем:

Утка свивает гнездо на колене...;

вступление к первой песне у Гельгрена предваряется следующими метрическими хореическими «заготовками»:

Гоголь вьёт себе гнездо...
долго носится по волнам...

(кроме этого, во вступлении встречается также случайный четырёхстопный анапест:

Вейнемёйнен рождается от матери вод).

Во вступлении к переводу Эйно Киуру и Армаса Мишина без изменения воспроизведены две приведённые выше хореические строки из перевода Бельского, к которым добавилась ещё одна:

и откладывает яйца...

Это – тоже немаловажная ритмическая особенность книги, обеспечивающая в ней не только контакт, но и своего рода конфликт двух типов художественной

речи. Вообще же, переводы «Калевалы» порождают целый ряд явлений на стыке стиха и прозы: метрическую прозу Гранстрема, метрические вкрапления в большинстве прозаических переводов, прозиметрию в большинстве прозаических переводов, возникающую благодаря почти обязательным в них стихотворным цитатам, и в стихотворных – благодаря появлению прозаических вступлений перед каждой главой.

Наконец, почти все авторы русских переводов «Калевалы», начиная с Грота, отметившего важную роль аллитераций в финском оригинале, стараются передать её средствами своего языка, причём как в стихах, так и в прозе (12). Но это – тема отдельного исследования.

Литература:

1. См. напр.: Краснопольская Г. Певческая культура народов Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 8 и далее; интересно, однако, что автор этой книги утверждает, что в карельском песенном фольклоре калевальский восьмисложник допускает значительные колебания как по количеству слогов в строке, так и по её структуре, так что само понятие «калевальская метрика» – «это определённое обобщение».
 2. Гаспаров М. Современный русский стих. М. 1974. С. 61.
 3. Ефименкова Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001. С. 247.
 4. Гаспаров М. Там же. С. 367 («из хореических... размеров был канонизирован 4ст. с дактилическими окончаниями»).
 5. Гаспаров М. Там же. С. 98.
 6. История русских переводов «Калевалы» подробно исследована в монографии: Хурмеваара А. `Калевала` в России (к истории перевода). Петрозаводск, 1972, а также в дополняющем и корректирующем эту работу очерке А. Мишина (Мишин А. «Калевала» – поэма Лённрота // Киуру Э., Мишин А. Фольклорные источники «Калевалы». Петрозаводск, 2001. С. 147-242).
 7. Мишин А. «Калевала» – поэма Лённрота // Лённрот Э. Калевала. Петрозаводск, 2007. С. 15.
 8. См. напр.: Калевала – памятник мировой литературы. Петрозаводск, 1953. С. 23-26.
 9. Подробнее о процедуре выделения таких аналогов см.: Орлицкий Ю. Стих и проза в русской поэзии. М., 2002. С. 49-52.
 10. Эман М. Главные черты из древней финской эпопеи Калевала. Гельсингфорс, 1847. С. 1.
 11. Асеев Н. Калевала. Избр. места в переложении для детского возраста. М., 1915.
 12. Подробнее см.: Орлицкий Ю. Указ. соч. С. 411-562.
- Интересно, что влияние специфической звуковой организации «Калевалы» именно на прозу отмечается в статье о современной карельской прозе (Старшова Т. Влияние эпоса «Калевала» на национальную прозу Карелии / Калевала – памятник мировой литературы. Петрозаводск, 1986. С. 154-155); ср., напр., «стихийные» повторы согласных в прозаическом переводе, выполненнем поэтом Асеевым: *Огромный костёр из разрубленных деревьев; Вайнемёйнен вынимает семь семян.*

Елена Сойни

Сойни Елена Григорьевна, старший научный сотрудник сектора литературы Института языка, литературы и истории.

Доктор филологических наук. Автор монографий «Николай Рерих и Север», «Русско-финские литературные связи начала XX века», книги «Северный лик Николая Рериха», четырёх поэтических книг.

В отечественной и зарубежной научной литературе Е.Г. Сойни опубликовано более 70 научных статей.

Член Союза писателей России. Живёт и работает в Петрозаводске (Республика Карелия).

«Калевала» и мастера аналитического искусства

В 1933 г. издательство «Academia» решило выпустить первое издание «Калевалы» в СССР. Инициатором издания выступил полпред СССР в Финляндии Иван Михайлович Майский, автором вступительной статьи «Из истории Калевалы», состоящей из четырёх разделов, был Дмитрий Владимирович Бубрих, основатель советского финно-угроведения, будущий директор Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Видный учёный выразил общепринятые в те годы взгляды на «Калевалу», принимая миграционную теорию Каарле Крона и вслед за ним усиливая значение героев-богатырей и воинских сюжетов. По мнению Д.В. Бубриха, проникновение рун «Калевалы» к приграничным карелам было явлением весьма поздним, и большая часть карелов «рун «Калевалы» никогда не знала»¹.

Словом, художникам под руководством Павла Николаевича Филонова (мастера аналитического искусства) была дана установка оформить «Калевалу» как памятник католического средневековья в западно-финской интерпретации, исторические корни которой восходят не к родственным финно-угорским народам, а к народам ближайшего окружения Балтийского моря, особенно к германцам.

И «Калевала» стала для филоновцев своеобразным окном в Европу. В письме в производственный сектор издательства «Academia» в Москву Филонов это подчёркивал: «...в «Калевале» мы имеем дело с Северо-Западом Европы в сложнейших национальных взаимовлияниях»². Теоретически филоновцы начали работать над «Калевалой» как над памятником, восходящим к временам финского католического средневековья. Но подлинное искусство оказалось выше теорети-

¹ Бубрих Д.В. Из истории «Калевалы» // Калевала. / Перевод Л.П. Бельского под ред. Д.В. Бубриха. – М.-Л.: Academia. 1933. С. XVI-XVII.

² Филонов П.Н. Дневник.– СПб: Азбука. 2000. С. 216-217.

ческих установок. Вживаясь в калевальские образы, они почувствовали древнейшую архаику, первобытный синкретизм мышления, «хтоническую» наднациональную символику Севера. Софья Людвиговна Закликовская, автор иллюстрации к циклу рун о Куллерво, вспоминала: «Мы изображали не отдельные эпизоды, а полузыбкую подоснову. Вы видите, что пространство просвечивается сквозь пространство, а время переливается сквозь время. Мы назвали это – концентрированное время и пространство»¹.

Своими графическими работами филоновцы на десятилетия предвосхитили открытия фольклористов. То, что было не выявлено наукой 1920–30-х годов, выявили художники. Современными эпосоведами подчёркивается – в «Калевале» как полистадиальном памятнике важен прежде всего древнейший архаический пласт, а представления школы К. Крона сейчас считаются устаревшими. По словам Е.М. Мелетинского, «в «Калевале», как и в других архаических эпосах, доминирует не воинская героика и богатырская самонадеянность, <...>, а мудрость, магическая сила, творческий порыв в космогонии и мирном труде, своего рода «прометеевский пафос», чуждый классическим формам героического эпоса...»².

«Калевала» заворожила воображение художников своей архаичностью докатолического происхождения, времён прибалтийско-финской общности. Именно за выявление в «Калевале» древнейшего архаического пласта, критика 1930-х годов подвергла иллюстрации осуждению. Памятник словесности, созданный многими runopевцами, был проиллюстрирован коллективом художников. И в результате родилась новая эстетика, образец нового графического искусства. Мастера аналитического искусства, одержимые единой идеей «Калевалы» и вынужденные подчиняться жёсткому канону (в данном случае роль канона выполнили художнические указы и заветы П.Н. Филонова), были похожи на мастеров единой иконописной школы, создавшей коллективное, художественное письмо. Мастера и ученика связывало полное единство духовных и моральных принципов, принятие общих обетов почти религиозного братства, принятие особой веры, самодисциплины и самоограничений³. Художники показали своё ощущение натурфилософии эпоса и в то же время добивались максимальной «сделанности» иллюстраций. «Мы были объединены одной целью, – вспоминал Михаил Цыбасов, – исследуя живописью жизнь, передать наиболее законченные её формы, придать живописи атомистическую сделанность и поставить на службу народу, и это создавало свой стиль, что помогало нам в оформлении книги»⁴. Ощущение архаичного мира, смена эпох древних и исторических, чередование небесного и земного подчёркивается формами «неопримитивного» рисунка. Одним из подходов филоновцев к иллюстрированию «Калевалы» был подход к изображению человека в процессе его эволюции.

¹ Покровский О.В. Высшая мера жизни // Белые ночи: Очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л., 1989. С. 496-510. Цит. по Марушкина Г. Комментарии // Филонов П.Н. Указ. соч. С. 617.

² Мелетинский Е.М. «Калевала» в сравнительном освещении // «Калевала» – памятник мировой культуры: Материалы науч. конференции, посвящ. 150-летию первого изд. карело-фин. эпоса. 30–31 января 1985 г. – Петрозаводск, 1985. С. 80.

³ Мислер Н. Павел Николаевич Филонов: Слово и знак (По следам архивных материалов) // Russian Literature, XI, Amsterdam, 1982. С. 241. Цит. по: Марушкина Г. Комментарии. Там же. С. 463-464.

⁴ Бондаренко В.Г. Летописец северного края // Север. 1985. № 10. С. 98.

Особенно это ощущимо в страничной иллюстрации Софьи Людvigовны Закликовской (1906–1978) к циклу рун о Куллерво, (помещённой между страницами 192 и 193 – конец руны 31 («Рождение и воспитание Куллерво») и начало руны 32 («Куллерво служит пастухом»)). Возможно, художница сама не ожидала, какого результата она сможет достичь, «просвечивая время сквозь время». В рисунке абсолютно отсутствует традиционное понимание композиции, перспективы, пространства, одних только линий горизонта – пять. Небо проходит сквозь землю, и даже через человека. Земля и вода едины, едины и времена года: зима (лесоруб в валенках на заднем плане, рубит сосновый ствол) и лето (босой Куллерво стоит среди бурных вод порожистой северной реки, возле его ног рыбы, тут же разворачивается сюжет из истории вражды двух братьев Унтамо и Калерво.

Тело его как бы прозрачно и сквозь него видны речные волны, бьющаяся в сетях большая рыба, угол бревенчатой избы, перевёрнутая лодка на камнях. Изображённые в диагонали река, небо, земля, животные, рыбы сливаются в один поток жизни, устремлены в одном направлении, как бы указанном рукой, сжатой в кулак. Эта же диагональ поддерживается линией плеч и расположением топорища. Поток-стрела тянет Куллерво к испытаниям – злым знаком выглядит открытая пасть щуки. Судя по его суровому лицу, он к ним готов, он их жаждет. Но путь мести – это тупиковый путь. «Куллерво оскорбили люди, – размышила художница <...>– Но своё страданье не изжить страданием других»⁷.

На месте сердца изображено единственное на рисунке молодое растущее деревце, как бы доказывающее, что трагический герой изначально был добр, и его путь мог бы быть другим. Это почувствовал Михаил Цыбасов и передал в иллюстрации к руне 34-й «Куллерво находит своих родителей». Куллерво бережно обнимает мать после многих лет разлуки, согревает её своими большими ладонями. В трагической судьбе матери и сына художник находит счастливый момент – их встречу и создаёт образ Куллерво не в минуты позора и отчаяния героя, а в момент радости и подлинной человечности.

Михаилу Цыбасову в «Калевале» принадлежит семь иллюстраций, из которых 2 страничных, концовка к нескольким рунам и, самое важное, цветной фронтиспис. В подготовке страничного рисунка «Встреча Вяйнямейнена и Еукахайнена», по словам Цыбасова, принимал участие и П.Фilonov. Эта иллюстрация к третьей руне выделяется среди других яркой экспрессией, встреча двух мировоззрений, двух поколений, а, может, и культур – молодой Еукахайнен фигурирует в «Калевале» как лапландец – показана через борьбу животных. Морды лошадей в гротескном изгибе напоминают драконов. Изображение людей в этом рисунке не главное. Вяйнямейнен показан спиной к зрителю, а Еукахайнен – на заднем плане. Весь смысловой акцент на лошадях. Переплетённые экспрессивные линии, изображающие дуги, оглобли, вожжи, лошадиные спины, передают борьбу стихий, борьбу природы.

Эта жаркая схватка на фоне спокойствия заснеженных холмов звучит диссонансом, Цыбасов следует калевальской этике, считая, что дело людей состязаться в ином:

Приготовимся же к пенью,
Пропоём мы наши песни.

¹ Покровский О.В. Высшая мера жизни // Белые ночи: Очерки, зарисовки, воспоминания, документы. Л., 1989. С. 496-510. Цит. по Марушкина Г. Комментарии // Филонов П.Н. Указ. соч. С. 617.

КАЛЕВАЛА

KALEVALA

Школа Филонова. [Т.Н. Глебова]. Шмүцтитул к «Калевале». М., Л.: Academia, 1933.

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ФИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

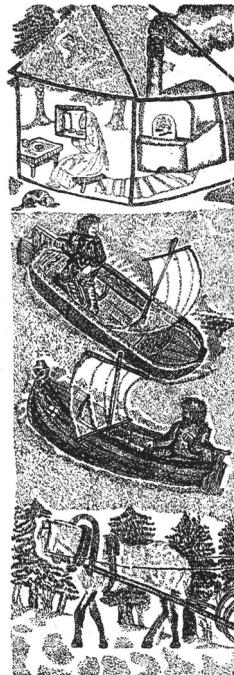
ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

Школа Филонова. [А.И. Порет]. Левосторонний ти-
тульный лист к «Калевале». М., Л.: Academia, 1933.

КАЛЕВАЛА

ПЕРЕВОД
А.П.БЕЛЬСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д.В.БУБРИХА
ПРЕДИСЛОВИЕ
И.М.МАЙСКОГО

ACADEMIA
1933

Школа Филонова. [Т.Н. Глебова]. Правосторонний ти-
тульный лист к «Калевале». М., Л.: Academia, 1933.

Когда этика нарушается, нарушаются и порядок вещей, герой приносит страдание себе и своему роду.

Образ Куллерво в страничной иллюстрации Цыбасова к руне 36-й («Смерть Куллерво») уже совсем иной, чем образ Куллерво, в иллюстрации к руне 34-й. Жестокий взгляд, открытый в гневе рот. На него с осуждением и жалостью смотрят лошадь и собака. И если в иллюстрации С. Закликовской на месте сердца у Куллерво нарисовано деревце, то в иллюстрации Цыбасова деревце расположено под ногами мистика. Дерево как символ рода, мироздания. И Куллерво перешагивает через него, идя навстречу гибели.

Для Цыбасова особенно характерна передача неразрывного единства человека с миром природы. В иллюстрации «Еухакайнен ранит лошадь Вяйнямёнена» к руне 6 (18,5 × 6,2. МИИ РК)

Школа Филонова. [М.П. Цыбасов]. Полустраничная заставка к руне 34-й «Куллерво находит своих родителей» // «Калевала», М.; Л.: Academia, 1933.

Школа Филонова. [М.П. Цыбасов]. Полустраничная иллюстрация к руне 6-й «Еукахайнен ранит лошадь Вайньямёйнена» // «Калевала», М.; Л.: Academia, 1933.

Школа Филонова. [С.Л. Закликовская]. Страницчная иллюстрация на вкладном листе «Куллерво-батрак», руна 31-я, «Рождение и воспитание Куллерво» // «Калевала», М.; Л.: Academia, 1933.

Школа Филонова. [М.П. Цыбасов]. Страницчная иллюстрация на вкладном листе «Куллерво идёт на Унтамо», руна 36-я, «Смерть Куллерво» // «Калевала», М.; Л.: Academia, 1933.

изображение лошади занимает большую часть рисунка. Еукахайнен показан лишь на заднем плане – в расщелине между скалами. Зритель глядит на лошадь со многих точек зрения одновременно. При взгляде сверху: стрела, попавшая в спину лошади, грива, сбруя; спереди: подкосившиеся передние ноги, полуоткрытые глаза и язык, касающийся сырой земли. Это единство ощущимо и в иллюстрациях «Вяйнямейнен делает новое кантеле» к руне 44 (18,5 × 6,5. ГМИИ РК), «Илмаринен пашет поле» к руне 42 (18,5 × 6,2. МИИ РК).

В работе над фронтисписом Цыбасов, возможно, учёл точку зрения Д. В. Бурриха, относившегося к калевальцам как к викингам. Фронтиспис выполнен в красно-синей цветовой гамме. Декоративность, локальный цвет, историческая направленность позволяют поставить эту работу в один ряд с картинами раннего Николая Периха на варяжские темы.

Но Цыбасов стремится передать мир своих героев через портрет, – через изображение лица и рук. Изображению рук придаётся едва ли не самое важное значение. Художник прописывает пальцы, сжимающие вёсла, и даже ногти. Действуя «точкой» Цыбасов воссоздаёт средневековый орнамент на костюмах и оружии. А колдувший взгляд голубых глаз рулевого, длинная седая борода и полуоткрытый, словно в песне, рот, выдаёт в богатыре не столько воина, сколько певца.

В страничной иллюстрации Нины Ивановой к руне 42 «Похищение Сампо» значительно больше подчёркивается воинственность героев: грозные лица в шлемах, в руках боевые топоры, на заднем плане изображены силуэты елей, они повторяют линию копья, остриё которого как бы делит иллюстрацию на две части: с одной стороны – Лоухи, с другой – калевальцы.

У Лоухи сжат кулак, подчёркнуто острый профиль. Фilonov благосклонно отнёсся к этой страничной иллюстрации художницы, 5 января 1934 года он пришёл к Нине Ивановой, чтобы сказать о выходе «Калевалы»: «Мне было приятно смотреть, ... как оживились радостью лица Ивановой и её мужа ... Муж Ивановой, гордый и счастливый счастьем и успехами своей жены, налюбовавшись её иллюстрациями и «Калевалой» в целом, подарил мне папирюс Кемаля-Паши»¹.

Узнаваема среди иллюстраторов филоновской «Калевалы» Алиса Порет. Её рисунки радостны и слегка игрушечны. В отличие от своих коллег Алиса Порет писала «Невесту» (иллюстрация к руне 23 «Наставления невесте») намного мягче.

Девушка-невеста изображена сразу в двух ипостасях, в двух мирах, точнее в момент перехода из одного – девичьего мира в другой – в мир замужней женщины, обременённой семьёй, хозяйством, детьми. С одной стороны она юная дева, босая, с голой ладонью, без платка. Но ей уже дано наставление:

Не ходи ты без платочка,
Не ходи без башмаков ты;

И девица превращается в жену. Невеста тоже тянет руку к жениху, но их руки ещё не коснулись друг друга. И самое главное, не видно самого жениха, изображена только рука, зовущая в неведомое.

Участие И. М. Майского в отборе иллюстраций порой шло на пользу книге. Однако в отводе форзацев, возможно, И. Майский сыграл определённую роль.

¹ Филонов П.Н. Дневник. С. 230.

Школа Филонова. [М.П. Цыбасов]. Страницчная иллюстрация на вкладном листе «Первая встреча Вайнямёйнена с Еукахайненом», руна 3-я, «Вайнямёйнен состязается в пении с Еукахайненом» // «Калевала», М.: Л.: Academia, 1933.

Сначала ему не понравился красный цвет головы одного из калевальцев, нарисованной на форзаце Алисой Порет, что на его взгляд, могло финскому читателю внушить мысль о красной опасности, затем, возможно, из перестраховки он решил отказаться от форзацев вообще, хотя один из форзацев Елена Борцова выполнила синим и белым – цветами финляндского флага, «как просила Москва». Но Москва отвела и этот форзац Борцовой, «прекраснейшую вещь» по выражению Филонова.

При отсутствии форзацев большее значение стало придаваться суперобложке – её делали коллективно. Филоновцы создали красочный, удивительный по разнообразию цветовой гаммы образ Финляндии. Евгений Ковтун называл эту акварельную работу «Суоми <...> с высоты птичьего полёта, не только в зримом, но умопостигаемом образе»¹. В единой, совершенной гармонии, словно при звуках песни Вайнямёйнена, показана озёрная и лесная Финляндия, люди и птицы, животные и травы. Абстрактные формы сочетаются с вполне реалистическими образами. Красный, синий, терракотовый, охра в сложнейших сочетаниях напоминают филоновскую «Формулу весны», но в отличие от неё здесь всё узнаемо. Своеобразная «Формула Финляндии». В такой суперобложке «Калевала» 1933-го года издания вышла в свет в самом начале 1934-го года. Павел Филонов и Михаил

¹ Ковтун Е. Графическая «Калевала» // Советская графика, М.: С.Х., 1985. С. 265.

Школа Филонова. [М.П. Цыбасов]. Полустраиничная иллюстрация к руне 41-й «Вайнямейнен играет на каннеле» // «Калевала», М.; Л.: Academia, 1933.

Цыбасов параллельно описывают в своих дневниках её появление на прилавках книжных магазинов.

Павел Филонов:

— 4 января 1934 года я ждал не только её выхода, но и любой провокации, вплоть до отвода её в целом и изъятия, я удивился, что не очень-то обрадовался её выходу. Чудо, что при такой трапле на нашу школу эта книга всё же вышла¹.

Михаил Цыбасов:

— 4 января 1934 года. Это было неожиданно и наибольшая экспансивность была, конечно, со стороны Ек[атерины] Ал[ександровны] (жена П.Н. Филонова. — Е.С.)².

Выход «Калевалы» вызвал недоброжелательную критику в прессе и одновременно одобрение в дипломатических кругах, большая часть тиража ушла в Финляндию. Но самое главное, «Калевала» сплотила новое ядро филоновцев, сделала их счастливыми, наполнила их сердца гордостью, утвердила в вере в собственные силы и в филоновский метод.

Коллективный труд филоновцев — оформление «Калевалы» 1933-го года — положил начало серьёзной традиции. В 1940-м Алиса Порет самостоятельно оформила «Калевалу», изданную в Петрозаводске. С «Калевалой» тесно переплелась судьба ещё одного ученика Филонова — Валентина Ивановича Курдова (1905–1989). Валентин Курдов участвовал в оформлении трёх «Калевал»: 1949-го года, 1956-го и 1979-го.

¹ Филонов П.Н. Дневник. С. 229-230.

² Сойни Е.Г. «Жизнь моя — это живопись...» / Цыбасов М.П. Каталог выставки. Спб., ГРМ, 2004. С. 23.

³ Курдов В.И. Памятные дни и годы. СПб., 1994. Цит. по Курдов Памятные дни и годы // Павел Филонов: реальность и мифы. / Сост., вст. ст. и комм. Л.Правоверовой. М., 2008. С. 209.

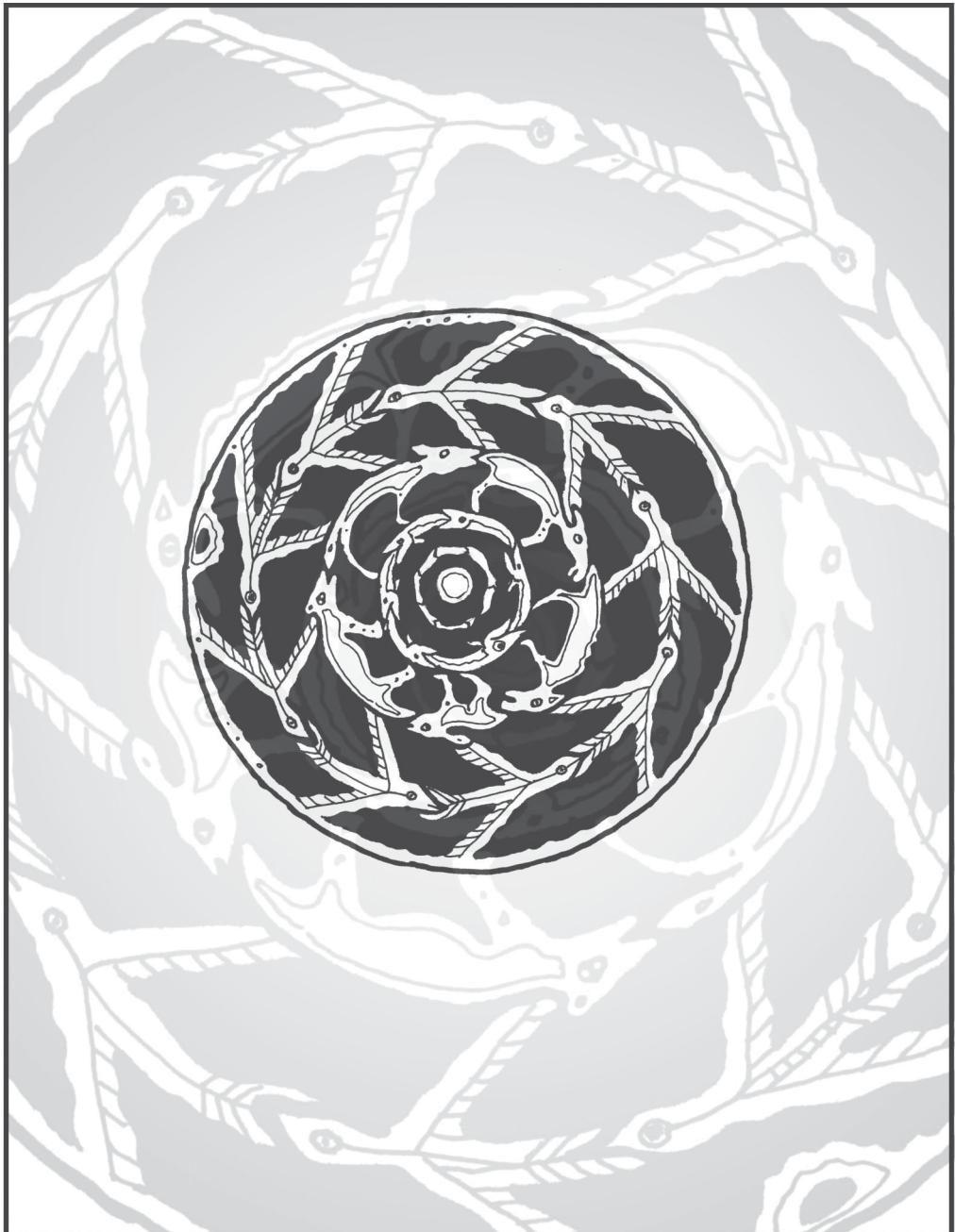
В 1920-х гг. Курдов часто посещал мастерскую Павла Николаевича, « приходил к нему послушником, на исповедь»³. Непосредственно к школе Филонова он не принадлежал, но признавался, что «влияние Филонова на него было велико»⁴. В ряде иллюстраций Курдова ощутим филоновский подход: рисунок точкой, в изобилии встречающиеся образы животных, смелое смещение пространственных форм. Особенно это характерно для иллюстрации к руне 20, изображающей быка. («Калевала» 1956 г.) Курдов не только рисует быка выше сосен, шире реки, но и показывает голову, переходящую в небо, облака, пронизывающие туловище.

В дальнейшем, оформляя «Калевалу» и другие книги самостоятельно, художники, оставшиеся верными урокам Филонова, добивались весомых результатов, не теряя при этом своей индивидуальности.

¹ Курдов В.И. Памятные дни и годы. СПб., 1994. Цит. по Курдов Памятные дни и годы // Павел Филонов: реальность и мифы /Сост., вст. ст. и комм. Л.Правоверовой. М., 2008. С. 207.

АРТ-ФАКТ

Светлана Громова

Громова Светлана Михайловна – филолог, журналист, специалист в области паблик рилейшнз (PR).

Окончила Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева, Международный таможенный и налоговый центр (г. Копенгаген, Дания), Международный налоговый центр (г. Москва), Северо-Западную академию государственной службы при Президенте Российской Федерации (г.СПб), Всероссийскую государственную налоговую академию (г.Москва).

Работала корреспондентом, редактором и рекламным директором различных печатных изданий, руководителем пресс-служб.

Автор исследовательских работ о сериях картин художника Владимира Фомина: «Вепсская», «Кижи», «Калевала», «Пер Гюнт», «Девы, дамы, мадонны», «Мандалы», «Сказки Севера», «Флорида» и других. Автор книги о жизни и творчестве этого художника.

Калевальские сюжеты Владимира Фомина

«Я вижу «Калевалу» как открытую ладонь того, кто показал мне линии жизни на земле. Моя задача – рассказать о них изобразительным языком ХХI века.

Руны представляются мне клубком ассоциаций, который можно долго раскручивать в цвете, мысленных и зрительных образах, и все нити которого тянутся из моей генетической памяти.

«Калевала» – правдивая земная сказка, но идущая изнутри человеческого, от интуиции поколений. Темы рождения и смерти, жизненной борьбы и сопричастности всего живого космосу – вот то, в чём, как в зеркале, нашла в ней себя моя душа».

Владимир Фомин

* * *

Серия В.Фомина «Калевала» включает в себя около сотни графических и написанных маслом на холсте работ.

* * *

Тема сотворения мира представлена в графике и в живописи картинами с одноимённым названием «Чудесное превращение». В руне первой об этом говорится так. Дочь воздуха Ильматар устала жить в одиночестве в воздушной стране. Она опустилась в море и стала матерью воды. Мучимая болью и холодом она взывала к верховному богу Укко о помощи. Скоро она увидела утку. Утка была также одинока и искала себе жилище, чтобы свить гнездо. Лейтмотивом к картинам стали строки из «Калевалы»:

«Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище...»

Идея сотворения мира, воплощённая художником в его творчестве, одухотворена его верой в то, что человек есть неотъемлемая часть Вселенной, а его душа вечна.

Душа человека, по мысли автора серии, есть предмет сухого космоса, тогда как обитель самого человека – мокрый космос. Разделение пространства на сухой и мокрый космос было естественным и для древнего человека, понимавшего, что нет жизни без воды, и сам он – влажное создание среди влажных созданий. Душа же его всегда возвращается обратно, когда человек умирает. Так люди живут после смерти. Они приходят из рая и уходят в рай. Сухой космос – лишь иллюзия существования. Ты есть всегда, ты безграничен, и всё возможно. Но ностальгия по-настоящему не покидает душу никогда. Поэтому Ильматар – это ещё и символ желания по-настоящему проявить себя там, где только это и возможно. Желания, присущего простому смертному, но избранному.

Утка в «Чудесном превращении» – некая потусторонняя сила, которая участвует в сотворении мира. Как желание души материализоваться возвращает её на круги своя – в мокрый космос, так с помощью утки материализуются составные мира:

«Не погибли яйца в тине,
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращению:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца из верхней части,
Встал высокий свод небесный,

Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пёстрой части,
Звёзды сделались на небе;
Из яйца, из тёмной части,
Тучи в воздухе явились».

* * *

Тема сотворения мира присутствует и в работе мастера «Творение Ильматар». Руна первая повествует о том, как мать воды создаёт на равнинах вод свои творенья.

«Где ногою становилась –
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась –
Вглубь глубины уходили...
Где земли ногой касалась –
Там лососи тони стали;»

По замыслу художника «Творение Ильматар» можно рассматривать как художественно-топографическое изображение созидающей миссии Ильматар. Идея нашла отражение в своеобразной композиции, насыщенной условностями. В картине символически участвуют будущие сюжеты из сценария, по которому развиваются события в эпосе «Калевала». Воображение позволяет увидеть в неких очертаниях солнечную деревню Калевалу и мрачное обиталище злодеев Похъелу, остров любви, где Лемминкяйнен соблазнил много девушек и женщин, за что мужчины, рассердившись, решают его убить. В «творение» вписаны и герои «Калевалы» – медведь-«Отсо», которого Вяйнямёйнен должен убить, щука, из которой он сделает кантеле.

Отпечаток Ильматар – сам по себе символ её творения, а также возможностей, данных человеку, чтобы оставить на земле (в этом мокром мире) свой божественный след.

* * *

Земная женщина Айно подана художником зрителю как одна из метаморфоз жизни, как переливающаяся струя в её вечном течении, всегда изменяющаяся, но не исчезающая её частица. Жизнь – сама женщина, манящая и ускользающая, она стала такой же героиней картин «Блуждающая Айно» и «Tapiolan immet», как и Айно. Лейтмотивом первой работы явились перекликающиеся друг с другом строки из руны четвёртой:

«Дума девушки несчастной,
Боязливо полем ходит,
Пробирается лесочком,
По траве ползёт, тихонько,
По кустам, по мхам засохшим...»

«Так пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
По лесам пошла дремучим...»

Обе картины выдержаны в тревожных мистических тонах, краски словно струятся сумерками, линии заключают в себе незаконченность образа девушки-виденья. Это картины-предчувствия, картины-предсказания судьбы (эти темы диктуемые литературным аналогом «Калевалы» в серии как бы вынесены на поверхность, обнажены). Во второй картине узнаётся сюжет и композиция работы финского художника – классика А. Галлен-Каллелы, но уже переработанные в творческой манере Фомина, в стиле лубок, в духе современного восприятия. Подарок одного художника другому.

* * *

Широко представлен в серии «Калевала» языческий мир, в котором люди и звери говорят на одном языке.

* * *

Очарованный образом скорбного вестника – зайца из руны четвёртой, художник посвятил ему работы: «Кто бы взялся весть доставить» и «Несущий весть». Смерть, с которой отождествляется этот персонаж, несёт печаль. Печаль заключает в себе поэзию. Поэтому так естественно и поэтично переданы в эпосе состояния рождения и смерти. Именно они замыкают круг под названием «жизнь».

Казалось бы, незначительная фигура в лесном мире, но значительна весть его. Волей мастеров слова и кисти, в эпосе и творчестве художника, роль животного вырастает до масштабов трагедии. В картине «Кто бы взялся весть доставить» заяц словно нависает над всей деревней. И мать, оплакивающая свою дочь-утопленницу, превращается всего лишь в холмик, один из тех, на которых обосновались кукушки – вестники неумолимого времени.

* * *

Центральный персонаж картин «Мчится он за Хийси лосем», «Лосёнок Хийси», «За чудесным лосем Хийси» – Лось Хийси, обладающий магической силой. Лейтмотивом к первой картине стали строки из руны тринадцатой:

«Мчится он за Хийси лосем;
Дал один толчок ногою, –
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,

Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки,
Хийси лось вперёд умчался,
И опять его не видно».

В картине «За чудесным лосем Хийси» запечатлён уже кульминационный момент чудесной охоты. Выполняя условие хозяйки Похъелы, чью дочь Лемминкайнен хочет взять в жёны, несмотря на всевозможные препятствия, охотник не отказывается от своей добычи. Заклинаниями и мольбами он выгадывает себе удачу. Лейтмотивом к этой работе стали строки из руны четырнадцатой:

«День скользит он, и другой день,
Наконец уже на третий,
Подошёл к горе великой,
На утёс великий вышел,

Бросил взоры он на север,
Посмотрел через болото:
Видит Тапио жилище...»

* * *

Продолжением истории сватовства Лемминкайнена к дочери старухи Лоухи стала картина «Наконец-то Лемминкайнен держит жеребёнка Хийси». Лейтмотивом к картине стали строки из руны четырнадцатой:

«Укко, тот творец всевышний,
Тот заоблачный создатель,
Пополам раздёрнул воздух,
Разломил он свод небесный,
Иней, град железный сбросил...
Покрупней главы мужчины
И помельче лошадиной

Жеребёнку Хийси в гриву,
Белолобому на спину...
Рыжий жеребёнок Хийси,
Запенёный конь нагнулся,
Золотой нагнулся мордой,
Головой серебром блестящей,
В серебристую уздечку...»

* * *

Образ медведя привлек художника прежде всего изысканностью его словесного портрета. Этому герою эпоса он посвятил картины «Отсо, яблочко лесное»,

обыграв «красоту с медвежьей лапой», как описан он в руне сорок шестой, в округлённых формах, и «**Мой возлюбленный ты, Отсо**». Лейтмотивом к картине стали строки из руны сорок шестой:

«Старый, верный Вянемяйнен
видит логово медведя,
Опрокинул его ложе,
ту постельку золотую,
Говорит слова такие

И такие молвит речи:
«Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель,
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное!»

В основу осмысления художником темы рождения медведя (картина с одноимённым названием) легли другие строки из той же руны:

«Вот где он, медведь, родился,
Где рождён с медовой лапой:
Возле месяца и солнца,
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.

Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пёстрых,
И в руке был ящик с шерстью...»

* * *

Звериное недоброде начало в человеке нашло отражение в работах «**Куллервопастух**» и «**Дикая песня**» (руна тридцать третья). Они являются собой две части одного сюжета, в одной из которых герой гонит в болото стадо домашних животных, в другой – собирает в стадо диких зверей. «**Дикая песня**» – песня мести. Точно также картина «**Мчится конь, бежит дорога**» (руна тридцать пятая) – картина-сожаление, картина-возвращение. Она повествует о встрече в пути Куллерво с его сестрой, её соблазнении и гибели. Так в обмен на одну оборванную жизнь обрывается другая, пожирательница-месть возвращается туда, откуда начиналась.

* * *

Своего апофеоза тема сложной гармонии с миром, с природой достигает в картине «**Праздник в Калевале**» (руна сорок шестая). Единство внешнего и внутреннего, желания счастья и его ощущения композиционно решены в виде очертаний медведя, внутри которого идёт пир. Продолжается древний обычай жертвоприношения, заключённого в благодарении бога и его жертвы на непостижимом витке жизни, которая сама по себе есть природа и счастье, и любовь.

* * *

Образ Вяйнямёйнена, скорбящего о гибели своей невесты (сестры Еукахайнен), художник запечатлел в ряде картин. Это «**Плачущий старик**», «**Плачущий Вяйнемёйнен**», «**Вяйнё рыбак**».

Слёзы – проявление настоящего в настоящем. В картинах это ещё и проявление старости, убивающей всё живое, каким бы могучим оно не было.

Чтобы передать состояния Вяйнямёнена, описываемые в руне пятой, художник прибегает к оригинальному композиционному решению. Он поместил «Вяйнё рыбака» в момент встречи с возлюбленной девой-рыбкой в лодке в центр безудержной красочной воронки. Она символизирует вечный круговорот жизни.

Восход утренней зорьки образует также неслучайно воронку на небе.

В творчестве художника, как и в сказках всего мира, акценты расставлены на чуде, волшебстве, превращении, вращении... Как в «Чудесном превращении» появляется космос благодаря чудесному вращению, волшебной энергии, пронизывающей всё живое. Так и сотворённый из воды, как все земные люди, Вяйнямёнен (картина «Рождение Вяйнямёнена» по руне первой) покинет земной мир, превратившись в нечто, из чего рождён.

Но свою судьбу, свою песню (картины «Песня Вяйнямёнена», «Вечерняя песня») он должен пронести через всю жизнь. Почему в руне пятидесятой он уходит от людей? «Возможно, – говорит В.Фомин, – наступает момент противоречий с новым поколением Калевалы. А, может, заканчивается его Великая песня? Может, люди перестали нуждаться в мудрой песне старика? А он, рождённый девой Ильматар – настоящее от самого настоящего – видит дальше других... И значит, его песня будет звучать, пока хочет творец этого мира».

Иносказательный смысл одной из наиболее масштабных работ серии «Калевала» – «На бедре морской собаки» (руна сороковая) как раз заключён в том, что сила, данная Вяйнё, неподвластна никому иному. Щука-кантеле, на котором никто кроме него не сумел играть, в этой картине – образ яркий и гротесковый. На его фоне, словно по аналогии с известной тайной вечерей – тринадцать ловцов (в центре – Вяйнё), утрировано беспомощны.

* * *

Образ Вяйнё, отправляющегося за невестой в «Красной лодке», художник связал с его песней, которой могли бы стать строки из руны восемнадцатой:

«Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтоб не брать мне в руки вёсел
И не трогать ими воду
На хребте широком моря,
По открытому теченью!»

С ореолом любви по-своему связана и символическая работа «Остров любви» (руна двадцать девятая).

«Там краснеются деревья,
Там поляны голубые,
Там серебряные ели,
Золотистые цветочки,
Там из мёду были горы...»

Любовь космична и замкнута, в ней по кругу проходят радость и беды. Она – всегда остров, высвеченный на картине в солнечных тонах и притопленный хмурыми, пасмурными красками.

* * *

Основная чудесная тема творения в формах круга, шара нашла отражение в работах, посвящённых Сампо: «Рождение Сампо», «Сампо». В работах много элементов, указывающих на движение, вращение, превращение, энергию, что по мысли художника, подчёркивает связь этого чуда с жизнью.

Известная тема прохождения человека сквозь огонь, воду и медные трубы осмыслена художником в трёх ипостасях: вода – жизнь, медные трубы – судьба как песня, огонь – страсть.

Лейтмотивом к картине «Рождение Сампо» стали строки из руны десятой:

«Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка – пёстрой медью.
Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое...
На другой день вновь нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка-красный парус,
Борт весь золотом увенчен,
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шёл в сраженье,
Без нужды на битву рвался...
Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла,
У неё рога златые,

Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.
Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю...
На четвёртый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит,
У него сошник из золата,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.
С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон...
Быстро ветры зашумели;
дует западный, восточный;
Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;
Дует день, другой день дует,
Третий день бушуют ветры...
На пылавшем дне горнила;
Видит: Сампо вырастает,
Крышка пёстрая возникла...»

В картине заложен великий смысл – она о формировании сознания человечества. О том, что счастье, под которым подразумевается ещё и сама жизнь во времени, должно выкристаллизоваться. Человек шлифует свои достоинства и пороки во времени. Время есть условие процесса кристаллизации счастья. Лейтмотивом к картине «Сампо» явились строки из руны пятой:

«Вот уже и мелет Сампо,
Крышка пёстрая вертится:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу...»

Счастье художник определяет как созидание, труд. В этом заключён смысл жизни на земле. Мечты не могут расходиться с делом, для чего и нужно трудиться.

* * *

В картине «Старуха Лоухи, несущая Сампо в утёс» – всё та же вечная история о счастье. А счастье, как и жизнь, имеет корни. В руне пятой Лоухи зарывает корни Сампо, ворует у народа Калевалы самое главное. И счастье всегда окружает зло. Поэтому старухе Лоухи Фомина присуща некоторая обезображивающая деформированность, «страшные краски». Она – сама непредсказуемость, рок, деформирующий сознание, обезображивающий душу. «Она, – считает художник, – поверхностное (внешнее) изображение темноты внутри нас. Но Сампо в её руках продолжает работать. В картине таким образом есть противостояние созидающей и разрушительной сил». Тот же эффект противостояния, коловорота присутствует в работе «Нападение Лоухи и гибель Сампо» (руна сорок третья).

* * *

Неслучайно в руне тридцать девятой (картина «За Сампо в Сариолу») герои Калевалы отправляются за счастьем в одной лодке. Каждый мечтает о своём счастье, но поиски его приводят к единению людей. «Мы все плывём в одной лодке, – говорит художник. И самое интересное то, что «Пути не убывает».

Обзоры. Рецензии. Новости. Письма

Юбилей первого коми поэта

5 июля в селе Куратово Сысольского района Коми состоялся республиканский праздник поэзии и народного творчества «Менам муз...», посвящённый 170-летию Ивана Куратова.

В нём принял участие Глава Республики Коми Владимир Торлопов. Он возложил цветы к памятнику и вручил символические ключи от нового здания Музея литературных героев Ивана Куратова, которое построено на месте родительского дома поэта. Это единственный музейный проект, который реализован на Северо-Западе России в этом году.

Литературный фестиваль также посетили министр культуры РК Владимир Юрковский, министр национальной политики РК Валерий Коробов, министр образования РК Нелли Струтинская, глава администрации Сыктывкара Роман Зенищев, председатель Комитета Государственного Совета Коми по социальной политике Ольга Савастьянова и другие депутаты Госсовета РК.

Владимир Торлопов отметил: «Юбилей Куратова совпал с Годом коми языка, объявленным в республике в 2009 году. Уверен, что это даст новый импульс изучению коми языка, творчества нашего великого земляка, а шире – воспитанию любви к родному краю».

Вместе со старейшей жительницей села Куратово Еленой Зориной Глава республики разрезал символическую ленточку у входа в музей. Председатель правления Союза писателей Коми Елена Козлова подарила В.Торлопову экземпляр нового издания стихов И.Куратова, вышедшего в канун праздника в серии «Звёзды Севера».

В ходе театрализованного представления были показаны картины традиционного быта коми крестьян, сцена знакомства родителей И.Куратова, размышления поэта о своей судьбе, знакомство молодого автора с его любимой девушкой Александрой (Сандрой) Поповой. В мероприятии принимали участие многочисленные творческие коллективы Сысольского района и республики. Поэты и учёные в своих выступлениях обсудили творчество И.Куратова.

В рамках праздника прошли книжная ярмарка сборников современных авторов и писателей-классиков Коми, выставки-продажи картин, изделий декоративно-прикладного искусства и блюд коми национальной кухни. «Менам муз...» завершилась молодёжной этнодискотекой.

Небезынтересно мнение о празднике писательницы, члена правления Международной ассоциации финно-угорских писателей Валентины Мишаниной из Мордовии: «Я с большим уважением смотрю на все ваши мероприятия, посвящённые Ивану Куратову. Тот народ достоин великой славы, который чтит своих сыновей. Я прочитала его биографию и выяснила, что его первый сборник вышел в печать через 100 лет после его рождения — словно зерно, которое долго было под землёй, но дало ростки. Сейчас творчество Куратова даёт ростки в ваших душах. Желаю коми народу, чтобы эти ростки превращались в цветы».

Литературный музей в купеческом доме

В Сыктывкаре завершилась реконструкция, проходившая в течение 13 лет, бывшего дома купца Суханова. Отныне в этом здании будет находиться Музей первого коми поэта Ивана Куратова. 3 июля в нём прошёл торжественный приём Главы Республики Коми Владимира Торлопова, посвящённый 170-летию со дня рождения основателя коми литературы. На нём присутствовали Председатель Госсовета РК Марина Истиховская, Первый заместитель Председателя Госсовета РК Валерий Марков, министр культуры РК Владимир Юрковский, министр национальной политики РК Валерий Коробов, епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим, первый заместитель главы администрации Сыктывкара Сергей Гераймович, а также представители науки и творческих союзов республики.

Директор Национального музея Коми Ирина Котылева провела экскурсию по Сухановскому дому. Пока оформлена только экспозиция зала, непосредственно посвящённого жизни и творчеству И.Куратова. А в перспективе это будет музей письменности и литературы коми народа. В нём будут открыты залы культуры финно-угорских народов, а также залы, посвящённые творчеству коми писателя, философа и учёного Каллистрата Жакова, коми литературе рубежа XIX–XX веков, творчеству коми писателей первой половины и середины XX века. На первом этаже здания планируется обустроить научную библиотеку Национального музея Коми, насчитывающую более 25 тысяч изданий XVIII – начала XX века, и арт-кафе.

На торжественном приёме Владимир Торлопов заметил, что историки говорят, что Иван Куратов в годы, когда он учителствовал в Усть-сысольской школе, часто посещал дом купца Суханова, позднее в нём располагалось городское училище, поэтому неудивительно, что музей памяти Ивана Куратова открыт именно в этом здании.

Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим вручил в дар музею икону Одигитрии Скоропослушницы. В ходе мероприятия были показаны фрагменты оперы «Иван Куратов», которая готовится к началу очередного театрального сезона.

Праздник литературы на удорской земле

Ежегодный республиканский литературный праздник «Коми книга», проводимый с 1986 года на Удоре, прошёл в этот раз 10 июля в селе Глотово. На праздничные мероприятия приехали Первый заместитель Председателя Госсовета РК Валерий Марков, министр культуры РК Владимир Юрковский, председатель Комитета Госсовета Коми по законодательству и местному самоуправлению Валерий Жилин, Председатель МОД «Коми войтыр» Сергей Габов и первый заместитель министра национальной политики РК Евгений Рожкин. Небезынтересно, что у министра культуры республики удорские корни. Его мама из села Ёртом.

В рамках литературного праздника в Глотово состоялась встреча населения с поэтами и писателями республики. О своём творчестве удорчанам рассказали

Нина Обрезкова, Александр Журавлёв, Елена Афанасьева, Андрей Попов, Алексей Полугрудов, Елена Кепплин, Алексей Вурдов. После этого прошла презентация сборника стихов удорских поэтов «Удора – душа моя», составителем и редактором которого является Нина Обрезкова. В него наряду с произведениями таких известных литераторов, как Альберт Ванеев, Юрий Васютов и Галина Бутырева, вошло творчество и начинающих поэтов – Светланы Говорухиной, Евгении Лобановой, Анастасии Павловой и других.

На празднике также были подведены итоги районного конкурса «Увлечённые чтением». Почти во всех номинациях призёрами стали школьники села Важгорт, принимающего «Коми книгу» на будущий год. Мероприятие будет приурочено к юбилею села. Именно на Вашке – в Важгорте прошёл первый фестиваль «Коми книга», которому придали республиканский статус.

В Глотовском сельском филиале районной библиотеки работала творческая лаборатория, посвящённая 105-летию библиотеки. Специалисты Центральной библиотеки Удорского района в фойе администрации оформили выставку, посвящённую удорским поэтам и писателям. В течение месяца любой желающий сможет ознакомиться с биографией и образцами творчества своих земляков.

Также 10 июля в районной администрации в селе Кослан прошёл семинар по реализации закона РК «О государственных языках Республики Коми», в ходе которого были рассмотрены вопросы функционирования и развития государственных языков в различных сферах. Отметим, что на семинаре выступила член Союза писателей России Нина Обрезкова с докладом «Финно-угорская литература в сети интернет».

Завершилось мероприятие в Глотово концертом участников художественной самодеятельности, в ходе которого большой сюрприз преподнёс глава района Руслан Ульянов. Он исполнил песню на стихи Альбера Ванеева, уроженца удорского села Буткан.

На следующий день Удорский район отметил свой 80-летний юбилей.

Танцы на радуге

С 30 июля по 2 августа в Перми в четвёртый раз прошёл международный этнофутуристический фестиваль «Камва». Приехали участники и гости со всех уголков России. Где ещё можно побеседовать с тибетскими буддийскими монахами, научиться у норвежских танцоров выделывать «па», освоить премудрости игры на волынке и насладиться восточными танцами в исполнении прекрасных дев Раджастана? Только на Камве!

Основная часть «Камвы» традиционно была посвящена этномузыке. Участие в прошлых фестивалях таких этнозвёзд, как Сергей Старостин и Инна Желанная, вывело проект на новый уровень, и сейчас этномузыканты как российские, так и иностранные, стремятся попасть в Пермь. Зрители «Камвы-2009» услышали украинский quartet «Даха Браха», московский «Kalashnikovband», индийский коллектив «Sayari», увидели норвежских танцоров и т.д. Сохранилась и ориента-

ция на финно-угорские коллективы. Из Карелии уже во второй раз приехала группа «Sattuma», и дебютировала – «Olemba». Разумеется, не были забыты и народные коллективы из глубинки. Сейчас они выступали в развёрнутой на два вечера программе «Аутентика». Удмуртские, марийские, коми-пермяцкие старушки смогли показать своё аутентичное исполнение и увидеть, как фольклор интерпретируют современные группы. Интересную программу древних бесермянских и удмуртских крезей (напевов) представила молодая исполнительница из Ижевска Мария Корепанова.

Хедлайнером фестиваля стала группа «Даха Браха». В её составе три гарны дивчины в белых платьях и высоких овчинных шапках чёрного цвета и один хлопец. Играют «дахабрахисты» на барабанах, виолончели, скрипках, маракасах, аккордеоне, рояле, детских гармошках и т.д. Поют на нескольких языках, но в основном на родной мове. Возникновение группы называют самым ярким событием во всей славянской музыке за последние четыре года. В России «Даха Браха» играет редко, в основном гастролируя по Европе. Сам коллектив называет свою музыку «этно-хаосом».

Питерское трио «Волынки и барабаны» – единственный в России коллектив, профессионально исполняющий традиционную военную музыку шотландских горцев на подлинных инструментах и в настоящих костюмах с килтами. Интересно, что двое участников коллектива – ижемцы. Волынщика Владимира Молодцова хорошо помнят в Сыктывкаре, а родители барабанщика Павла Власова уехали из Коми, когда он был ещё ребёнком.

Традицией фестиваля стал показ этномоды. Проходило дефиле в бывшем здании Речного вокзала (сейчас здесь галерея современного искусства). Свои модели представили около сорока кутюрье из десятка городов России и ближнего зарубежья.

Новинкой и основным направлением праздника стала программа «Танцы на Радуге». Выступили уже известный ансамбль индийского танца из Питера «Апсара», коллектив из Норвегии «Norwegian dancers», группа «Sayari» из Индии, нижегородские танцоры бразильской капоэйры, пермский театр «Мимикрия», московская школа ирландских танцев «Iridian» и другие.

Уникальный проект из Индии «Sayari» представил в Перми мировую премьеру-шоу «Roots of Gypsy». «Sayari» – проект, впервые освоивший и объединивший

Фото Артура Артеева.

Фото Артура Артеева.

музыкальные традиции разных областей Раджастана. Канадец Филипп Тапп в городе Удайпур создал центр и школу музыки и танца цыган. Уникальность этого проекта в том, что, помимо цыганской культуры, он включает в себя все основные музыкальные традиции Раджастана, представленные музыкантами и танцорами из разных каст.

Завершился фестиваль грандиозным open-air'ом в музее под открытым небом «Хохловка», пятичасовым гала-концертом и народным праздником «Нового хлеба». По подсчётом организаторов, сюда приехало около десяти тысяч зрителей.

Праздник «Нового хлеба» – это реконструкция старинного обряда, приуроченного к сбору урожая. Специально к празднику в Хохловке засевают хлебное поле, чтобы гости смогли собрать свой сноп, взять на память спелые колосья. А при желании можно пройти весь путь превращения зерна в свежий каравай.

Отметим, что сегодня «Камва» – это крупнейший в России калейдоскоп традиционных культур.

Артур Артееев, участник фестиваля «Камва» в 2006, 2007, 2008 и 2009 годах.

* * *

Четвёртый раз в г. Турку (Финляндия) с 21 по 26 июля 2009 года прошёл международный фестиваль национальных культур «Культурная Река» – «Kultturioki 2009», организованный обществом «Финляндия-Россия» г. Турку. Участвовали в празднике на живописной набережной реки Ауры делегации музыкантов и мастеров-ремесленников из с. Сегеда (Венгрия) и Таллинна (Эстония). Впервые в рамках финно-угорского культурного сотрудничества были приглашены гости из Республики Коми: Лидия Логинова, народная артистка Республики Коми и мастера традиционного народного искусства, известные в республике – Артём Чичкарёв, Василий Попов, Майя Волкова. Они собрали большое число благодарных слушателей и почитателей, о чём сообщалось в центральной прессе г. Турку (газета «Turun Sanomat»). Самобытное национальное искусство народа коми также представлено было коллекцией произведений членов Союза мастеров Республики Коми и колоритными народными костюмами, которыми зрители могли любоваться во время выступлений певицы. Проведение фестиваля совпало по времени с ещё одним замечательным для горожан событием – парусной регатой (Tall Ships Races), прибывшей 23 июля 2009 года в г. Турку из Санкт-Петербурга и, проследовавшей 26 июля 2009 года в г. Клайпеду (Литва). Более 500 тыс. жителей и гостей города участвовали в празднике в эти летние дни. С большим интересом зрители наблюдали за работой мастеров, создающих свои рукотворные шедевры, задавали множество вопросов, проявляли истинный интерес. Руководители Общества «Финляндия-Россия» выразили благодарность участникам фестиваля и надежду на продолжение культурного сотрудничества в будущем.

Майя Волкова, член Союза художников РФ.

В Коми впервые увидят «Завещание предков»

Международная выставка детского художественного творчества «Завещание предков» откроется 21 августа в 11:00 в Центре народных ремёсел «Заань» (с. Выльгорт, ул. Домны Каликовой, д. 67) в рамках празднования Дня государственности Республики Коми.

Организатором проекта «Завещание предков» является Финно-угорский культурный центр Российской Федерации при поддержке Государственного Российского Дома народного творчества. Данная выставка-конкурс проводится раз в два года и имеет тринадцатилетнюю историю. Она предполагает демонстрацию самобытности финно-угорских народов, красоты и неповторимости их легенд, сказок, преданий, обрядов, праздников посредством изобразительных приёмов детского художественного творчества, осмыслиения традиционной культуры в новых пластических формах, позволяющих иначе взглянуть на народную культуру.

В 2008 году в VI Международной выставке детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков» приняло участие 1 300 ребят в возрасте от 6 до 20 лет из всех финно-угорских регионов России и зарубежья. На конкурс было прислано 1182 творческие работы, разные по жанру и технике исполнения, в номинациях: «живопись», «графика», «декоративно-прикладное творчество», «скульптура», «финно-угорская игрушка и костюм». В номинации видео-арт представлены исследовательские работы по обрядам, национальным праздникам. Ребята из Ямало-Ненецкого автономного округа создали замечательные мультфильмы по мотивам сказок и легенд народов ханты и манси. Участница из Украины представила на конкурс фильм о своём путешествии в Будапешт.

Победителем конкурса и обладателем Гран-при стал учащийся ДХШ г. Сыктывкара Илья Нефёдов за работу «Трёхчастное строение мира в образе рыбы».

Лучшие работы составили передвижную экспозицию VI Международной выставки детского художественного творчества по мотивам легенд, преданий, сказок финно-угорских народов «Завещание предков». Данная передвижная галерея уже экспонировалась в Москве, республиках Карелии, Удмуртии и Ленинградской области.

Далее экспозиция будет представлена в выставочных залах города Ханты-Мансийска в рамках празднования Дней родственных финно-угорских народов в октябре 2009 года.

Веса Нииникангас

Молчание как отличительный признак финнов

Письмо из Финляндии

1

Летом 1975 года я сидел вместе со своим другом в турецкой купальне Рудаш в Венгрии. Кроме нас в парной был только один мужчина. Я перелистывал – естественно, ничего не понимая, – главную газету партии, руководившей тогда Венгрией (газету кто-то забыл в бане).

Никто ничего не говорил. Неожиданно мужчина, сидевший со мной рядом, ударил меня по спине и вскрикнул: «Чёрт, финны!». Вскоре выяснилось, что он бывший венгерский моряк, побывавший в 1930-е годы в Выборге.

Как он распознал в нас финнов? Тогда и позднее я думал, что он причислил нас к финнам по внешнему виду или запаху. Сейчас, спустя 16 лет, я придерживаюсь другой теории: он угадал в нас финнов потому, что мы молчали. По внешнему виду мы могли вполне сойти за шведов или даже немцев. Но только не в его понимании: два шведа в турецкой бане, возможно, общались бы плотнее друг с другом, а два немца заполнили бы всё пространство шумной беседой.

Позднее во время своих поездок в Венгрию я испытал то же самое: во мне узнавали финна прежде, чем я успевал хоть что-то сказать, – или, вероятно, по этой самой причине и узнавали.

2

Моего деда Вяйнё Нииникангас убили в лагере для военнопленных, принадлежащем белой армии, в районе Хеннаала города Лахти в апреле 1918 года. Бабушке Иде Нииникангас в 42 года пришлось стать единственной кормилицей шестерых детей. В семье смерть отца стала табу, о ней не говорили.

Семейное предание, всё же, гласит, что Вяйнё Нииникангас не участвовал в военных действиях ни на одной стороне и что он был членом Прогрессивной партии. Вяйнё был одним из основателей Объединения печатников г. Ювяскюлы. В летописи объединения упоминается, что осенью 1917 года он отправился на поиски работы в Лахти. Он был одним из немногих членов организации, погибших в войне 1918 года.

Брат бабушки Юхо Рутанен, обучившийся на судью, жил и работал в Лахти. Склонял ли он семью свояка и сестры к переезду в Лахти? Об этом семейная легенда рассказывает, что Вяйнё был в Лахти в целях покупки дома. Хотя в Ювяскюле у семьи был свой дом ещё с начала столетия. В размещённом в Интернете списке погибших во время военных событий 1914–22 годов Вяйнё Нииникангас обозначен как красный солдат, которого убили в возрасте 37 лет 28 апреля 1918 года. В регистре не упоминается ни о лагере для военнопленных, ни о том, носил ли оружие мой дед, ни о месте его захоронения.

Весной 1918 года моему отцу было 13 лет. Когда ему исполнилось 18, мать рассказала, где умер отец. В тот же день мой отец вступил в шюцкоровскую организацию. После этого о смерти деда в семье все хранили молчание. Мой отец искал правды до конца своей жизни, но его мать, сёстры и братья не давали

ответа на его вопросы. Молчание отдалило их друг от друга, отец был изолирован от семьи. Он умер в 1988 году. Весной 2006 года мой брат рассказал, что Юхо Рутанен был военным судьёй, отправившим своего сына на казнь.

3

Немецкий поэт Бертольт Брехт был в изгнании в Финляндии летом 1940 года. Он написал финской хозяйке, писательнице Хелле Вуолийоки стихотворение «Финский пейзаж». В начале стихотворения Брехт восхищается водами Финляндии, полными рыбы, красивыми деревьями и ароматом финских лесов. Изгнаник сидит в размышлениях под ольхой и наблюдает окрестности. Он видит, как шумят колоссящиеся хлеба, как пасутся на заливных лугах большие стада. Ему незнакомы традиции страны и её люди, с которыми ему не дано установить контактов. Напоследок он спрашивает у плота, проплывающего мимо: «Не из-за тебя ли, дерево, деревянные ноги у многих здесь?». Народ молчит на обоих своих языках.

Брехт пытался объяснить молчание финнов их угнетённостью. У него не оказалось терпения подождать, когда «застывшие» финны перестанут удивляться немецкому интеллектуалу, курящему сигару, и ответят на его вопросы.

Йорма Этто в своём стихотворении «Финн» описывает соотечественника так: он отвечает, когда не спрашивают, спрашивает, когда не отвечают, и не отвечает, когда спрашивают. Финн сбился с дороги и кричит на берегу, а на другом берегу ему кричит другой финн, так, что лес раздаётся эхом. У финна всегда есть друг, который тоже финн. И ничто не разъединит их, кроме смерти и полиции.

Если финны у Брехта молчат, финн у Этто выкрикивает свою боль на весь мир – для большей надёжности, конечно, в лесу на берегу озера. В качестве слушателя он находит второго такого же финна, который кричит о своём на другом берегу. Они не общаются, каждый из них только представляет свой собственный монолог.

4

Вышедший в 1990 году фильм режиссёра Аки Каурисимяки *«I Hired a Contract Killer»* (*Я нанял убийцу*) рассказывает о французе, Анри Буланже, который работает в Лондоне в службе водопроводной компании. Когда руководство урезает штат, мужчину-эмигранта увольняют. Он падает духом и решается на самоубийство. Первые попытки не удаются, а на новые у него не хватает смелости. Француз решает заплатить профессиональному убийце за достижение своей цели. Случайность – Буланже влюбляется в продавщицу цветов из ближайшего бара – вмешивается в игру, и герой фильма хочет отменить свой смертный приговор. Но машина уже запущена.

На одном из свиданий мужчина проводит вечер со своей подругой. Они пьют вино и играют в карты. Зрители знают, что киллер уже близко. Сцену свидания сопровождает финское танго в исполнении Олави Вирта *«Перед смертью»*. Это единственная ссылка на Финляндию, кроме лишь той, что мы знаем, что режиссёром фильма является финн. В фильме говорят очень мало. В главных ролях – француз Жан-Пьер Лео и англичанка Марги Кларк, место действия – Лондон. Единственный финн в кадре – это сам режиссёр, который появляется в маленькой роли без слов. Фильм показывают в Финляндии под английским названием. В нём, если измерить количественно, очень мало элементов, указывающих на финскую культуру.

Почему же, посмотрев фильм, я счёл его – не смотря на его интернациональный характер – финским фильмом? Не хочу сказать, что после этого моего наблюдения фильм должен выглядеть хуже или лучше. В фильме значительное место отводится тишине, отсутствию разговоров и молчанию. В этом я вижу его связь с Финляндией. Курисмяки в своём фильме сумел придать молчанию художественное качество. В этом смысле в фильме «*I Hired a Contract Killer*» есть что-то существенным образом финское.

5

По мнению социолога Клауса Мякеля, финский менталитет кристаллизуется из правил и содержания самовыражения, с помощью которых финны понимают друг друга. Он сходится во мнении с поэтом Этто в том, что финны чувствуют себя естественнее в обществе с другими финнами, чем с иностранцами. Хотя это вовсе не значит, что при этом они должны быть во всём одного мнения. Финский атеист – даже если он прекрасно владеет испанским – может быть более непринуждённым с финским сектантом, нежели с испанским атеистом, придерживающимся тех же взглядов, что и у него. Мякеля утверждает, что для финна важнее быть понятым, чем быть в одной компании с единомышленником, и это желание быть понятым имеет более широкий смысл, чем просто понимание языкового сообщения.

Исследователь коммуникации Яакко Лехтонен и языковед Кари Сайаваара считают, что паузы в речи финнов строятся по другим правилам, по сравнении с речью иностранцев. Когда финн ведёт диалог с выходцем из другой страны, он может в речи допускать длинные паузы – и совсем необязательно это говорит об отсутствии знания иностранного языка. Соответственно, он может слушать без раздражения подобного говорящего, допускающего в речи длинные паузы. Участвующий в диалоге иностранец не всегда это понимает – едва ли ему в школе преподавали особенности финской культуры речи, – и он толкует длинную паузу в речи финна как конец разговора. Там, где американцу необходимо заполнить паузу в разговоре, финн с большим удовольствием промолчит вместо того, чтобы придумывать темы для разговора. Тишина в обществе американским социумом не одобряется, финским – напротив. Исследователи предполагают, что подобные различия происходят из различий в образовании. Но насколько глубоки эти отличия? Неужели молчание, слушание или неактивное участие в диалогах между представителями разных народов социально или культурно не имеют большого значения? И если так, то каким мерилом это измерено.

Нужно ли американца обучать принимать в компании тихого, спокойного участника, а финну преподавать умение вести *small talk* (лёгкую беседу)? Последний упомянутый вариант предлагают в качестве патентованного лекарства почти во всех источниках, в которых рассматриваются способы и средства интернационализации финнов. С другой стороны, может быть, молчание настолько глубоко основано на финской культуре, что его не получится изменить в одно поколение, и, возможно, даже в два. Если молчание проистекает от незнания, то от него легко отделаться, прояснив непонятное. Но если оно обосновано содержанием и правилами самовыражения финнов, – как расценивают социологи – изменение будет возможно только тогда, когда эти правила изменятся.

Веса Нииникангас – руководитель проекта «Развитие книгоиздания коренных финно-угорских народов», реализуемого при поддержке Финляндского культурного фонда, ООО «Издательство «Эностоне», общества имени Матиаса Кастрена и РМОО «Nuori Karjala».

Книжный мир

Несмотря на экономический кризис, книги в нашей республике продолжают издаваться. Только за последние месяцы в свет вышли избранные произведения Виктора Савина «Жизнь моя светлая» (составитель Владимир Тимин), роман Григория Спичака «Цитала. Украденный посох», сборник стихов известного эстонского поэта Хандо Руннеля «Украденные сновидения» в переводе на коми язык Нины Обрезковой, коллективный сборник «Удора – душа моя», в котором представлены стихотворные и прозаические произведения 15 авторов, для которых Удора является или стала родиной, перевод на коми язык Алексея Попова книги Н. Жеребцова и П. Столповского «Рассказы об истории коми края», поэтический сборник Галины Бутыревой «Ещё горит свеча...», в нём автор предложил вниманию читателей как свои оригинальные стихотворения, так и переводы своих стихов на различные языки.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста были изданы книжки-раскраски на коми языке «Дома и в лесу» и «Дятел и сова».

Непосредственно к 170-летию основоположника коми литературы был выпущен в серии «Звёзды Севера» сборник избранных стихотворений на коми языке Ивана Куратова «Будьте счастливы» (предисловие и составление Владимира Тимина), а также книга краеведа Анны Малыхиной «Род Куратовых: Путешествие по родословному древу поэта». На последнем издании остановимся подробнее.

Это своеобразный рассказ об основоположнике коми литературы, но это рассказ не о нём непосредственно, а о его предках и потомках. Какие удивительные, достойные судьбы, хотя порой и трагические встают перед нами. В сухих справках о жизни и смерти того или иного представителя рода Куратовых чувствуется и дыхание эпохи, и кратковременность человеческой жизни, и умение обрести силы в самых безвыходных ситуациях.

В книге представлены 12 поколений, начиная с прадеда поэта, около тысячи персонажей. Это обобщающий труд 10-летней исследовательской работы в архивах. Родословная роспись перемежается очерками о жизни некоторых представителей рода Куратовых. В ней опубликован послужной список Ивана Алексеевича и некролог о нём, который напечатала газета «Туркестанские ведомости». В книге также представлены фотографии, письма и воспоминания. Как отмечено в её предисловии: «Знание истории своей семьи – важный момент как в социальном становлении личности, так и в формировании в себе внутреннего человека, обретающего безусловные ценности».

Summary

2010 is the year of the 120th anniversary of V.T. Chistalev (Tima Ven'). «ART» starts the series of publications regarding life and creative work of this remarkable poet. This time we introduce him as a successful translator. From our point of view, his own verses have not been translated exactly well yet. However, we are ready to support all attempts of young and experienced writers and poets to perform their own translations of Chistalev's verses, not necessarily into the Russian language.

The translation theme is extended in the article «A Look at Komi Lyrics» by a Finnish scientist Rayia Bartens. We publish the part focused on the literary works of Galina Boutyreva. Here you can also read her verses translated from Komi into the Finnish language.

This year is extremely rich in various literary anniversaries. The third issue presents the works of Andrey Popov, the poet who celebrates his 50th anniversary this year.

The article by P. Limerov named «The Experience of Self-destruction...» is devoted to the creative work of Gennady Yushkov – one of the classics of the Komi literature, who unfortunately has recently died.

The epos «Kalevala» celebrates its 160th anniversary. In connection with this date «ART» publishes a series of fascinating materials, including Kalevala scenes by V. Fomin in the «ART-Fact» section.

This «ART» issue is traditionally accompanied by a CD, which we present to our readers in the context of the Year of the Komi Language. This time it is a CD with Galina Boutyreva's verses in the Komi language.

Translated by A. Atrashkevich